

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш.Марджани
Центр золотоордынских исследований



Николай Иванович Веселовский
(1848–1918)

ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ



Казань – 2010

ББК
В

Серия «История и культура Золотой Орды»

Выпуск 12

Выражаем искреннюю признательность
Рамику Мирзадяновичу Гадельянову
за финансирование данного издания

Редактор издания:
кандидат исторических наук *И.М.Миргалеев*

Веселовский Н.И.

Труды по истории Золотой Орды. Под ред. И.М.Миргалеева. –
Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2010. – 192 с.

Предлагаемая книга является изданием работ известного ориенталиста Н.И.Веселовского, посвященных золотоордынской истории, которые давно стали библиографической редкостью.

ISBN 978-5-9690-0135-0

© Центр золотоордынских
исследований ИИ АН РТ, 2010
© Издательство «Фэн» АН РТ, 2010

Центр золотоордынских исследований Института истории АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данной книги (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие редактора (И.М. Миргалеев)	4
Хорезм под властью Джучидов	7
Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия)	17
О местоположении Гюлистана при-Сарайского	40
Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству	48
Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории	58
Загадочный Гюлистан Золотой Орды	73
Пережитки некоторых татарских обычаев у русских	85
О религии татар по русским летописям	98
Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана	117
Заметки по истории Золотой Орды	120
Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время	132

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Работы Николая Ивановича Веселовского (*род. 12 ноября 1848 г. – умер 30 марта 1918 г.*), члена Императорской Археологической комиссии, профессора Санкт-Петербургского университета явились в свое время значительным вкладом в дело изучения золотоордынской истории.

Н.И.Веселовский родился в Москве. Окончил Вологодскую гимназию, затем факультет восточных языков Петербургского университета. За выдающиеся успехи он был оставлен при университете, защитил диссертацию и с 1890 г. исполнял должность ординарного профессора. В 1885 г. Н.И.Веселовский отправился в Среднюю Азию для археологических исследований. Вскоре он публикует ряд работ, доказывая, что встречающиеся в степях России, в Сибири и в Монголии статуи, называемые «каменными бабами», принадлежат тюркским племенам.

Профессор Н.И.Веселовский в течение многих лет проводил археологические исследования Кубани и вел раскопки курганов. Ему принадлежат величайшие открытия в археологии. Это раскопанный им в 1897 г. Майкопский курган, а также Костромской курган.

Н.И.Веселовский был известным востоковедом и археологом, автором таких работ как «История Хивы», «Памятники дипломатических сношений Московской Руси с Персией». Он также исследовал города Средней Азии, параллельно писал и статьи по татарской истории.

Во времена его жизни в стране происходили трагические события, но, несмотря на все политико-экономические трудности, ученые продолжали издавать свои работы. Однако тираж этих работ был незначительным. Поэтому из предложенных в этой книге статей Н.И.Веселовского не все можно найти в самых богатых библиотеках страны, таких как Российская государственная библиотека, Государственная публичная историческая библиотека (Москва), Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге и Научная библиотека Казанского (Приволжского) федерального университета¹.

¹ Хотел бы поблагодарить моих коллег *Р.Ю.Почекаева* из Санкт-Петербурга и *А.В.Пачкалова* из Москвы за помощь в поисках работ Н.И.Веселовского.

В данный сборник вошли следующие статьи Н.И.Веселовского: «Хорезм под властью Джучидов»², «Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия)»³, «О местоположении Гулистана при-Сарайского»⁴, «Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству»⁵, «Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории»⁶, «Загадочный Гюлистан Золотой Орды»⁷, «Пережитки некоторых татарских обычаев у русских»⁸, «О религии татар по русским летописям»⁹, «Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана»¹⁰, «Заметки по истории Золотой Орды»¹¹, «Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время»¹². Все эти работы посвящены золотоордынской истории и изначально стали библиографической редкостью. Мы решили сохранить стиль текстов, но при этом использовали современное правописание.

² Из книги Веселовского Н.И. Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. – СПб., 1877. – С. 75–89.

³ Веселовский Н.И. Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия) // Древняя и новая Россия. Т. 18. – СПб., 1880. – С. 5–23.

⁴ Веселовский Н.И. О местоположении Гулистана при-Сарайского. – Киев: Типография 1-й Киевской Артели Печатного дело, 1907. – 10 с.

⁵ Веселовский Н.И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Сб. в честь 70-летия *Потанина Г.Н.* Записки российского географического общества, XXXIV. – СПб., 1909. – С. 525–536.

⁶ Веселовский Н.И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. – СПб.: Тип-я Б.М. Вольфа, 1911. – 19 с.

⁷ Веселовский Н.И. Загадочный Гюлистан Золотой Орды. – СПб.: Тип-я Императорской АН, 1912. – 12 с. + табл.

⁸ Веселовский Н.И. Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Живая старина. Год XXI. 1912. Вып. 1. – С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912. – С. 27–38.

⁹ Веселовский Н.И. О религии татар по русским летописям // ЖМНП. Новая серия. Часть LXIX (1916, №7), отд. 2. – Пг.: Сенатская типография, 1916. – С. 81–101.

¹⁰ Веселовский Н.И. Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана // ЗВО РАО. Т. 24. 1916. 1917. – С. 201–204.

¹¹ Веселовский Н.И. Заметки по истории Золотой Орды // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XXI (1916). Кн. 1. – Пг., 1916. – С. 1–15.

¹² Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки РАН. Серия VIII. Том XIII. № 6. – Петроград: Российская Государственная Академическая типография, 1922. – 58 с.

И сегодня у археологов и нумизматов тема Гюлистана, одного из центров монетного чекана Золотой Орды продолжает оставаться одной из самых обсуждаемых, и идут споры о его местонахождении. По вопросу о татарском влиянии на русских имеется исследование Иль-яса Камалова¹³. О религиозной ситуации в Золотой Орде активно пишут современные исследователи, как в России¹⁴, так и за рубежом¹⁵. Особого внимания заслуживает, конечно же, работа о темнике Ногае, достаточно упомянуть тот факт, что после Н.И.Веселовского отдельно об этом персонаже золотоордынской истории еще не кто не писал¹⁶. Все это показывает, что работы Н.И.Веселовского и по сей день не потеряли своего значения.

Надеемся, что издание работ Н.И.Веселовского будет памятью его 160-летию и вернет его работы в поле зрения современных исследователей, не только как часть историографии, но и как работы по актуальным темам золотоордынской истории.

Миргалеев И.М.

Руководитель Центра золотоордынских исследований

¹³ Pyas Kamalov. Altin Orda ve Rusya (Rusya uzerindeki Turk-Tatar etkisi). Istanbul: Otuken yayinlari, 2009.

¹⁴ Галияхметова Г.Г. Ислам в Золотой Орде: традиции религиозного опыта. Редактор издания И.М.Миргалеев. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. – 132 с.; Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – С. 192.

¹⁵ De Weese Devin A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: The Pennsylvania State University press University Park, 1994. – 638 p.

¹⁶ Есть работа современного болгарского историка Пламена Павлова «Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270–1302 г.)» // Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 1995, с. 121–130, где автор рассматривает политику Ногай на Балканах.

Хорезм под властью Джучидов*

Чингиз-хан перед смертью разделил свою империю между сыновьями. При этом завоеванные страны к северу от Аральского моря, вместе с Хорезмом, достались роду старшего сына Чингиз-ханова, Джучи; сам же Джучи умер раньше этого раздела. Мусульманские писатели, говоря о разделе Чингиз-ханом его империи, не сообщают ничего о том, что Хорезм отошел не к Джагатаидам, как это можно заключать из слов этих писателей; а к Джучидам. Это обстоятельство ввело некоторых европейских писателей, касавшихся раздела, в ошибку, так как они относили Хорезм к Джагатаеву уделу. Вивьен-де-С. Мартен говорит, что *Maouarannahar du Transoxane et le pays de Kharizm* (составляли) *le royaume de Tchagatai*¹. Я.В.Ханыков, в своей «Пояснительной записке к карте Аральского моря», также считает, Хорезм частью Джагатаева улуса². Конечно, ни С.Мартен, ни Ханыков не вникли в дело; но удивительнее всего то, что Сенковский, как известно, занимавшейся историей Золотой Орды, тоже относил Хорезм к владениям Джагатая³. Не ради осуждения так сказать, приведены мною эти обстоятельства; а в свидетельство того, как мало разработана история Хорезма.

Улус Джучиев заключал в себе во-первых, Дешти-Кипчак (в обширном смысле); во-вторых, Крым, часть Закавказья, Хорезм и Русь. Но скоро улус этот, обнимавший обширные степи и оседлые страны, распался на две орды, «Золотую» и «Синюю»; а впоследствии раздробление пошло еще дальше.

Резиденциею Джучидов Золотой Орды был Сарай; отсюда, следовательно, шли распоряжения в Хорезм, и туда должен он был доставлять свою дань. Понятно, таким образом, почему в России было много Хорезмийцев. При первоначальной системе ханов Золотой Орды отдавать «дани» на откуп, Хорезмейские купцы, как народ богатый, естественно, должны были иметь перевес перед всеми другими наддатчиками. И немало пострадала от них Русская земля.

Хорезм при Джучидах не имел никакого важного значения, и сведений о нем за это время у нас очень мало.

* Веселовский Н.И. Хорезм под властью Джучидов // Очерк историко-географических сведений о хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. — СПб., 1877. — С. 75–89.

¹ Les Huns blancs ou Ephthalites; p. 119.

² Зап. Рус. Геогр. Общ. кн. V. — С. 271.

³ Энциклоп. Лекс. изд. Плюшара; I, 49; в статье об Абул-Гази.

Вскоре после завоевания Хорезма Татарами, через него проезжал, (в 1246 году) францисканский монах Плано Карпини⁴. Хорезм называется он землею Бисерминов⁵ (*terra Bisermi norum*). «Говорят они (Бисермены) – пишет Карпини – языком Команским, но закон держат сарацинский (магометанский). В земле этой нашли мы бесчисленное множество разоренных городов с замками и много пустых селений. Государь сея земли назывался Алтисолданом (Султаном Алла эд-Дином), которого Татары истребили со всем его родом»⁶.

С некоторого времени, а именно с издания путешествия даосца Чина-Чуня⁷, сказания мусульманских писателей о страшном разорении Мавераннагра Татарами начинают считаться вымышленными, на том основании, что Чинь-Чунь, следуя тою же дорогою, которою проходили Чингиз-хановы полчища, не встречал никаких особенных следов разрушения. Бесспорно, свидетельство это много ослабляет те ужасы, о которых рассказывают мусульманские писатели времен татарского нашествия; но думаю, что вполне уничтожить их оно не может. Я не хочу заподозрить Чина-Чуня в преднамеренном обмане, отнюдь нет; но не надо забывать то, что даосец этот ехал почтовым трактом, устроенным Чингиз-ханом, ехал, следовательно, местом оживленным, бойким, легко мог не заметить всех следов татарского нашествия. Война всегда влечет за собой разрушения, но если разрушения эти даже через четверть столетия поражают своею громадною, то мы уже можем судить о том, какова была война.

В течении двух с половиной столетий оставался Хорезм верною провинциею Джучидов. Доказательством этому могут, между прочим, служить монеты, битые в Хорезме от имени ханов Золотой Орды. В первый раз такие монеты описаны были академиком Френом в его «*Recensio Numorum*»⁸. Из них известны монеты Тохтубека. Узбека,

⁴ Путешествие Плано Карпини, описанное им самим, издано у нас в тексте с русским переводом. *Д.И.Языковым*, под заглавием – «Собрание путешествий к Татарам» (СПб., 1825).

⁵ Но судя по продолжительности дороги этою землею (от праздника Вознесения почти до праздника св. Иоанна Крестителя, 24 июня) а также потому, что черных Китаев (Кара-Киданей) помещает Карпини на север от земли Бисерминов, надо полагать, что этим именем зовется у него не один Хорезм, а весь Мавераннагр.

⁶ Собрание путешествий к Татарам. – С. 27–29.

⁷ Путешествие Чинь-Чуня издано в русском переводе о. Палладием (в Трудах Пекинской Духовной миссии 1866 г. т. IV); на французском – Потье.

⁸ *Fraehnii, Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. scient. Petropolitanae. Petropoli, MDCCCXXVI.*

Джанибека, Бердибека, Кулнаха, Хизирхана (Хидыря), Пулада, Тюлябека (Телебуга) и Тохтамыш⁹.

Во время частых столкновений Гулагуидов с Джучидами и Джагатаидами, Хорезм, как видно, оставался в стороне. По крайней мере нет у нас никаких известий о том, принимал ли он какое участие в этих столкновениях, или в какие отношения становился к боровшимся сторонам. Известно только, что с Золотою Ордою находился он в самых частых и близких сношениях. Глядя на теперешние пути сообщения Хивинского ханства с Россией, трудно поверить, что в древности пролегали тут превосходные караванные дороги. А между тем развалины городов на Мангышлаке, которые видел Иванин¹⁰, да токовые же на всем пути от Хивы на запад, к Каспийскому морю свидетельствуют о ином положении этих стран в древности, чем теперь. Сохранившиеся до наших дней высеченные из камня водоемы на Усть-Урте, следовательно, на северном для Хивы пути, показывают, что деятельность в этих местах была прежде далеко усиленнее теперешней. Могут возразить, что города на запад от Хивы обратились в развалины до нашествия Татар, и северный путь стал никуда не годным, точно также ранее этого нашествия. Но едва ли это так. Если Хорезм отошел к Джучидам; а не к Джагатаидам, что казалось, было бы гораздо целесообразнее, то значит, природа не представляла тогда к подобному присоединению тех преград; какие встречаем ныне, на севере и на западе от Хивы.

В начале XIV столетия находим известия о Хорезме у некоторых европейских путешественников. К сожалению, известия эти так ничтожны, что не стоят, пожалуй, и упоминания. Так например, *Гайтон*,

⁹ См. *Recensio numorum*, стр. 204, 206, 208, 211, 213, 229, 230, 239, 253, 257, 260, 262, 268, 295, 297, 308, 310, 314, 316, 319, 371, 649, 650, 652, 653. См. также: Френа же *Die Munzen der Chane vom Ulus Dschutschis' oder von der Goldenen Horde*; St.-Petersb. 1832 (а в русском переводе Волкова: *Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды*, СПб., 1832). Соч. *В.В.Григорьева*. «Описание монет Джучидов, Генуэзцев и Гиреев, битых на Таврическом полуострове» *Савельева*: «Описание клада из золотых монет, найденных близ развалин Сарая». Здесь позволю себе высказать одно замечание относительно значения ордынских монет, битых в Хорезме. Монеты эти служат ясным доказательством тому, что ханы Золотой Орды, бывшие монеты в Хорезм, несомненно ханствовали в ней; тогда как, относительно некоторых других ханов, можно сомневаться, действительно ли они сидели в Орде или только еще добивались этой чести; а между тем, в ожидании этого благополучия, били свою монету и титуловали себя ханами. Чего еще в действительности не достигли.

¹⁰ Поездка на Мангышлак Иванина (в Зап. Георг. Общ. кн. I и II, стр. 332, 334; а также в Военном Сборнике за 1863 г. кн. февр., отд. II. – С. 340).

писавший около 1300 года, показав границы Хорезма, говорит: «ils (т.е. Хорезмийцы), sont paiens sans letters et sans loi (это выдумка Гайтана), Il y en a qui dans les armes sont tres sauvages, qu'on appelle les Saldins: ils ont leur langue particuliere. Ils jnt les rits et les ceremonies des Grecs, et consacrent a la maniere des Grecs sous l'obeïssance du Patriarche d'antioche»¹¹. В 1335 г. посетил Хорезм монах-миссионер, *Бальдуччи Пеголетти*, описавший свой маршрут, ничего важного не представляющий¹². В 1338 году отправился туда же с несколькими товарищами другой монах, *Паскаль*. В Ургенч поехал он из Сарая на Сарайчук и «quingagesimo die in Wrgant (Ургенч) devein (пишет Паскаль); quae est civitas alio nomine vocatur Hus (Хорезм?); ubi est corpus beati *Iob*». Оттуда прибыл Паскаль в империю Мидян (Medorum). «Ecce gratiose ductus sum in Armalech, civitatem in medio ipsorum Medorum, in Vicaria Catay, et sic incipiens ab Urganth, quae est civitas ultima Persarum et Tartarorum, usque ad Armalech»¹³. Вот и все.

Гораздо важнее для нас путешествие в Хорезм, совершенное тем же путем знаменитым арабским путешественником Танжерцем, *Абу-Абдуллою Мухаммедом Ибн-Батуту*.

Хорезм посетил Ибн-Батута около 1340 года¹⁴. Отправился он туда (вместе с караваном) из Сарая столицы Золотой Орды, и говорить, что между этим городом и Хорезмом лежат степи на 40 дней пути¹⁵. Столицу этой страны описывает он следующим образом. Хорезм (так называет он Джорджаниэ) самый большой и самый прекрасный из тюркских городов. Улицы в нем широки, постройки многочисленны и много всяких достопримечательностей. Город до такой степени населен и оживлен, что в базарный день, когда выезжал Ибн-Батута, не мог он проехать улицами на лошади. Город этот, пишет он, принадлежит к владениям хана Узбека, который поставил здесь правителем Кутлу (к) Тимура.

Эмир построил здесь медресе, а его жена построила мечеть. Существует в этом городе и госпиталь, где врач Сириец. Жители Хорезма произвели на Ибн-Батуту самое отрадное впечатление своим великодушием и гостеприимством, так что наш путешественник прямо го-

¹¹ См. у *Bergeron'a* в *Recueil de divers voyages faits en Tartarie*.

¹² См. *Libro de'Divisamenti dey Paesi e Mesure*.

¹³ *Lavrentii Moshemii, Historia Tartarorum ecclesiastics; Helmstadt MDCCXXXX. (Appendix. p. 193–196).*

¹⁴ Путешествие Ибн-Батуты издано в арабском тексте с французским текстом Дефремери и Сангвинети, под заглавием: *Lev voyages d'Ibn Batdotah. Paris 1853–58, в 4 томах.*

¹⁵ *Ibn Batoutah, t. II, p. 450.*

ворит, что людей лучше Хорезмийцев он не встречал. Духовенство строго до такой степени, что все жители собираются в мечеть на молитву; не явившиеся наказываются или плетью, которая на этот случай находится в каждой мечети, или денежным штрафом до 5 динаров, которые идут или на украшение мечети или содержание войска¹⁶.

Эмир страны, Кутлук Тимур, сын тетки знаменитого Узбека с материной стороны. Он главный из эмиров хана и его наместник в Хорасане. Сын Кутлук Тимура, Гарун-бек женат на дочери Узбека и ханши Тайтоглу. Жена же эмира называется Турабек-хатун. Эмир отправляет правосудие таким образом: кади всякий день является в зале аудиенции и садится на особом, для того назначенном месте, вместе с законооведами и секретарями. Один из важных эмиров садится против него с восемью старшинами или шейхами турками, которые называются *аларгуджиэ*, «посредниками». Тогда жители города представляют свои жалобы на решение этого суда. Вопросы религиозные решает кади, все другие вопросы – старшины. Решения их справедливы, потому что судей нельзя заподозрить в пристрастии к той или другой стороне, так как они не поддаются на подкуп¹⁷.

Радужный прием, оказанный Ибн-Батуте¹⁸ в Ургенче, свидетельствует в свою очередь о том, как принимали там путешественников. Эмир, кроме денежного подарка в тысячу дирхемов, послал Ибн-Батуте рису, муки, овец, масла и много вязанок дров (угольев в этой стране, а также в Индии, Персии и Хорасане – говорит Ибн-Батута – не употребляют). Жена же эмира устроила в честь путешественника пир, на который были приглашены законоведы и старшины города¹⁹.

Отправившись из Хорезма на Бухару, Ибн-Батута прибыл в город *эль-Кят*; другого города по дороге в Бухару, говорит он, – нет. Город этот не велик; но красив. Здесь встретили путешественника кади города (*садр-ул-шариэ*), эмир, шейх и его ученики. Эмир Кятский устроил праздник в честь гостя; а на прощанье одарил его платьем и лошадыю. Через 6 дней после того Ибн-Батута прибыл в город Вабкенех (Вафкенд), лежащий на день пути от Бухары²⁰.

Долго ли после посещения Хорезма Ибн-Батутою продолжался там, описанный им порядок вещей, т.е. назначение правителей Хорез-

¹⁶ Ibn Batoutah; t. III, p.3–5.

¹⁷ Ibid. p. 9–12.

¹⁸ Ибн-Батута путешествовал в сопровождении своего гарема.

¹⁹ Ibn Batoutah, t. III, P. 13–15.

²⁰ Ibid. p. 20–21.

ма ханами Золотой Орды, — мы не знаем. Только из Тимурова жизнеописания²¹, под 1370 годом, узнаем, что там наступили новые порядки.

В начале этого года дошло до сведения Тимура, что в «землях Кята и Хивака» утвердился Хуссейн Софи, сын Янгадая, из племени Конград. Это известие почему-то заставило Тимура обратить свое внимание на Хорезм. От имени Джагатайского хана²², Тимур потребовал у Хуссейна-Софи подчинения этому дому, в том основании, что Хорезм находился прежде в воздействии Джагатаидов²³. На это требование Хусейн отвечал, что страну, ему подвластную, *он завоевал оружием* и, что таким же путем надо ее отнять у него. Тогда Тимур стал готовиться к походу в Хорезм. Между тем мулла Джелаль эд-Дин, находившийся при Тимуре вызвался уговорить государя Хорезма согласиться на требование Тимура, чтобы не губить страны. Но Хуссейн Софи велел посадить его в тюрьму. После этого поступка Хуссейна, Тимур дал приказ войскам выступить в поход. Весною 773 (1371) года прибыл Тимур в Хорезм и осадил Кят. Губернатор города Бейрам и шейх Муваид решились защищаться, и хотя город защищался отчаянно; но был взят и наказан разграблением. Затем Тимур подступил к Хорезму (Ургенчу), опустошив местности, лежавшие на его пути. Хуссейн-Софи просил мира; но потом, понадеявшись на помощь, обещанную ему Кей-Косроу Котлани (в Хуттеле), решился сопротивляться. На канале Кавун, в двух фарсах от Ургенча, он дал битву; но был разбит и заперся в городе. Здесь, удрученный раскаянием, Хуссейн-Софи с горя умер. Ему наследовал брат его Юсуф-Софи. С этим Тимур заключил мир на условии выдать замуж за его сына Джехангира дочь Ак-Софи (брата Хусейна и Юсуфа-Софи). Мать ее была дочь хана Золотой Орды Узбека. Это *первый* поход Тимура в Хорезм²⁴.

Раньше из рассказа Ибн-Батуты мы видели, что дочь хана Узбека была замужем за Гаруном, сыном Кутлук Тимура; теперь видим, что

²¹ Это жизнеописание, составленное Шереф эд-Дином, перевел Пети-де-лак-Круа: Histoire de Timurbec; écrite en persan par Cherefeddin Ali, trad. en français par Petis de la Croix. Paris 1722, в 4 томах.

²² Тимур посадил ханом в Самарканд джагатаида Суюргатмыша и от его имени управлял ханством.

²³ Если Тимур действительно выставлял такую причину и тут нет выдумки Шерефетдина, то он не был прав: Хорезм никогда Джагатаидам не принадлежал. Отнять его у Джучидов было очень легко, и те не в силах были бы отстоять свою провинцию; но монеты, битые в Хорезме от имени ханов Золотой Орды, показывают, что этого отнятия не было.

²⁴ Histoire de Timurbec. t. I, p. 226–239.

дочь Узбека находится замужем за Ак-Софи. Нет ли тут какой связи? И не может ли это обстоятельство служить руководящей нитью для выяснения происхождения династии Софидов, властвовавших в Хорезме в 70-х годах XIV столетия?

Но лишь только Тимур удалился восвояси, как Юсуф, поддавшись советам некоторых интриганов, отказался исполнить свое обещание. Осенью пошел он в Кятскую провинцию, разорил ее, а жителей разогнал и вернулся затем домой, не заботясь о том, что *нарушил заключенный им договор*²⁵.

Это заставило Тимура предпринять *второй* поход в Хорезм, куда он и выступил в год *коровы* 774-й, (соответствует нашему 1373 году). Тогда Юсуф просил мира, на что знаменитый Эмир и соизволил, так как невеста Джехангира на этот раз была отправлена в Самарканд²⁶.

В начале весны 777 года *дракона* (1376) опять видим Тимура на пути в Хорезм. Когда он был уже около Кята, получил известие о нападении на Самарканд Джетейцев, и поспешил назад. Это *третий* по счету поход Тимура на Хорезм²⁷.

Зимой 779 года *лошади* (=1378), когда Тимур находился в Отраре, Юсуф-Софи, сведав об его отсутствии из Самарканда, отправил войско пограбить Бухару. Тимур, за такой поступок Хорезмского владетеля, послал ему выговор; но Юсуф велел посла посадить в тюрьму. Тогда Тимур отправил Юсуфу письмо с укором за его поступки; но и этого нового посланца постигла та же участь. Мало того: Юсуф повторил свой набег на Бухару. Тогда только рать Тимура выступила в *четвертый* раз в Хорезм (в 1379 году), причем войскам отдано приказание опустошать страну. Когда Железный Хромец перешел реку при Эски-Угузе и направился к столице Юсуфа, этот последний послал Тимуру вызов на поединок. Тимур принял вызов; но вызвавший струсил и заперся в городе. Здесь он скоро заболел, потерял рассудок и наконец умер. Осаждающие, после этого известия, напали на город с особенною силою, и он был взят на 16-й день четвертого месяца осады. В на-

²⁵ Признаюсь, это место для меня совсем непонятно. С какой стати Юсуф ходил опустошать Кятскую область, когда она составляла часть его владения? Вот подлинный перевод Пети-де-ла-Крюа: *Jsouph alla pendant l'Automne faire des conress au Pays de Cat, qu'il ruina, et dont il dispersa la plupart des Habitans, ce qui ne l'empêcha pourtant pas de reflechir sur lui-même ne comprenant pas d'abord l'action qu'il faisait, en rompant sitot les Traites.* (Т. I, p. 242). Перешла эта область в ведение джагатайского султана что ли?

²⁶ Там же. — С 243.

²⁷ Там же. — С 260 и след.

казание за такое сопротивление, Ургенч был разграблен, его ученые и наилучшие ремесленники, с их семьями, были отправлены в Кят, туда же уведено было бесчисленное множество женщин и детей. Эта славная победа, говорит Шерефеддин, была, одержала в 781-й год *овцы* (1379)²⁸.

В 790 (1388) году предпринял Тимур *пятый* поход в Хорезм. Придя в эту страну, узнал он, что враги его Иликмыш-Оглан (Algan) и Солиман-Софи бежали к Тохтамышу, хану Кыпчакскому. Для преследования их, Тимур отправил своего сына Мирзу Миран-шаха. Тот догнал их (надо полагать на Усть-урте) сразился с ними, захватил богатую добычу, а Иликмышу и Солиману учинил великое наказание. Между тем сам Тимур вошел в столицу Хорезма и оставался там несколько времени; а затем приказал разрушить ее и на этом месте посеять ячмень. Три года спустя после того, в 793 (1391) году, возвращаясь из Кыпчака, Тимур поручил одному из своих полководцев Музикэ сыну Янги-Кучина (Moüsiké fils de Junki Coutchin)²⁹ отстроить опустошенный Хорезм³⁰. Этот оживил страну, населил ее и дал ей прежний блеск, возвел стены Кята и Хивака. С этого времени Хорезм вошел в число улусов, принадлежащих потомкам Джагатая³¹.

И так, Тимур ходил в Хорезм в 1370, 1373, 1376, 1379 и 1388 годах. В последний раз через целое десятилетие. После четвертого похода, мы имеем фактическое доказательство покорности Хорезма Тимуру. Это – монета битая там в 781 (1379–80) году; на одной стороне этой монеты (лицевой) находится имя Тимура: *Чеканено в Хорезме. Теймур Гур (хан) года 781*; на другой (оборотной): *Султан Суюргатмыш-хан, да длится царствие его*³². Но этого же года есть монета с именем и Тохтамыш-хана; а также 785 (=1383–4) тогда³³ и 787 (=1385–6) г.³⁴ ясно таким образом, что вскоре же после покорения Хорезма Тимуром, он опять отложился от своего победителя и потянул на сторону Золотоордынского хана Тохтамыша. А когда Тохтамыш в 787 году (1385–6) напал на Бухару, явившись Тимуру врагом, то этот последний, разгромил

²⁸ Hist. de Timurbec. I, 295–306 p.

²⁹ У Дегиня-Миреке (нем. перев. IV, 31).

³⁰ Теперешний Куня-Ургенч не самый древний Ургенч; развалины древнего Куня-Ургенча находятся в расстоянии одной версты от теперешнего Куня-Ургенча.

³¹ Hist. de Timurbec; t. II, p. 1–5.

³² Савельев, «Монеты Джучидской, Джагатайские и другие» (Труды Вост. отд. Археол. Общ. III, 454).

³³ Там же. – С. 316.

³⁴ Н. Михайлов Описание медных монет Золотой Орды и о Сараях. (Астраханские Ведомости, 1843 г. №12).

Тохтамыш, добрался и до Хорезма. Вероятно такова была причина пятого похода Тимура в Хорезм, – похода, о причине которого Шерифеддин совсем не говорит. После же пятого похода мы не знаем, в каких отношениях находился Хорезм к Тимуру. По всей вероятности, он наконец смирился и до самой смерти Тимура был ему покорен. Я говорю *по всей вероятности* потому только, что в случае отложения этот грозный воитель не спустил бы Хорезму его возмущения.

Ко времени Тимура относится путешествие Ивана Шильтбергера много пошатавшегося по Азии, Передней и Средней, который в числе виденных им стран говорит, между прочим, и о Хорезме. Но то, что говорит он о нем, ясно показывает, что страну эту Шильтбергер не посещал. «Origens, die ist gar mechtig, – пишет он – ligt mitten in einem wasser, genant Edil»; и далее: «Ein land die heist Horassma (Хорезм) so heist die stad des lands Orgens, ist ein Insel ligt in einem wasser genant Edil, welchs sehr gross ist»³⁵. Ф.К. Брун, взявший Шильдбергера под свою защиту, старается объяснить эту чепуху тем, что путешественник спутал Ургенч с Итилем на Волге³⁶. Пусть так. Но что тогда толку в подобном описании? Если мы видим, что Шильтбергер ошибся в этом месте, то кто поручится, что не ошибся он и в другом?

Во время Тимуридов сведений о Хорезме почти не имеем. Целое столетие, с конца XIV в. по конец XV – темный период в истории Хивы. Можем только предполагать, что, пользуясь смертью Тимура (в 1405 г.), Хорезм не преминул отложиться от его наследников. Это тем более вероятно, что мы имеем монету, битую в Хорезме в 810 (1407–1408 г.) от имени Пулада, хана Золотой Орды, и такую же в 813 (1410–1411) году³⁷, чего ни коим образом не могло бы быть, если бы Хорезм вошел в число наследственных земель Тимуридов.

Н.В.Ханыков, в дополнениях к переводу Риттерова «Ирана», говоря, что Хорезм не входил в план завоеваний Тимура, прибавляет, что и потомки его, часто нуждавшиеся в вакантных царствах, не пробовали утвердиться там³⁸. Действительно, Хорезм не представлял потомкам Тимура нечего завлекательного; по крайней мере не видно, чтобы они стремились туда и утверждались в нем. Причина этому, думаю, заключалась в том, что Хорезм и при Тимуре то вел себя самым беспокой-

³⁵ *Schiltberger. Reise in den Orient.*

³⁶ *Ф.Брун* «Путешествие Ивана Шильтбергера» (в Записках Имп. Новорос. Университ. год I, т. I, вып. I).

³⁷ *Савельев*, Неизданные Джучидские монеты (в Трудах Восточ. Отд. Археол. Общества, т. III, 513, 516).

³⁸ «Иран» СПб., 1874, стр. 623.

ным образом и вызвал пять его походов; а потомкам, Тимура еще труднее было бы справиться с ним. Тяготение же Хорезма в Золотой Орде можно, кажется, объяснить тем, что зависимость его от Джучидов была очень легкая и не требовала от населения никаких жертв. При всем том, во 2-й половине XV столетия видим, наконец, Хорезм под властью Тимурида; но как это случилось – не знаем.

По Девлетшаховой «Тезкират-уль-шуара»³⁹ оказывается, что в 865 (1460–1461) г. владеет Хорезмом Султан *Хуссейн*⁴⁰. В этом году, рассказывает Девлет-шах, Султан Хуссейн, проведав о том, что Абу-Саид (государь Хорасана)⁴¹, оставив в завоеванном им Астрабаде, сына своего Махмуда, пошел к Шахрохиэ и Самарканду против Мирзы Мухаммеда Джуки (с. Абд-уль-Лятифа), – выступил из Хорезма, подступил к Астрабаду; Махмуд был разбит и бежал. Эта победа открыла Хусейну Хорасан. В 873 (1468) г. Хуссейн овладел Гератом и утвердился в нем⁴². И так, Султан Хуссейн, прежде чем подчинил себе Хорасан, владел Хорезмом; но там, как кажется, не жил, потому что, по Девлет-шаху же, начал Хуссейн предпринимать походы к расширению своих владений из Мерва, и добился того, что подчинил под свою власть большую часть владений Тимура⁴³.

В другом месте находим такие подробности о столкновении Абу-Саида с Хусейном; но только под 1463–1465 (868–870) годами. Когда Абу-Саид вернулся от Шахрохиэ в Герат и узнал, что султан Хусейн производил набег в Хорасан, он отправил в эту провинцию своих военачальников, которые и вступили с Хусейном в бой. Бегство многих офицеров из армии Хусейна заставило его отпустить в Хорезм. Тогда Абу-Саид, не смотря на потери, избавился наконец от своего врага. Он заключил с Хусейном мир, которым и воспользовался для того, чтобы отправиться в Мерв, где он сделал большое пиршество по случаю обрезания своих сыновей⁴⁴.

Под властью Султана Хусейна-Мирзы застали Хорезм и Узбеки.

³⁹ Histoire des conquêtes du Sultan Aboulgozi Hossain Béhadur-khan, extradite du *Tezkirat alschoara* de Douletschab. (Notices et Extraits; t. IV).

⁴⁰ Правнук Омар-Шейха, сына Тимурова.

⁴¹ Внук Миран-Шаха, сына Тимурова.

⁴² Hist. des conquêtes du Sultan Aboulgozi Hossain p. 263 et suiv.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Deguines, Ceschichte der Hunnen; IV, 97–98.

Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия)*

Без честным Русь давя ярмом,
Баскак носился в край из края;
Катилась в прах глава святая
Князей под ханским топором,
Но стала Русь перед врагом –
И битва грянула Донская!

Прошло четыреста лет, как Россия сбросила с себя татарское иго (ноябрь 1480 года) и ровно пятьсот, как она произвела первую попытку свергнуть это иго. Хотя Куликовская побоище и имело для нас благоприятный исход, татарская орда была разбита; но прямой цели, уничтожения ига, Русский народ тогда не достиг. Тем не менее, Куликовская битва имела важное значение для дальнейшей истории Русского государства, как для его роста и силы, так и для дальнейшего освобождения Русского народа от татарской зависимости – тем, что ускорила это событие.

Оглядываться назад, на свое прошлое, всегда полезно; не без полезно будет и теперь вспомнить, что вытерпели предки наши в течении почти 250-летнего ига, во время господства Татар на Руси, и каких усилий стоило Русскому народу, а в лице его князьям русским, свергнуть иноплеменное иго. Одним из самых славных усилий к осуществлению заветной цели, во весь долголетний период рабства, была Куликовская битва, когда угнетенный народ решился помериться силой с народом-утеснителем. Окончательное же освобождение от ига не было так славно, оно совершилось очень тихо, почти не заметно, по крайней мере с формальной стороны.

При столкновениях кочевых народов с оседлыми происходили почти везде и всегда одинаковая явления. Если кочевники покоряли оседлых, то они, или занимали покоренную страну, при чем прекращалось существование местной династии, – или же поступали проще: покоренную страну не занимали, а господствовали над нею издали, расположившись станом в степях, если таковые оказывались по близости. В этом последнем случае всегда оставлялись в стране прежние владе-

* Веселовский Н.И. Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия) // Древняя и новая Россия. Т. 18. – СПб., 1880. – С. 5–23.

тели, которые обращались только в данников (так, например Турки владели Мавераннагром); а затем, в управление страной кочевники уже не вмешивались. Мало того: кочевые владыки нередко освобождали себя от труда собирать своими средствами дани с оседлых, а предоставляли это дело всецело в руки туземных властей. Вся мудрость кочевой политики заключалась лишь в том, чтобы не допускать усиления одного князя на счет прочих князей, если их было несколько; а поддерживать между ними рознь. Так было в начале господства Татар и на Руси: «был у поганых обычай и есть до сих пор вметать вражду между братией князей русских» (говорится в «сказании» о кончине князя Михаила тверского).

На долю Русской земли выпал второй способ подчинения кочевникам оседлых, со всеми присущими ему последствиями. Татары не заняли населенной Руси; все, что позволили себе в завоеванной земле ханы, это только то, что они иногда раздавали целая области, или города, или даже селения в удел ханшам (например, Тула была улусом Тайдулы), царевичам, вельможам. Оставаясь в стороне, татарская орда за то лучше сохранила свою национальность и просуществовала дольше, чем все другие части обширной Монгольской империи. В Китае Монголы процарствовала с небольшим сто лет, в Персии около полутораста, Джагатаев улус просуществовал немного более двух с половиной столетий (и то, если великого Тимура считать законным наследником джагатайских ханов, а не похитителем у них престола). Джучиев же улус, то есть, Золотая Орда существовала более трех столетий, а вместе с Крымским отпрыском – около пяти столетий с половиною. То есть, в других местах Монголо-Татары скорее утратили свою энергию, свою жизненность, чем в России.

Без всякого сомнения господство Татар в России было бы еще продолжительнее, если бы они сами не ускорили своего падения тем, во-первых, что допустили и содействовали усилению московского князя над прочими князьями северной Руси, во-вторых – своими внутренними смутами, междоусобиями, расшатавшими могущество Орды.

Покорение Татарами земли Русской совершилось сравнительно довольно легко. Эта легкость объясняется очень просто рознью, несогласием князей русских; они не сплотились вместе для отпора неприятелю, а каждый защищался особо, самостоятельно, как Юрий Всеволодович, великий князь владимирский, который «восхоти сам о себе брань сотворите». На которую (распрю) сваливают всю вину летописцы, которою объясняют они гибель земли русской, а за летописцами и историки наши убеждены, что не будь этой распри, пришлось бы Та-

тарам уходить туда, откуда они пришли. Мы не видим никакой пользы в таком самообольщении (хотя оно и льстит национальному чувству: дескать не слабее же мы Татар, а сгубило нас постороннее обстоятельство); а потому решаемся высказать противоположное мнение. По нашему убеждению, если бы и не было розни среди князей русских, Русь все-таки не устояла бы перед натиском Татар, как не мог устоять перед Монголо-Татарами ни один народ от Великого океана до Карпатских гор включительно; как не устояли перед Татарами ни Польша, ни Венгрия, которая защищались сильными крепостями. И, если Татары не воспользовались победой, не подчинили эти страны себе, то были тому другие причины, очень простые. Когда Батый, этот замечательный монгольский полководец, разбил венгерского короля Бела на – голову, так что трупы Венгерцев валялись в поле на два дня пути, и сжег Пешт¹, а другой татарский отряд опустошал Трансильванию, – пришло известие о смерти монгольского хакана Угедея. Царевичи и князья, принимавшие участие в походе, да и сам Батый, должны были спешить на курултай (сейм) для выбора нового хакана; дело в Польше и Венгрии было брошено, а потом Батый должен был заняться устройством завоеванных земель².

Таким образом, только случай остановил дальнейшее движение Татар на запад. Да и как было устоять перед народом, который, за исключением лишь женщин, детей и старцев, поголовно составлял войско, каждый член которого с детства приготавливался к войне и упражнялся в воинских приемах. Мы не говорим уже о своеобразности этих приемов, о новой тактике в военном деле, о замечательных военных способностях, как самого Чингиз-хана, так и его полководцев.

Батый расположился станом в Приволжских степях. Татары продолжали вести кочевую жизнь, только для двора выстроена была столица, Сарай. Так как кочевники вообще плохие строители, то и Тата-

¹ Некоторые историки утверждают, что от крепости Ольмюца, которую Татары взять не могли, они повернули назад. Неудача под Ольмюцом еще ничего не значит: Монголы во время своего победного шествия нередко оставляли те крепости, которые взять не могли, а шли дальше, и на этот раз, после неудачи под Ольмюцом, Татары взяли и сожгли Пешт.

² Подобный же факт видим мы в походах Монголов в передней Азии. Когда Гулагу только что покорил Сирию, пришло известие из Монголии о смерти хакана Мункэ. Гулагу, оставив небольшой отряд в Сирии, поспешил в Монголию. В его отсутствие в Сирии произошло восстание, и страна эта освободилась от Монголов. Предпринять новый подход в Сирию Гулагу уже не мог, так как занят был другими делами.

ры для постройки обратились к опытности и искусству оседлых: Сарай был выстроен мусульманскими архитекторами, как Каракорум китайскими; а впоследствии Казань – русскими.

Для удержания Русской земли в покорности, туда отправлены были татарские «разъезды», которые и встречались европейским миссионерам, проезжавшим через Россию в восточную Монголию³. По городам, поставлены баскаки для сбора дани; численники, сборщики и откупщики даней наводнили Русь: «нача работали русская земля татарам». Кроме постоянной дани Татары разоряли Русский народ произвольными поборами; шайки их появлялись в наиболее зажиточных местностях и грабили беззащитных жителей. «Навел на нас Бог язык немилостив, язык не щадя красы юны, немощи старец, младости детей» – провозглашал в своих проповедях епископ владимирский Серапион. Помимо баскаков наезжали еще послы ханские с каким ни будь требованием из орды, нередко с чрезвычайным «запросом» (побором) сверх обычной дани. Словом, Татары вымогали с покоренных, что могли.

Князья русские утверждались в своих владениях ханскими ярлыками: за ярлыками надо было лично ехать в орду, представлять хану подарки, одарять ханш и вельмож. Часто князьям нашим приходилось ездить в орду просто на поклон или «на исправу», то есть, вымаливать прощение по случаю ханского гнева, редко имевшего какое-нибудь основание. Такие поездки в орду, во-первых, могли иметь для князей очень печальный исход, так что, отправляясь в путь, они совершали духовная завешания о своем имуществе; во-вторых, такие поездки обходились очень дорого, и многие князья от них совершенно разорялись. По требованию хана князья русские должны были выставять войско для походов Татар. За деньги можно было получить помощь орды войском. Помощь эта тяжело отзывалась на Русском народе, так как Татары не щадили ни тех, кому шли помогать, ни тех против кого шли.

Народ терпел страшное насилие от татарских баскаков и послов, чем ненависть народа к Татарам усиливалась. Взрыв этой ненависти часто приводил к избиению Татар, имевших во многих городах русских свои слободы. Эти восстания народа, помимо всякого участия в том князей, имеют особенное значение. Они показывают, что народ, не смотря на страшный погром Руси Татарами, не мог примириться с новым господством и стремился свергнуть чужое иго. Только жестоко ошибались те, которые думали, что добиться свободы можно в неда-

³ В других странах (например, в Армении, в Мавереннагре) Монголы устраивали свои поселения.

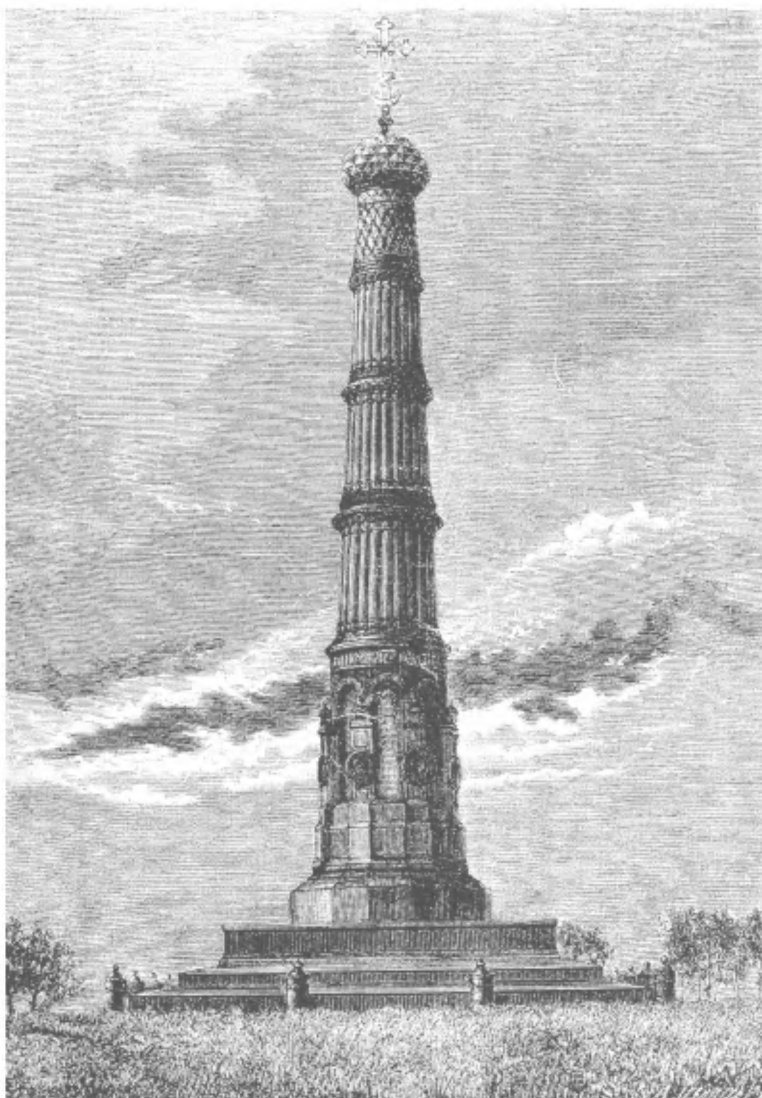
леком будущем. Так ошибался знаменитый Данил Галицкий, который и поплатился за свою ошибку волынскими и Галицкими городами. Нет: нужна была столетняя, медленная, упорная работа Московских князей к объединению северной Руси, и, совместно с тем, распадение и упадок орды, что тоже не могло совершиться вдруг.

Первое двадцатипятилетие татарского ига было особенно тяжело для Русского народа. В это время сказалось все хищничество Татар, вся их жадность к чужому богатству. Только в конце XIII столетия видим некоторое «ослабление» ига. Ни баскаки, ни откупщики дани не наезжают в русскую землю, русские князья сами знают орду, то есть, сами собирают и сами доставляют «выход» хану (черный бор); а это важный уже переворот в отношениях между князьями и ханами. По всей вероятности справедливо мнение, по которому князья наши, чтобы получить право лично доставлять дань в орду, должны были предложить ее ханам, на первый раз, в большем количестве, чем те получали по откупу.

Теперь князья русские могли располагать большими средствами для своих личных видов, так как кроме обыкновенных своих доходов (торговых пошлин, судебных, с частной собственности и др.), могли они удерживать часть и из дани. И те из князей, которые лучше сумели бы воспользоваться новой льготой, должны были приобрести первенствующее значение в своей земле и особенный вес в орде. Такое значение и приобрели умные московские князья. Удалось им это, между прочим, потому, что они ясно определили себе цель: сплотить разрозненную Русь для освобождения ее от Татар.

Главная заслуга в начертании этой цели принадлежит Ивану Даниловичу Калите. Он, главным образом, и подготовил Куликовскую победу от Татар. Дело освобождения России великий князь обдумывал вместе с митрополитом Петром. Святителю так понравился московский князь, что он основал свой митрополичий престол в Москве. Здесь, часто беседуя с князем о заветной мысли, митрополит просил Ивана Даниловича построить храм во имя Успения Богородицы: «если послушаешь меня, – говорил он, – и воздвигнешь храм Пресвятой Богородицы, то не только сам прославишься паче других князей, но и сын твой и внуки в роды, и град сей будет славен во всех городах русских, и святители в нем проживут и взведут руки его на плечи врагов и мои кости положены будут в нем⁴. Эти пророческие слова оправдались в скором времени.

⁴ Храм был заложен 4 августа 1326 года.



Памятник Димитрию Ивановичу Донскому на Куликовом поле.

По фотографии С.Лаптева, резал на дереве А.Шлипер.

Иван Калита выказывал полную покорность орде, часто ездил туда, не жалел денег на подарки хану и его приближенным. В орде им были довольны, и татарские наезды перестали тревожить северную Русь: «наступила тишина великая по всей русской земле и перестали татары воевать ее», замечает летописец. Народу стало жить легче.

В свое непродолжительное княжение (1328–1341) Иван Данилович положил прочное начало собиранию земли Русской, ее объединению, а следовательно, и силе. Он скупал от князей вотчины, города, села; бояре от других князей переходили к нему, так как московский князь мог их щедро жаловать, а за это всегда держали его сторону. Не легкую борьбу пришлось выдержать «собирателю» с другими князьями, которые составляли даже союзы против него; но из этой борьбы Калита вышел победителем и закрепил великокняжеское достоинство за своим потомством. По смерти Калиты, с ханского соизволения «все князья русские даны были под руки Семеона». Семеон Иванович не скрывал уже перед князьями, что главная забота его освободить Русскую землю от Татар; но в отношении орды он продолжал умную политику отца: пять раз ездил в орду и всякий раз возвращался оттуда «со многою честию и пожалованием». На долю племянника Семеона, внука Калиты, выпала уже видная роль – показать силу московского княжества.

В то время, как усиливалась Москва, Золотая Орда быстро неслась к гибели.

Важное влияние на судьбы Орды оказали темники. Они приобретали особенное значение при ханах слабых и заправляли всеми делами в Орде. Понятно, что они заботились больше о своих личных выгодах чем, о выгодах ханов и самой Орды. Первым могущественным темником⁵ видим, в конце XIII столетия, Ногай. Хань при нем не имели никакого значения; он возводил и низводил их по своему усмотрению, так, что князья русские в нуждах своих обращались не к хану; а к все-сильному темнику. Впрочем, власть свою ему пришлось разделить с другими лицами: соперниками ему являлись другие честолюбцы, – и вот, в одно время в орде появилось четыре владетеля, среди которых Ногай возбуждал междоусобия, чтобы вернее упрочить свою власть. И действительно, Ногай достиг того, что все ханы заискивали у него и добивались его помощи. Греческий император Михаил Палеолог вы-

⁵ Темник собственно значит начальник тьмы, то есть, 10,000 войска; кроме того, в Золотой орде темники были правителями областей. Темники были и в других частях монгольской империи, только носили разные названия; например, в Джагатаевом улусе они назывались улусными эмирами.

дал за него побочную дочь свою Евфросинию. Не принимая титул хана, Ногай владел ордой в степях к северу от черного моря; Татары этого улуса назывались его именем, Ногайцами. Только со смертью Ногай неурядицы в орде прекратились, и там снова утвердилось единовластие при хане Токту.

При преемнике Токту, знаменитом Узбеке, начался самый блестящий период Золотой Орды. Орда его занимала Крым, Новороссийские степи, Поволжье, часть Кавказа, подчинялся ему Хорезм (Хива). Это был вполне азиатский властитель, для которого жизнь человеческая ничего не значила. По вступлении на престол Узбек поспешил избить своих родственников, чтобы обеспечить трон свой от домогательств и других членов ханской семьи. Десять князей сложили при нем свои головы в Орде. Не только наши князья и митрополиты униженно ездили на поклон к Узбеку, в ставке его раболепно толпились папские легаты, константинопольские посланники, генуэзские купцы.

По смерти Узбека воцарился сын его Джанибек, достигший трона по трупу своего брата. При нем снова стало на Руси легче, так, что летописцы называют его «добрым»: «бе же сей царь Чанибек Азбекович добр зло к христианству, многу льготу сотвори земле русской». Джанибек был удушен сыном своим Бирдибеком в 1357 году. Бирдибек этим не удовольствовался, он убил еще двенадцать братьев своих. Повидимому, при хане этом должны были повториться в Орде времена Узбека; но оказалось, что Бирдибек вовсе не походил на своего знаменитого деда, он был только орудием честолюбивого темника: «бысть тогда темник в орде мудр и силен, окаянный Тавлублий» – сообщает нам летописец. И опять у Татар начались смуты и междоусобия: «бысть в орде замаятня велика». Хань быстро стали сменять один другого; в течение двадцати трех лет сменилось 25 ханов, так что летописцы наши не успевали схватывать имена их, а потому иные из таких мимолетных ханов не были отмечены в летописях.

Бирдибек умерщвлен был в 1359 году ханом Кулною (в летописях – Кулла и Аскулла); через год Кулна убит Наурузом, а Науруз в 1360 году Хызром (в летописях – Хидыр) из Синей орды; Хызр убит своим сыном, Темир-ходжею, который процарствовал только пять недель. Наконец, в одно время появилось несколько ханов, которые утвердились в разных местах, и все они «не перестаяху межи собою ратующеся и быющеся и кров проливающееся» – читаем в наших летописях. Во всех этих неурядицах, которые должны были сильно расшатать могущество Орды, принимал главное участие новый темник Мамай, утвердившийся в орде по правому берегу Волги. Он покровительствовал

одним ханам, интриговал против других; своею властью возводил ханов и, без всякого стеснения, заменял их новыми. Так, им возведен был на ханство Абдулла (в летописях – Авдул и Овдул), которого Мамай постоянно возил с собою в походах; в 1370 году Абдулла заменен был другим ханом, Мухаммед-Буляком (в летописях Мамант-Султан). В других частях Орды сидели другие ханы: в Сарае утвердился хан Мюрид (в летописях – Амурат), в прежней Болгарской земле (Казанское царство) воцарился Пулат-Темир (в летописях – Булактемир), в Мордовской земле (нынешняя Пензенская губерния) – Тагай, который в 1367 году был убит ханом Азизом, преемником Мюрида в Золотой орде. Все эти ханы были в явной вражде между собою, и всех их наши князья должны были иметь в виду, выжидать – который из соперников возьмет верх, чтобы во время заручиться от него ярлыком.

Такую ловкую политику пришлось вести московским боярам, когда стали они добывать ярлык на великое княжение тринадцатилетнему князю своему Дмитрию Ивановичу. Они сперва выхлопотали ярлык у хана Мюрида; но потом увидали, что Мамаева орда будет посильнее Мюридовой, и поспешили заручиться ярлыком и от хана Абдуллы. Бояре московские, заботясь о своем князе, конечно, заботились, прежде всего о себе: для них было бы невыгодно упустить великокняжеское достоинство в другую линию. Но при московском князе было лицо, для которого дорого было будущее России; это – митрополит Алексей. Он был главным руководителем и советником молодого, а потому и неопытного князя. Святитель в молодости был очевидцем самого могущественного периода орды, он лучше, чем кто либо из Русских, видел как сила Татар постепенно утрачивалась, а потом не мог не иметь влияния на отношение князя к Орде.

Новые порядки начались при Дмитрии Ивановиче, как во внутренней политике, так и во внешней (в то время у Москвы были только два сильных, опасных врага: Литва и Татары, на них то и должен был обратить главное внимание князь московский).

С одной стороны оказывается, что младший князь должен держать великое княжение «честно и грозно»; выступать с великим князем на войну против Татар. Даст великий князь в орду «выход» – это его дело, не даст тоже его дело, другие тут вмешиваться не могут. То есть, ожидаются такие времена, когда земля Русская не будет платить дани Татарам; а это показывает, что явилось уже сознание в своих силах.

С другой стороны Дмитрий Иванович осмеливается заявить ханскому послу, что он «к ярлыку» не поедет, и явно оказывает не пови-

новение могущественному темнику; а потом и вовсе перестает платить выход в Орду.

С самого начала 70-х годов XIV столетия мы видим почти повсеместное на Руси возбуждение против Татар. Взаимные отношения усложнялись, обострялись и должны были разрешиться каким-нибудь крупным событием.

В 1370 году нижегородский князь Дмитрий Константинович ходил с ханским послом войною в Болгарскую землю против тамошнего князя Хасана (в летописях – Асан). В 1373 году великий князь все лето простоял на берегу Оки, чтобы не пустить в свою землю Татар из Мамаевой орды, опустошавших Рязанское княжество. В 1374 году нижегородцы перебили послов Мамаевых и полторы тысячи сопровождавших их Татар. Весною 1376 года великий князь послал своего воеводу Дмитрия Михайловича Волынского⁶ в Болгарскую землю. Волынский подступил под Казань и принудил тамошних князей Хасана и Мухаммед-султана просить мира и уплатить большую контрибуцию.

Несчастлив только был для нас 1377-й год. Прошел слух, что на Волге появился царевич Арабшах (в летописях – Арабша), что прибыл он из Синей орды, перешел в Мамаеву и идет в Русскую землю. Прежде всего подвергнутся его нападению должна была Нижегородская область. Нижегородский князь, Дмитрий Константинович, послал к великому князю просить помощи. Дмитрий Иванович сам выступил с многочисленным войском на защиту своего тестя; но затем, соскучившись ждать Татар, вернулся в Москву, а войско поручил Дмитрию Константиновичу. Нижегородский князь пошел на встречу Арабшаху. Где находился Арабшах, никто в русском отряде не знал; только слышно было, что Татары стоят где-то на реке Волчьих Воды (приток Донца). Русское войско перешло реку Пьяну (протекает по Нижегородской и Симбирской губерниям, впадает в реку Суру). Здесь на берегу реки воеводы расположились станом и по свойственной русскому человеку беспечности, не приняли никакой предосторожности. Время было жаркое, в конце июля; военные доспехи приводили людей в исходу, войны посклали их вместе с оружием в телеги; а от ничего делать напустились на мед и пиво и упивались до пьяна. Князья забавлялись охотой или проводили время в пирах. Такая беспечность ничем оправдана быть не может, тем более, что татарский царевич слыл замечательным полководцем: «бе той царевич Арапша свиреп зело и

⁶ Дмитрий Михайлович Волынский-Боброк выехал в Москву при Дмитрии Ивановиче из Волыни. Великий князь женил его на сестре своей, Анне.

ратник велий, и мужествен и крепок, возрастом же телесным мал зело, мужеством же велий и победи многих». Мордовские князьки подвели Арабшу к самому русскому стану, и Татары бросились на безоружных Русских. О сопротивлении нечего было, и думать; все воинство русское бросилось в бегство; много пало тут Русских от оружия Татар, немало потонуло их и в реке Пьяне. Народ увековечил это несчастье поговоркою: «за Пьяною люди пьяны», приписав всю беду нашей оплошности, а не слабости. Арабшах подступил к Нижнему, сжег его, ограбил Засурье; в 1378 году сделал набег на Рязань: «много зла сотвори и возвротися восвояси». Так и исчез Арабшах с богатою добычею, больше о нем ничего не было слышно на Руси.

По следам Арабшаха и мордовские князьки думали пожить руским добром. Набег их в Нижегородскую область имел неудачный исход. Они потерпели поражение, и народ Русский выместил на них свою неудачу на реке Пьяне. Это обстоятельство, в свою очередь, возбудило гнев Мамай, так как Мордовская земля тогда подчинялась ему. В 1378 г. Татары явились перед Нижним и сожгли его. Отсюда Мамай послал отряд под начальством Бегича в Московскую землю. Весть о нем вовремя дошла до великого князя, а потому он имел возможность предупредить погром своего княжества. Со значительным войском выступил он за Оку и, на реке Воже (впадающей в Оку в Рязанском уезде), нанес Татарам страшное поражение. Только наступившая ночь спасла Татар от окончательного истребления. В жалком виде вернулись к Мамаю остатки татарской рати. Мамай пришел в великую ярость, он решился напомнить России времена Батые. Прежде всего напал он на Рязанское княжество; князь Олег не ожидал этого нападения, был застигнут врасплох, а потом бежал из своего княжества. Татары разорили всю Рязанскую землю, но за Оку Мамай не пошел; с Московским княжеством положено было раздаться иным, более решительным и более верным способом. Во-первых, Мамай нашел нужным увеличить свою орду наемниками из Черкесов, Армян, Ясов (Осетин), Генуэзцев и других народов, которые охотно поступали в Мамаеву орду в виду богатой добычи в Русской земле. Во-вторых, Мамай заключил союз с литовским князем Ягайлом и требовал помощи от рязанского князя Олега Ивановича. Положение этого князя между двух огней было крайне опасное: не мог он отказать Мамаю, обещал ему свою помощь, да хотелось послужить и общему делу России, и вот – известил он московского князя о замыслах Мамай. План свой сокрушить Москву начал Мамай приводить в исполнения летом 1380 года. Летом прикочевал он к реке

Воронежу и стал поджидать здесь литовского князя, который обещал присоединиться со своим войском к татарскому первого сентября.

Готовилось великое дело. Дмитрий Иванович не вдруг решился на борьбу с Мамаем, он думал предупредить столкновение мирным путем: предлагал Мамаю платить ту дань, которая договорена была при последнем их свидании; но Мамай желал теперь уже большего. Он требовал возобновить ту дань, которую московские князья платили в орду при ханах Узбеке и Джанибеке. Тогда Дмитрий Иванович решился попытать счастья в битве. Он послал извещение к подручным своим князьям, ростовским, Белозерским, ярославским и другим, о походе против Татар и с требованием войска⁷. Дмитрий Иванович понимал всю важность затеянного дела, понимал что он один будет в ответе за последствия побоища с ордой; понятно что он искал поддержки и одобрения. То, чего он искал, нашел вполне у преподобного Сергия Радонежского. Преподобной не только благословил Дмитрия Ивановича на борьбу с Мамаем, но еще предрек ему победу: «тебе, князь, много лет носить венец от победы, а многим здесь стоящим плетутся венцы нетленные». Увидал великий князь у Сергия двух иноков, прежних витязей-бояр брянских, Александра Пересвета и Андрея Ослябю, и стал просить отпустить их с ним на войну. Святой Сергей велел инокам готовиться в путь и дал им нашить на схимы кресты, которые должны были послужить им вместо шлемов. Иноки эти оказали не малую услугу России во время битвы: из позднейших примеров мы знаем, как возбуждается войско, когда впереди его идет монах.

Между тем на Руси происходило необыкновенное народное движение, как нередко проявлялось оно впоследствии, когда приходилось спасать отечество. Прошел слух, что Мамай хочет Русских обратить в мусульманство, из церквей сделать мечети, поставить по городам баскаков. Одного этого слуха было достаточно, чтобы дружины со всех сторон потянулись к Москве; многие шли добровольно. Явились со своими дружинами князья Белозерские, Ярославские, Ростовские, Прозоровские, Суздальские, Переяславские, князь Каргопольский, Курбский, Муромский и другие; есть известие, будто и Тверской князь отправил Московскому свое войско. Только Новгородцы и Псковичи не дали от себя полка и впоследствии оправдались тем, что

⁷ Московское княжество занимало тогда нынешние губернии: Московскую, Костромскую, Ярославскую, часть Новгородской, словом, все пространство между Сухоной, Белым озером и Окой. За Окой начиналось Рязанское княжество; а за Доном лежали уже степи, тогда занятые Татарами.

не успели; а Рязанский князь, узнав о движении Московского войска, бежал в Литву.

Сборным пунктом для полков назначен был город Коломна; а время прибытия – сперва 31 июля, а потом 15 и 20 августа. Настроение у всех было в высшей степени религиозное; повсюду служились молебны. Великий князь делал вклады по церквам, отделял милостыню нищих. Перед выступлением из Москвы он с воеводами отправился в Успенский собор поклониться гробу митрополита Петра, оттуда в собор архангела Михаила, в усыпальницу князей московских. 20 августа войско стало выступать из Москвы тремя воротами, Никольскими, Фроловскими (теперь Спасские) и Константино – Елененскими; тут священники кропили воинов святою водою. Ополчение пошло тремя дорогами: один отряд, под начальством серпуховского князя Владимира Андреевича, пошел на Бращево (Бронницы), второй отряд, под предводительством Белозерских князей, по Болвановской дороге, а сам Дмитрий Иванович, с третьим отрядом – на Котел. Десять купцов Сурожских (из Судака) пригласил великий князь в свое ополчение для указания пути, как людей знавших южные дороги.

24 августа великий князь прибыл в Коломну и сделал смотр войску. По сказанию летописцев рать русская простиралась от 150,000 до 200,000 человек. Число это считается сильно преувеличенным; но думается, что приблизительно оно должно быть верным: только сильное числом войско могло разбить Мамаеву орду, только с многочисленным войском мог московский князь выступить на борьбу с двумя своими врагами, Ордой и Литвой; да и летописец замечает, что такого войско на Руси еще не бывало.

В Коломне великий князь получил от епископа Герасима икону Богородицы, впоследствии названную Донскою. Здесь же урядил великий князь свое воинство в боевой порядок; образовал, по тогдашнему обычаю, три отряда: средний, правое крыло и левое. Дмитрий Иванович со своими воеводами находился в середине, на правой руке – Владимир Андреевич, на левой – Лев Брянский. План великого князя состоял в том, чтобы не пустить Мамаю в Московское княжество; а дать ему битву в чужих пределах. И вот, рать русская 26 августа перешла Оку и, через Рязанское княжество, направилась к реке Дону. Проходя Рязанской землей, великий князь запретил своим воинам делать насилия и притеснения жителям: «да никто же коснется единому власу Рязанский страны».

Погода благоприятствовала походу. Дни были теплые, дождей не было, а потому и дороги оказались в хорошем состоянии, не задержи-

вали движения. Дорогою присоединились к Дмитрию Ивановичу два князя Ольгердовича, Андрей и Дмитрий, со своими дружинами. Вперед отправлен был, под начальством боярина Семена Мелика, разведочный отряд, для собрания сведения о движении Мамаевой орды. Оказалось, что Мамай двигался вперед медленно, поджидая литовско-го князя Ягайла, который отчего-то замешкался.

6 сентября русское войско подошло к Дону. Здесь великий князь собрал военный совет, что делать: оставаться ли тут или идти дальше за Дон. Одни предлагали остановиться здесь, чтобы на всякий случай оставить путь к отступлению; но Ольгердовичи советовали перейти реку: «если хочешь крепкого бою, – говорили они великому князю, – то сегодня же вели переправиться через реку, чтобы ни у кого и мысли не было назад вернуться, а пусть всякий бьется без хитрости. Нечего бояться великой силы неприятеля: не в силе Бог, а в правде». Это мнение и восторжествовало. Великий князь велел наводить мосты и искать бродов для переправы. К этому времени подоспела грамота от преподобного Сергия; в ней святитель ободрял великого князя, пред-рекая победу и обнадеживая помощью Бога и Пресвятой Богородицы.

Между тем передовой наш отряд, вверенный Семену Мелику уже бился с татарскими разъездами и, открыв местопребывание врага, дал знать великому князю, что Мамай стоит на Гусином броду, и только одна ночь разделяет оба ополчения.

С вечера накануне праздника Рождества Богородицы и всю ночь переправлялась русская рать через Дон. Эта была последняя ночь перед великим боем, боем бесповоротным: либо победить, либо умереть. Много должны были переиспытать в эту ночь русские воины, и недаром летописцы разукрасили ее чудесными рассказами по образцу сказания об Александре Невском. Для нас сказания важны тем, что показывают народный взгляд на события: не своею силою побеждали мы врагов своих, а помощью Бога, заступничеством святых князей русских. Вообще татарского ига на Руси религиозное настроение было в сильной степени, что и выразилось, между прочим, благочестивыми рассказами и постройками храмов: никогда не строилось у нас так много церквей и монастырей, никогда они не наделялись так имуществом, как во время господства Татар на Руси.

Рано утром, 8 сентября, когда русские войска расположились на Куликовском поле⁸, густой туман покрывал землю. Этим туманом ве-

⁸ Куликово поле начиналось сейчас же за Доном и занимало пространство от устья реки Смолки до устья реки Непрядвы, всего на протяжении 18 верст.

ликий князь и воспользовался, чтобы поставить в роще засаду не заметно для Татар. В то время было в обычае устраивать засады, так как они нередко решали битву. Засадный отряд поручен был Владимиру Андреевичу, серпуховскому князю и Волинцу Боброку, человеку смышлену и в ратном деле опытному.

К полудню туман рассеялся, и великий князь подвинул свое войско к устью Непрядвы. В 6-м часу от начала дня (то есть, от восхода солнца), следовательно, в 12-м по нынешнему счету, показалась рать татарская. Густыми рядами спускались Татары с холма в поле и строились в боевой порядок. Одевание их и щиты были темные; копьа находившихся в заднем ряду были длиннее, чем у передних, и задние клали их на плечи передовым. Для Мамаю раскинули шатер на Красном холме, откуда ему удобнее было следить за ходом побоища.

В то же время и Дмитрий Иванович со своими воеводами устраивали полки к битве. Русское войско было наряднее татарского. Сбруя, оружия ярко блестели на солнце; вооружение состояло тогда из кривых сабель, мечей, стрелы и копий; щиты и шлемы выкрашены были красною краскою, еловцы (султаны) на шлемах были старательно вычищены и блестели. Множество знамен развевалось над войском и светились на них образа.

Воеводы и бояре советовали великому князю стать в безопасное место. «Мы все готовы на смерть – говорили они – а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временам будущим. Без тебя нет победы». Не согласился Дмитрий Иванович на них доводы: «где вы, там и я; скрываясь назади, могу ли сказать вам: братья умрем за отечество! Слово мое да будет делом. Я вождь и начальник: стану впереди и хочу положить голову в примере другим». Решившись биться, как простой воин, в первых рядах, великий князь не уже руководить битвой, да кроме того он признавал в этом случае превосходство над собой воевод. Одному из них, любимому боярину своему, Бренку, поручил он начальство над войском, надел на него свою великокняжескую мантию, и Бренок стал под большим черным стягом (знаменем) великого князя, где были сосредоточены главные силы Русских.

Бой в те времена чаще всего открывался единоборством, чтобы воодушевить прочих воинов⁹. Таким же образом открылось и Мамаево побоище поединком двух витязей, инока Пересвета и татарского богатыря Тимура мирзы. «Ночинальники» понеслись на встречу друг

⁹ Иногда с подобною же целью неприятели осыпали друг друга бранью, или задирали каким-нибудь другим способом.

к другу с такою силою, что, столкнувшись, оба пали мертвыми. Тогда начался общий, рукопашный бой. На пространстве десяти верст лилась кровь сражавшихся и все-таки поле Куликово оказалось тесным для двух схватившихся ополчений. Уже два часа длилось побоище с переменным счастьем в разных местах; наконец русские не выдержали и подались назад. Татары налегли сильнее, пробились до великокняжеского знамени, изрубили его, убили находившегося под ним боярина Бренка и тем произвели еще большее смятение в русском воинстве – подумали, что великий князь убит. Мамай уже торжествовал победу; но обстоятельство вдруг переменялось, когда засадный полк принял участие в деле. Волынец Боброк выждал благоприятное время для нападения и, вместе с князем Владимиром Андреевичем ударил на татар в тыл. Окруженные Русскими, Татары дрогнули. Неожиданное появление свежего войска так смутило Татар, что они – победители обратились в побежденных, преследующие – в преследуемых. Мамай не мог уже поправить проигранного дела и сам обратился в бегство. Русские до изнеможения гнали и рубили Татар верст на 30 до реки Красивой Мечи¹⁰, в которой много полегло Татар; иные бежали к реке Непрядве и погибали в ней. Победа Русских была полная.

Новый руководитель дела, князь Владимир Андреевич, велел трубить сбор воинству. Со всеми сторон Куликова поля потянулись воины к сборному месту. Но великого князя среди них не было. Только после долгих поисков нашли его лежащим под срубленным деревом, без чувств. Его доспехи, лучшие чем у других князей, носившие следы от многих ударов, спасли его от ран, но удары все таки ошеломили великого князя. Его поспешили привести в чувство и объявили ему радостную весть о победе.

Не дешево досталась эта победа. Из всей рати русской оказалось на лицо, по свидетельству летописца, всего только 40,000 человеке. Много пало князей, бояр и воевод.

Восемь дней простояли Русские на Куликовом поле, предавая погребению павших воинов¹¹, Татар же оставляли в поле без погребения. Тела князей, бояр, в том числе и тело инока Пересвета¹², перевезены были в деревянных колодах в Москву.

¹⁰ Протекает в Лебедянском уезде Тамбовской губернии.

¹¹ При распашке Куликова поля находили, до последнего времени, много разного оружия, медных образков, крестов, остатков конской сбруи, так что из таких находок составлялись большие коллекции.

¹² В Куликовской битве из иноков пал только один Пересвет. Тело его, по перевезении в Москву, погребено было в церкви Рождества Богородицы на Ста-

Литовский князь Ягайло со своим войском был уже не далеко от Куликова поля; оставалось ему сделать только один переход для соединения с Мамаем как пришло известие о победе Москвы над Ордой. Тогда Ягайло поспешил домой. Рязанский князь за свою измену поплатился Тулой, которую Дмитрий Иванович присоединил к своему княжеству, по-видимому, из стратегических расчетов.

Обратное шествие русского войско было чрезвычайно торжественно; духовенство в полном облачении, с иконами, встречало спасителей земли Русской. 26 сентября победоносное воинство вступило в Москву. Главный виновник торжества, великий князь, получил прозвание Донского, данное ему народом, подобно тому, как великому подвижнику за Русскую землю, Александру Ярославичу, дано было прозвание Невского. Князь Владимир Андреевич и боярин Боброк прослыли храбрыми.

Мамай бежал в Орду. Там думал он собрать новые силы для похода в Москву; но счастье, благоприятствовавшее двадцать лет Мамаю, окончательно оставило его после Куликовской битвы. На Золотую Орду шел молодой хан из Синей Орды, Тохтамыш, покровительствуемый непобедимым Тамерланом и им же снабженный войском. Тохтамыш напал на Мамай, разбил его на берегах Азовского моря и обратил в бегство. Оставленный своей партией, обратившейся к новому светилу, Мамай думал укрыться в Кафе, у Генуэзцев, с которыми раньше не ладил. Те обещали ему гостеприимство, но потом убили, соблазнившись его сокровищами¹³.

В Орде воцарился Тохтамыш.

Куликовская победа, купленная дорогою ценою, не освободила Руси от татарского ига. Временно она даже ухудшила положение Русского народа тем, что лишила его многих рабочих рук, оставила много сирот, которые должны были обременить народ и без того вынужденный на жертвования. Потери были велики, хотя летописцы, может быть, несколько и преувеличили их. Но недаром во всех сказаниях о побоище проглядывает скорбь, ради множества павших недаром сложилась поговорка: «как Мамай воевал» – в смысле великого разрушения. Наконец видно, что силы истощились еще и потому, что князя

ром Симонове. Ослабя же на много пережил своего товарища. В 1397 году он ездил в Царьград с милостинною дачею и, где похоронен был Пересвет. Гробницы их были открыты в царствование императрицы Анны и, впоследствии, соединены в одну.

¹³ Между Феодосиею и старым Крымом до настоящего времени один курган носит название Мамаевой могилы.

наши долго после Куликовской победы не могли выставить войска для отпора Татарам.

Но без труда, без пожертвований ничего не дается, а тем более не приобретается свобода.

В память великих потерь на Куликовом поле церковь установила на вечные времена родительскую Дмитриевскую субботу (так как битва происходило в субботу) для поминовения, павших воинов¹⁴.

Князя русские на время еще должны были смириться перед ханам. Донской же должен был признать себя данником Тохтамыша и, когда задумал чеканить свою монету, то, в качестве данника, чеканил ее от имени хана Тохтамыша.

При всем том значении победы было громадное. Куликовская битва показала, что мы не только можем отражать Татар, бить их в мелких стычках, но можем выступить против всей массы орды лицом к лицу. Она показала, что развалины прежнего величия скоро должны будут дать место нарождающейся силе. Она показала, что окончательное избавление от ига уже недалеко, и заставляла народ и князей стремиться к этому избавлению. Она показала откуда должно было придти избавлению и помогла московским князьям взять судьбу России в свои железные руки.

События, последовавший за Куликовской битвой, показали, что Россия при Донском еще не была готова к свержению ига, что Донской, так сказать, пытался предупредить события; но тем более чести и славы его решимости и энергии, когда он с торжеством выдержал испытание. И недаром Куликовская битва сделалась самым распространенным и любимым рассказом в народе.

Как перед походом мы видели сильное проявление религиозного чувства в народе, так и после похода оно преобладало над всеми другими. На Куликовом поле, на костях павших воинов Дмитрий Иванович воздвиг деревянную церковь во имя Рождества Богородицы, около которой скоро застроились село Рождествено. Много, затем, выстроено было Рождественских храмов в память Куликовской битвы. По желанию великого князя, в память того же события, св. Сергия выстроил, в 40 верстах от лавры, Дубенский Успенский монастырь¹⁵. Кроме по-

¹⁴ Дмитриевскою называется суббота той недели, в которую приходится празднование Дмитрия Солунского (26 октября), день тезоименитства Дмитрия Донского. Родительскою она названа вследствие большой потери отцов и братьев павших на Куликовом поле.

¹⁵ Впоследствии, в конце XVI столетия, в Москве выстроен был Донской монастырь в честь иконы Пресвятой Богородицы Донской, бывшей с великим князем на Куликовом поле.

строения храмов, великим князем, боярами, делались вклады по церквям, раздавались милостыни нищим. В Москве вся окрестность на Солянке назвалась Кулишами.

В 1850 году воздвигнуть в память Куликовской битвы памятник на Красном Холме, откуда Мамай следил за битвой¹⁶.

Время могущества Мамай не прошло для Татар бесследно. Много сложилось про него песен, которые и теперь поются Татарами Ногайскими и Кавказскими. В песнях этих нет никакого исторического материала, они крайне бессодержательны; но изобильное число их показывает, что Мамай сделался любимым героем у татар. По песням оказывается у Татар два Мамай. Второй, вероятно, Ногайский князь Шейх – Мамай, сын князя Мусы (Шейх-Мамай жил в XVI столетии и сносился с великим князем Иваном Васильевичем по поводу Ногайских дел). Но по содержанию песен видно, что сложены-то они были первоначально про знаменитого темника.

В сборнике народных сказаний Кумыкских и Ногайских Татар, составленном лектором татарского языка при императорском С.-Петербургском университете Мохаммедом эфенди Османовым, целый отдел IV посвящен исключительно песням и рассказам о Мамае. Кроме того, есть несколько подобных сказаний у него в рукописях, которая не успели войти в печатное издание, так как получены им уже после составления сборника. Чтобы дать понятие об этих богатырских песнях татарских, в которых сохранилась память о знаменитом герое Куликовской битвы, мы приводим в дословном переводе две из них, где находится упоминания и о Москве, как предмет подвигов Мамай.

¹⁶ Проект памятника, составленный архитектором Брюловым утвержден был в 1848 году, в 1849 отлит на заводе Берда из чугуна, а 8 сентября 1850 года последовало его открытие. Высота памятника 42 аршина. Он представляет конусообразную колонну на четырехугольном основании, которое подымается тремя уступами. Сама колонна состоит из многогранного базиса и трех колоннад (коринфского ордена), возвышающихся одна над другою. Вверху фриз из дубовых листьев и глава из чешуйчатого яблока. Заканчивается памятник крестом, водруженным над луною. В базисе устроены ниши. В одной из них, под опрокинутым месяцем находится надпись: «Победителю Татар великому князю Дмитрию Иоанновичу Донскому признательное потомство лето от Рождества Христова 1848 года». На фризе базиса, с восточной стороны, в золотой ризе образ Богородицы, кругом которого надпись золотыми буквами: «Бог нам прибежище и сила помощник в скорбях обретишь ны зело сего ради не убоимся Господь сил с нами».

Первая из них имеется в печатном сборнике, вторая заимствована из рукописной тетрадки, принадлежащей г. Османову¹⁷.

I.

И прежде и после был ли кто подобен Мамаю из сыновей Мусы!
Это был герой, чинивший нашествия, разрушавший и бравший крепости.
Это вольный был лев, восточных степей, алчущий пищи.
Это был лев, со скалы нападающий и пожирающий.
И стар, и млад, и друг и недруг – кто не придет к его дверям,
На всех одинако взирающий муж,
Яркий, как снег, одевающий панцырь,
По локоть обе руки обагряющий кровью,
Есть ли, кто подобный Мамаю
Из главнейших великих ханов?
Отсутствуя, занимающий место герой!
Есть ли, о души! подобный Мамаю из смертных герой,
Умеющий выбрать себе боевого коня и уседать не него,
И сев на такого коня белогривого господство свое проводивший герой?
Склонивши колена подобно верблюду арабскому,
Всегда поедающий снедь богатырскую, муж!
Враг или друг, кто к порогу его ни приди,
На всех одинако взирающий муж!
С центропрестольной Москвы, каждый раз как в поход отправлялся,
По сорок тысяч червонного золота бравший герой!

II.

Герой был Мамай, великий герой!
Мамай на врага всегда выезжал
На рыжем коне белогривом.
Идил (Волга) и Яик (Урал) были спорные реки героев.
Когда я был жив и здоров, я хотел
Населить народом места Мен Туган.
Многое множество мурз Эдигеевских
Самый почетный из них – это я!
Приключиться ли что нибудь трудное,
Случиться ли что человеку незнатное
Перед братьями старшим и младшим сам я ответчик.
На задах у себя основал бы я город,

¹⁷ Перевод этих песен обязательно доставлен нам В.Д. Смирновым.

Перед собою базар я и лавки бы построил.
В центропрестольной Москве я бы денег и пуль начеканил,
Сделался бы ханом самим!
О множество мурз эдигеевских!
Кто из отцов ваших сделался ханом?
Сделаться ханом возможности нет, нету средства.
Всем, кто останется после меня, рек Мамай.
Пусть это будет заветом!

Никоновская летопись сообщает, что Мамай, перед походом на Москву убил хана и сам провозгласил себя ханом. Подтверждение этому известию мы нигде не находим и подобного примера, чтобы темник сделался ханом в Орде не встречаем ни разу. Ни Ногай раньше, ни Эдигей позже, наиболее могущественные темники, ханами себя не провозглашали. Правда, на Востоке бывали случаи, что временщики, под конец своей деятельности, не находили нужным маскироваться за ханов-кукол; но во всяком случае это было делом крайне рискованным, и едва ли Мамай прибегал к нему. Да и в песнях Мамай нигде не называется ханом. Напротив, мы видим, что он не бил от своего имени монеты, тогда как мимолетные ханы успевали закрепить свои права на ханство, вычеканив свое имя на монетах, что на Востоке имело важное значение. Затем, в 1379 году видим ханом племянника Мамаю, Тулун-бека (в летописях: Тюлюбек, Атюляк, Теляк), который и дал в этом году ярлык киевскому митрополиту Михаилу на освобождение духовенства от податей. В Ростовской же летописи, при описании Куликовской битвы, говорится, что Дмитрий Иванович наехал «на поганого царя Теляка», то есть, Тулун-бека, который, следовательно, продолжал ханствовать, по крайней мере до Куликовской битвы.

* * *

Вскоре же после Куликовской победы данничество возобновилось снова. В 1382 году Тохтамыш с большою осторожностью пошел на Москву, разорил ее, так как великий князь не успел подготовиться к обороне. Нужно было выказать покорность. Дмитрий Донской отправил в орду сына, Василия, для противодействия проiscaм тверского князя, и заплатил хану чрезмерный выход: «была дань великая по всему княжению Московскому, – говорит летописец, – брали по полтине с деревни, давали и золотом в орду». Тем не менее, Донской верил в скорое избавление России; в своем духовном завещании он писал: «а переменить Бог орду, дети мои не имут давати выхода в орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть».

Ожидания Донского не сбылись. И сын его, и внук оставались не только данниками ханов, но должны были еще ездить в орду. Василий Дмитриевич дважды ездил в орду; последним из князей наших совершил эту неприятную поездку Василий Василевич в 1431 году, когда он поехал к хану просить рассудить его с дядею Юрием.

Но не одним только данничеством отделялась русская земля от Татар. Всевыносящему народу Русскому пришлось испытать еще два грозные нашествия: Тамерлана в 1395 году и Эдигея в 1408.

Тохтамыш, всем обязанный Тимерлану, вступил с ним в борьбу¹⁸. Тамерлан нанес золотоордынскому хану в разное время три большие поражения и, преследуя его, проник до Москвы. Его разрушительное шествие навело ужас на Русский народ; но, к счастью, домашние обстоятельства заставили его повернуть назад. Тамерлан ослабил орду, но и ослабленная она, при новом темнике Эдигее, распоряжавшемся ханами не хуже своих знаменитых предшественников, продолжала быть грозной для России и Литвы. Если знаменитый Витовт потерпел от Эдигея страшное поражение на берегах Ворсклы в 1399 году (когда пали Ольгердовичи сподвижники Донского на Куликовом поле), то неудивительно, что он причинил страшное разорение московскому княжеству, обманом напав на него в 1408 году. Целые волости опустели, окрестности Москвы были опустошены; а сама она должна была уплатить большой выкуп.

Тогда московские князья повели с Татарами другую политику. Они старались возбуждать и поддерживать раздор между ордами; особенно важно было для нас вооружить сильную Крымскую орду (основанную Тохтамышем) против Волжской орды. И это удалось князьям нашим вполне, так как крымские ханы старались перевести от золотоордынских на себя идею верховной власти, вследствие чего борьба между ними приняла ожесточенный характер, так как это была борьба за гегемонию.

Повергнутая в междоусобия и смуты Волжская орда просуществовала до 1502 года, а затем различные отпрыски Батыева юрта были нами побиты в разное время по частям.

¹⁸ Тохтамыш владел в то время Сарайской ордой, Астраханской, ордой по Азовскому морю, Крымом, за Яицкой ордой, Хорезм (Хивой), Дербендом, Шабраном, Шемахой и Баку.

О местоположении Гюлистана при-Сарайского*

К числу городов и урочищ, входивших в состав Золотой Орды и еще не определенных топографически, принадлежит загадочный Гюлистан, о котором свидетельствуют многочисленные монеты, выпшедшие из его монетного двора, и отрывочная указания письменных памятников.

Первый, давший правильное чтение этого названия, был академик Френ¹, по-видимому, очень интересовавшийся Гюлистаном²; но печатно он высказал о нем свое мнение лишь мимоходом, в статье: «О приобретении Россиею собрания восточных рукописей из Ахемедовой мечети в Ахалцихе». Описывая сочинение Тевтазани «Мутаввель», Френ нашел там указание, что этот труд пересмотрен автором в Гюлистане Туркестанском в 760 г. гиджры (1359 г. по Р.Х.) и прибавил от себя, что Гюлистан был увеселительный замок ханов Золотой Орды³.

За Френом последовали и другие ориенталисты Г.С.Саблуков признал оба Гюлистана, старый и новый, ханскими дворцами и отвел им место в Сарае, не подкрепив однако, этого положения никакими доказательствами⁴. С таким толкованием всецело согласился В.В.Григорьев, допускавший существование двух Гюлистанов одновременно, на противоположных сторонах ханской столицы, но и он тоже не привел никаких положительных данных в пользу такого соображения⁵. П.С.Савельев обещал дать алфавитный список монетных городов улуса Джучиева, с географическими и историческими пояснениями⁶; но смерть помешала ему исполнить это намерение.

* Веселовский Н.И. О местоположении Гюлистана при-Сарайского. – Киев: Типография 1-й Киевской Артели Печатного дела, 1907. – 10 с.

¹ До него считали: *Касеан* (Кер), *Гюльшан* (Мустафа Тевкелев), *Каишан* (нумизмат Тихсен), *Кильд Юлсан* (он же); последнее явилось вместо *белдь Гюлистан*.

² В бумагах Френа находится неоконченная записка его, озаглавленная «Гюлистан». В ней собраны все сведения по данному предмету, но без выводов, к тому же в ней Гулистан при-Сарайский смешивается с Гюлистаном Шемахинским.

³ С.-Петербургские Ведомости 1830 г., №11. – С. 72.

⁴ «Очерк внутреннего состояния Кыпчакского царства» (Саратовские губернские Ведомости 1845 года).

⁵ «О местоположении Сарая, столицы Золотой орды» (Журн. мин. внутр. дел за 1845 г., и сборник «Россия и Азия», СПб., 1876. – С. 274 и 320).

⁶ «Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и др., и обращавшийся в Золотой орде в эпоху Тохтамыша» (Труды Вост. отд. И. Р. Арх. Общ., т. III, СПб., 1858. – С. 205).

В таком положении находится вопрос о Гюлистане до конца 80-х прошлого столетия, когда В.К.Трутовский, заинтересовавшись монетным двором этого имени, решил пересмотреть все дело вновь. Он подвел итог прежним изысканиям, нашел в них слабые стороны и недостатки и категорически заявил, что Гулистан никоим образом не может считаться дворцом, а что это был самостоятельный город, вероятно небольшой. Не с такою уверенностью г. Трутовский высказался относительно местоположения Гюлистана; осторожно с оговорками он приурочил его к нынешнему Селитряному городку, находящемуся в Енотаевском уезде Астраханской губернии⁷.

Подобного рода изыскания, если они отмечаются убедительностью доводов и строгими научными приемами, принято характеризовать «последним словом науки», и в таком случае они упраздняют предыдущие работы, с которыми уже перестают считаться. К сожалению, приходится сказать, что исследование Г.Трутовского такого значения не имеет; оно не только не подвинуло решение вопроса вперед, а напротив затемнило его. Полемика с Г.Трутовским не входит в мою задачу, доказательством чему служит мое молчание по этому в течение 16 лет; но, желая высказать свой давнишний взгляд на Гюлистан и указать, где следует его искать, мне будет невозможно оставить без внимания названную статью и придется коснуться ее тезисов. При сопоставлении всех существующих взглядов на Гулистан, невольно напрашивается вопрос: кто же прав, – прежние ли исследователи или г. Трутовский? и если никто из них неправ, то почему?

Вся трудность дела заключается в том, что наши источники ничего не говорят положительного о Гюлистане, а потому приходится прибегать к соображениям разного рода, чтобы выяснить его сущность. В пользу признания его городом говорит арабское слово *белед* «город», встречающееся на монетах перед именем Гюлистана. Френ первый обратил внимание на этот эпитет и тем не менее все-таки нашел возможным определить Гюлистан замком. Что же касается до двух эпитетов Гюлистана, то они безусловно подойдут, как к городу, так и к ханскому дворцу; таковы: *махрусэ* «богохранимый» и *маамур(э)* «обитаемый»⁸. А выражение *дар-уль-мульк*, «столица»⁹, на которое особенно

⁷ «Гулистан Золотой орды» (Труды Вост. Комиссии Москов. И. Археологического Общ., М. 1889).

⁸ Конъектуру этого слова дал В.В.Григорьев, с ним согласился и П.С.Савельев («Монеты джучидские» и проч. в Тр. в. отд. Арх. Общ. III. – С. 409–410); но следует заметить, что слово это изображается так, что его можно читать: Махмуд, маамуд и проч.

настойчиво указывает Трутовский, свидетельствовало бы скорее против его теории, чем за нее. В самом деле: какой же мог существовать в середине XIV ст. еще другой столичный город, кроме Сарая? Решительно никакой. Применить же слово «резиденция» к ханскому загородному дворцу не возможно.

По поводу слово *дар-уль-мульк* надо заметить, что на монетах в действительности стоит лишь одно *мульк* – «царство»: *мульку – Гюлистана*¹⁰.

И достойно внимания, что это слово находится только на Гюлистанских монетах и ни на каких других ордынских деньгах не встречается; стало быть Гюлистану придавалось этим такое значение, какого вообще золотоордынские города не имели.

Никто из прежних ориенталистов не высказал оснований, по которым Гюлистан следует считать ханским дворцом. Придерживаясь того же мнения, я могу привести в защиту его не очень много аргументов, и первый будет *ex silentio*. Арабские писатели XIV ст., перечислявшие города Золотой Орды, ни единым словом не обмолвились о Гюлистане. Могло ли бы это случиться, если бы он был городом, да еще не простым, а столичным, *дар-уль-мульк*? Конечно, не могло бы и тем более, что арабские писатели упоминают о менее важных городах, как, например, об Укеке на Волге или Сарайчик на Урале. Но если Гюлистан был только загородный дворец, то вводить его в перечень городов и не предвиделось никакой надобности.

Загородные дворцы не являются чем-то необычайным на Востоке; они существовали и в глубокой древности (знаменитый Хорсабадский дворец), существует и в настоящее время; укажу на дворец Бухарского эмира Шир-Будун, расположенный верстах в 4-х от г. Бухары и обнесенный очень внушительной глинобитной стеной. Понятно, что, при перечислении городов Бухарского ханства, Шир-Будун не будет занесен в их список.

Второе доказательство заключается в эпитете *ли-с-Сарай* (Гюлистан *ли-с-Сарай*), встречающемся на некоторых монетах Мюрида хана (1361–1363) и значущем: Гюлистан *при-Сарайский* (буквально: у Сарая). Едва ли такой эпитет мог бы быть применен к самостоятельному городу; но не буду на этом настаивать. Появление этого выражения я объясню тем, что хан Мюрид имел в виду отличить этот Гюлистан от

⁹ Толкование этого слова также принадлежит В.В.Григорьеву: «Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая» (Записки И. Р. Ар. общ., т. II. – С. 34)

¹⁰ Монеты с этим эпитетом все принадлежат хану Азиз–Шейху и относятся к 766 и 767 годам (1365–1367 г.). Ibid.

другого, расположенного близ Шемахи, в котором был заключен в 1813 году наш трактат с Персией, известный под именем Гюлистанского. Для указания же местоположения монетного Гюлистана приведенный эпитет имеет существенное значение, так как показывает, где надо искать Гюлистан. Так как вблизи Сарая нет развалин древнего города, то г. Трутовский, чтобы быть последовательным, толкует выражение *ли с-Сарай* так, что здесь близость надо понимать относительную и находит возможным применить данный эпитет к Селитрянному городку, отстоящему от г. Сарая на 4 дня пути или на 220 верст. Едва ли кто согласится в этом случае с г. Трутовским, и едва ли нужна подобная натяжка.

Если предположение, что Гюлистан имел назначение загородного дворца ханов и находился недалеко от Сарая, верно, то существует ли, спрашивается, по близости Царева развилыны, которые могли бы соответствовать подобному сооружению? Оказывается, что такие развалины находятся налицо, именно Колобовский курган, расположенный в 7 верстах от Царева, исследованный в археологическом отношении в 40-х годах прошлого столетия А.В.Терещенко, который сообщает о нем следующее¹¹:

«Колобовский курган весь засыпан песком, известью и грудами кирпича; земля до того плотно скрепилась в нем с известью, что верхнюю насыпь пришлось разбивать. Колобовский курган в окружности 99, в длину 29, а ширину 26 сажен, стоит на возвышенности на левом берегу Актубы, которая совершенно его подмывает. Издали он представляет гору: высота его от подошвы 15 саж. Этот курган обведен еще 4-х угольным валом, имеющим в окружности 300 сажен: со стороны западной и восточной – 80, а с южной и северной по 70 сажен. На этом вале отрыли пол кирпичный, стены и изразцовые разноцветные обломки. Должно думать, что главное здание, ныне курган, который возвышается посредине, было обведено стенами с пристройками, и главное здание, вероятно был укрепленный дворец. Старожилы рассказывают, что они застали стены, которые были так широки и толсты, что на них свободно можно было разезжать тройкою и что на западном угле вала была каменная сторожка, вероятно, башня. В разном расстоянии от вала рассыпаны курганы мелкие и едва замет-

¹¹ Цитирую по делу о раскопах Терещенко из архива И. Археологич. Комиссии. Печатно же отчет о них появился в Журн. мин. вн. дел за 1847 год, кн. сентябрьская, и в Записка И. Р. Археол. общ., кн. 2-я, СПб., 1850 г., стр. 369–371 под заглавием: «Археологические поиски в развалинах Сарая с 1843 по 1849 год включительно».

ные возвышения. При раскапывании оказался пол со стенами, – нет сомнения, что тут были жилые места. Вокруг главного здания разбросаны бугры почти на 2-х верстном пространстве, особенно в длину деревни Растигаевки (Колобовщины). Она вся выстроена из кирпича, добытого из одного главного кургана... местами видны кирпичные насыпи и водоемы; кое-где едва заметны каналы».

Другой автор, присутствовавший при раскопках Терещенко, сообщил о Колобовском кургане следующее:

«Колобовский курган расположен на возвышении Ахтубинского берега. С северо-восточной стороны представляется с него необозримая Ахтубинская степь, образующая вид застылого океана, а внизу к югу – восточной стороне расстилаются роскошные луга, орошаемые речными и озерными водами... Многие миновали столетия, когда здание сие было воздвигнуто; при всем том оно так велико, что и ныне за 20 верст простым глазом можно видеть его, несмотря на то, что жителями сельца Колобовщины добыто из него столько кирпича, сколько нужно было на постройку домов и службы для целого почти селения. В настоящем положении длина его доходит до 217 английских футов, ширина до 182, высота до 49, а окружность до 630 футов. Очевидцы говорят, что назад тому лет 20, этот курган имел высоту весьма значительную. В самом центре его возвышения была глубокая впадина, образовавшееся вероятно от обвала верхних частей здания во внутренности стен»¹².

Из этих описаний видно, что Колобовский курган заключал в недрах своих сооружение довольно грандиозное; а принимая во внимание возникшие возле него постройки тоже из жженого кирпича, мы должны признать здесь большое поселение, повидимому, доходившее до самой столицы Сарая.

Относительно золотоордынских монет, чеканенных в Гюлистане, надо сказать следующее.

В собрании Импер. Эрмитажа древнейшею монетою, с именем этого монетного двора, оказывается монета 751 года гиджры (1350–1351). К этому году В.В.Григорьев относил и эпитет *белед*; но кажется, что на монетах Эрмитажа слово *белед* появляется не ранее 759 года (1357–1358 г.) при хане Бердибеке; на Джанибековских монетах этого слова нет. С 673 (1361) г. встречается выражение *белед Гюлистан ли-с-Сарай* и просто *ли-с-Сарай*. Гюлистан *эль-джедид* («новый») начи-

¹² «Записка о знаменитом кургане находящемся в Царевском уезде при сельце Колобовщины» N.N. (в Астраханских епархиальных вед. 1875 г., №16).

нается с 766 г. (ханы Пулад-ходжа и Азиз-шейх). Гюлистан с эпитетом *махрусэ* оказывается на монетах 767 г. (1365–1366). В последний раз Гюлистан помещен на монетах 768 г. (1366–1367) и затем более не попадает. Таким образом, прежнее определение времени для монет с именем Гюлистана остается в силе: с 751 года по 768 год; но г. Трутовский раздвигает этот период с 727 по 797 г., т.е., вместе 16–17 лет, на 70. Так как г. Трутовский на своем счислении делает некоторые заключения и выступает против Григорьева, который будто-бы потому и не мог сделать верных выводов, то на подобном разногласии приходится остановиться и разъяснить его.

Монета 727 года (1326), битая в Гюлистане, – медная, имени хана на ней нет¹³. Это обстоятельство важное. Если бы на монете был упомянут хан Узбек, тогда никаких разговоров не могло бы возникнуть, но отсутствие этого имени дает возможность относиться к выставленному году с некоторым недоверием. Дело в том, что небрежность ордынских резчиков далеко превосходит пределы допустимости; нигде, в других местах, при чеканке мусульманских монет, мы не встречаем ничего подобного, ничего равного этой небрежности. Ордынские мастера очень часто пропускали буквы в монетных легендах. Так, Гюлистан много раз изображается без *т* (Гульсан), или буквы имеют обратные начертания, напр. в прозвище *адиль* (справедливый) на некоторых монетах буква *даль* представлена обратно (у Савельева №388); вместо Узбек попадает Бек – Уз (у Григорьева №21). Перечислять все подобные неправильности нет надобности. Но особенно часты они в годах, если изображались цифрами. Случалось, что цифры были представлены в обратном порядке: 287 вместо 782 (Савельев, №87); 067 вместо 760 (Григорьев, №88); мы имеем монету, битую в Гюлистане в 827 г., между тем надо читать 768 г. (Григорьев, №152; Савельев, №406). Всего легче было сбиться резчику при изображении цифр 2 и 6, которые в начертании различаются тем, что у первой присоединен крючок к палочке справа, а у второй слева. Так как для штемпеля нужно было дать начертание в обратном виде, то тут и происходили неточности. Приведу примеры: Гюлистан 721 вместо 761 (Савельев, №45), Сарай Новый 766 вместо 762 (там же №55), Гюлистан 732 вместо 763 (там же №63), Новый Сарай 687 вместо 782 (там же, №438 и 439) и т.д. Наш известный нумизмат А.К. Марков, по поводу интересующей нас монеты, высказал догадку, что следует читать не 727-й год, а 767, причем основанием для него служит весь штем-

¹³ Савельев, «Монеты джучидские» и пр. – С. 485, № 516.

пель этой монеты; он по своим особенностям подходит к штемпелям хана Азиз-шейха, а не к Узбековским, и с этим нельзя не согласиться. Что же касается Гюлистанской монеты, тоже медной, с годом 797-м (1397), следовательно, времени Тохтамыша, то здесь мы имеем дело прямо уже с недоразумением. Она так же без имени хана и, по свидетельству А.К.Маркова, есть не что иное, как та же самая монета 727-го года, на который г. Трутовский, следуя повидимому Френу¹⁴, читает вместо цифры 2 цифру 9. В действительности эти монеты, будто бы разных годов, выбиты одним и тем же штемпелем с ошибочным годом и должны обозначать год 767-й. Еще Савельев признавал чтение 797 года сомнительным¹⁵; но это не помешало г. Трутовскому высказаться в положительной форме. Приведенный случай показывает, что исследование «Гюлистан Золотой орды» не принадлежит к числу разясняющих дело, а наоборот запутывает его.

Таким образом, существование Гюлистана во время хана Узбека не подтверждается, и может быть этим обстоятельством надо объяснить отсутствие у Ибн-Баттуты, бывшего в Сарае в 1334 году, каких-либо сведений о Гюлистане.

По поводу существования Гюлистанского монетного двора надо заметить, что это слишком громкое название тех приспособлений, какие были необходимы для чеканки ордынских монет. Наше воображение напрасно будет рисовать солидное сооружение и сложную процедуру монетного производства. Все совершалось примитивным, ручным способом, какой еще недавно существовал в Западном Туркестане: небольшая жаровня для плавки металла, маленькая наковальня, чтобы отбить прут из слитка и разрубить его на равномерные части, затем расплющить в кружки для большого удобства при нанесении чекана двумя штемпелями – молотами, которые редко правильно попадали на диск монеты. Еще недавно у Текинских туркмен до подчинения их России местные мастера насили все эти приборы в мешке и пускали их в ход в любом месте, переделывая Бухарское серебро на легковесную монету, которою наводняли среднеазиатские рынки и которая у туземцев называлась *серахси* (по имени города Серахса) и сильно понижала курс правительственной среднеазиатской *тенгги*. Неудивительно поэтому, что золотоордынские монеты чеканились даже во время похода.

¹⁴ Nova Supplementa ad Rec., p.318.

¹⁵ «Монеты джучидов» и проч. – С. 485, №516.

Приступая к резюмированию своих соображений о Гюлистане, я считаю необходимым присовокупить, что исследователи о Гюлистане сами чувствовали недостаточность своих доводов, но преодолеть слабые стороны их не могли по очень простой причине: они лично не были знакомы с топографией Сарая и ближайших ее окрестностей. Те из них, которые правильно считали Гюлистан дворцом, как Саблуков и Григорьев, ошибочно помещали его в самой столице; академик Френ, повидимому, ближе других подошедший к решению вопроса и искавший Гюлистан по близости Сарая, не знал, что это подтверждается развалинами, находящимися не далеко от столицы ханов. Терещенко верно угадал значение этих развалин; но у него не хватило проницательности связать их с именем Гюлистана. Г. Трутовский ушел в другую сторону. Увлечшись словом *белед*, он стал подыскивать для Гюлистана какие-нибудь крупные развалины из числа известных в литературе и не сохранивших своего первоначального имени, и остановился на Селитряном городке. Ему не удалось справиться с противоречиями, которые возникали при подобном предположении, и результат получился отрицательный.

Между тем Гюлистан приурочивается точным образом к Колобовскому кургану¹⁶ и без всяких натяжек. В самом деле: Гюлистан в таком случае будет действительно загородным дворцом с вполне определенным пунктом, он будет, конечно, при-Сарайским, будет, ханской резиденцией, а многочисленные постройки, раскинувшиеся у стен Гюлистана, оправдают и монетное прозвание его городом.

¹⁶ Колобовский курган, как объяснил Терещенко, назван по имени деревни Колобовщины, а последняя получила это название от одного из двух выходцев, в простонародии «садчиков», Ивана Шевякова, который происходил из деревни Колобовщины Пензенской губернии Ломовского уезда. Он вместе с другим крестьянином, из деревни Растегаевки (почему Царевская Колобовщина называется еще Растегаевкой), прибыл сюда в 1832 году с ходатайством об отводе им земли, почему новое поселение было названо Колобовщиною. Типография 1-й Киевской Артели Печатного Дела. Трехсвятительская 5. Тел. 1069.

Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству*

Пересмотр от времени до времени прежних исследований по разным вопросам востоковедения может, с одной стороны, способствовать дальнейшему уяснению предмета, с другой – свидетельствовать о том, на сколько развивается у нас эта наука и к каким, результатам она приводит? Для пояснения этой мысли, укажу на один крупный пример, из затронутой области, на записку Ибн-Фадлана. Когда академик Френ переводил этого автора в 20-х годах прошлого столетия, тогда издание текстов еще не стояло на надлежащей высоте, исторические сведения, а главным образом археологические были настолько слабы, что Френ и не мог снабдить рассказ Ибн-Фадлана сколько нибудь обстоятельным комментарием¹. Прошло почти 60 лет после появления в свете труда Френа, и явилась уже серьезная попытка дать объяснение рассказу Ибн-Фадлана. Она принадлежит В.В.Стасову, разобравшему один частный вопрос этого автора о Русах². Но если бы кто теперь взялся за пересмотр сказаний Ибн-Фадлана, тот наверное представил бы нам дело иначе, чем сделал это знаменитый Френ. Подобную работу и предпринял барон В.Р.Розен, но успел опубликовать только «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана»³. Относительно этой работы наш, преждевременно скончавшийся, академик-арабист говорил, что ему для исполнения ее нужно не менее как десять лет; но судьба не дала ему этого срока.

Исходя из такого соображения, я предпринял заняться пересмотром некоторых старых работ в области востоковедения, близких мне по роду моих занятий.

Здесь я буду говорить по поводу диссертации проф. В.В.Григорьева «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству». Она появилась в 1842 году, произвела в ученом мире очень выгодное впечатление и доставила автору степень магистра рус-

* Реферат, прочитанный в заседании Восточного отд. И.Р.А.О. 20 марта 1908 г. Веселовский Н.И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Сб. в честь 70-летия *Потанина Г.Н.* Записки русского географического общества, XXXIV. – СПб., 1909. – С. 525–536.

¹ Ibn-Foszlan's und anderer araber Berichte über die Rassen älterer Zeit. Von C.M. Frahn. St. Petersburg. 1823.

² «Заметка о «Руссах» Ибн-Фадлана и других арабских писателей» Ж.М.Н.Пр. [88], № 8.

³ Записки Вост. отд. И.Р.А.О., т. XV.

ской истории. Григорьев убедительно решил спорный вопрос о достоверности ярлыков, разъяснил много темных мест в этих документах; но кое-что из отдельных слов и выражений осталась все-таки темным и загадочным. После того документами этими никто, кроме Дорджи Банзарова, объяснившего в 6-м ярлыке слово «вайсу»⁴, не интересовался, с целью подвинуть начатое дело дальше. Между тем, это до некоторой степени возможно и во всяком случае не бесполезно, так как ярлыки эти принадлежат к числу важнейших памятников нашей истории татарского периода.

Начну с отдельных слов, которые не получили еще надлежащего разъяснения⁵.

Дарык.

«Дали есмя овечья лета, дарыка в семь сот осьмое (*должно быть*: осьмидесятое) лето, солгата месяца, 10 день нова» (2-й ярлык, стр. 251–2).

По поводу этой даты В.В.Григорьев заметил: «Что же бы такое было слово «дарык», встречаемое после «овечья лета», не могу догадаться. Не мог объяснить его себе и известный монголог академик Шмидт (Philologisch-Kritische Zagabe u. s. w., S. 26–27)». – С. 230.

В то время, когда печаталась диссертация проф. Григорьева, другой исследователь и в другом месте, именно епископ саратовский и царицынский Иаков, опубликовал свою статью «Исследование о месте Сарая, столицы кыпчакской Орды» и там коснулся этого же слова в следующих выражениях: «*Овечья лета дарыка*. Слово овечья лета есть, кажется, перевод слова *дарыка*, которое отзывается словом *сарык*, что в Оренбург. татар. наречии значит *стадо овец и овца* (Ученые Зап. Казанского Унив. 1842, кн. II, стр. 60, примечание). Оба названные автора не знали о работах один другого и подходили к решению вопроса самостоятельно. Теперь, пожалуй, покажется странным, что это слово затрудняло наших ориенталистов (монголист Шмидт несомненно пользовался указаниями арабиста Френа). «Дарык» есть самое обыкновенное в документах арабское слово *тарих*, употребляемое мусульманами при годе в смысле хронологии, и в таком случае оно значит «летосчисление». Оно и находится неукоснительно в оригиналах

⁴ «Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов». Записки И.Р. Арх. Общества, т. II (СПб., 1850). – С. 72–97.

⁵ Цитаты сделаны по позднему изданию диссертации Григорьева в его сборнике «Россия и Азия», СПб., 1876. – С. 170–258.

ханских ярлыков. Например, в ярлыке Токтамыша к Ягайле читаем: *тарых еди юз токсан беишта*⁶, т.е. по летосчислению в году 795 (1393).

Следовательно, смысл вышеприведенного выражения в ярлыке Атюляка будет такой: Овечья лета по летосчислению семьсот осьмое (осьмидесятое).

Ентя.

«Ентя году, Арама месяца, во 2 ветха» (7-й ярлык, стр. 257). Вместо Ентя в Суздальской летописи стоит «Сита».

В.В.Григорьев дал относительно этого слова очень пространное рассуждение, которое и сам признал не удовлетворительным. Вот его слова: «Надлежало бы думать, что «Ентя» или «Сита» есть название одного из двенадцати годов монгольского цикла, так же, как «Те-гигуя» или «Тетигуя» в ярлыке Бердибека; но не только такого, а даже сколько-нибудь похожего на это название не находим между монгольскими именами двенадцати лет цикла. Что же бы такое было это «Ентя» или «Сита»? Утвердительно разрешить не беремся, но вот предположение»... Далее Григорьев слово «Сита» переводит на цифры и получает 1355, число «очень близкое к 1350, году дачи ярлыка, как выходит из других соображений; значило бы, что в этом ярлыке употреблено летосчисление христианское – дело весьма возможное в монгольском государстве» (стр. 231). Не привожу следующих за сим еще других соображений Григорьева, которые он сам охарактеризовал так: «все это предположения на предположениях и более ничего». Отсюда видно, однако, что это загадочное слово очень интересовало Григорьева и ему сильно хотелось разяснить его; в этих видах он допустил даже совсем невероятное предложение, будто бы в Золотой Орде могло применяться христианское летосчисление!

Не обошел слово Ентя и преосвященный Иаков. В вышеназванной статье он выразился о слове Ентя кратко и решительно: «Ентя году – в одиннадцатом году летосчислительного цикла, который звался годом Пса (*Им*)». – С. 59.

До некоторой степени производство Ентя от Ит соблазнительно и, если оно не вошло в соображения Григорьева, искавшего разгадки на основании созвучия, то надо думать, только потому, что он циклические года принимал в монгольском наименовании; а у монголов собака называется *нохай*. Мне кажется, что вопрос разрешается иначе. Но

⁶ В.В.Радлов «Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга» (Записки Вост. отд. И.Р.А.О., III. – С. 16).

прежде чем предложить, свое толкование, я остановлюсь на хронологии и коснусь поездок митрополита Алексея, за пределами России, по Никоновской летописи.

В марте 6861 (1353 г.), скончался митрополит Феогност и в том же году митрополит Алексей получил от патриарха Филофея повеление идти в Царьград ставиться на митрополию. О времени выезда летопись не говорит, но 6862 (1354) г. сообщает, что того года м. Алексей вернулся из Константинополя в Москву. В 6804 (1356) г. м. Алексей вторично посетил Царьград и в том же году вернулся. Исцеление митрополитом Алексеем ханской жены Тайдулы произошло в 6865 (1357) году. Из Орды м. Алексей «вборзе» был отпущен «понеже в то время возсташе вражда и замятия велиа в Орде». Во время этой замяти хан Джанибек был лишен жизни сыном своим Бердибеком в том же 1357 году.

Е.Е.Голубинский в своем капитальном труде «История русской церкви» подробно разбирает время и обстоятельства пребывания м. Алексея в Константинополе и приходит к заключению, что летописи Воскресенская и Типографская ошибаются касательно года возвращения митрополита в Россию, указывая на 1354-й год; а что Троицкая и Новгородская, более авторитетные, относить это событие на осень 1355 года⁷. Признавая значение доводов проф. Голубинского, я, тем не менее, не могу считать вопрос о хронологии решенным и признаю года 1354 и 1355 спорными. Возведение м. Алексея в этот сан состоялось в июне 1351 г.; а дальнейшие события в Константинополе изложены не вполне ясно.

К какому же из этих годов надо отнести ярлык ханши Тайдулы?

Казалось бы всего ближе предположить 1357 год, когда исцеленная Тайдула и выдала ярлык, митрополиту Алексею в благодарность за оказанную ей помощь. Так и заключал Григорьев; но заключал вопреки хронологии Никоновской летописи. Вот что писал Григорьев: Алексей, поставленный в 1353 году, поехал туда (в орду) не ранее 1356 года, и то по вызову хана лечить жену его Тайдулу, вследствие исцеления которой и получил от нее, вероятно, тот ярлык, который имеем мы от Тайдулы на имя сего митрополита» (стр. 226). Но летопись прямо указывает на 1357-й год, а не на 1356-й. Последний (1356) год есть тот, в который м. Алексей ездил во второй раз в Константинополь. Зачем же Тайдула в 1357 г. (т.е. вслед за исцелением) снабдила м. Алексея ярлыком на поездку в Константинополь, когда он, толь-

⁷ Т. II, стр. 182–183, примечание.

ко что вернулся оттуда и ни из чего не видно, чтобы собирался туда в третий раз. На всякий случай, так сказать, в запасе? Если допустим, что дело происходило точно таким образом, то прежде всего надо отказаться от сближения слова Ентя с *Ит*, так как год собаки приходится на 1358-й год, когда Джанибека уже не было в живых.

Я вовсе не вижу необходимости выдачи Тайдулою ярлыка м. Алексею ставить в связь с ее исцелением. Дело в том, что Тайдула имела обыкновение давать ярлыки и другим митрополитам; один написан на имя м. Ионы, свиного года (1347 г.), другой выдан м. Феогносту, заячьего лета (1352 г.). Отсюда явствует, что Тайдула могла пожаловать ярлык м. Алексею и независимо от его поездки ради исцеления и в другое время. В таком случае, в какое же? Так как ярлык дан Тайдулою на случай поездки м. Алексея в Константинополь, а патриарх обязал святителя являться к нему через каждые два года⁸, то никакими соображениями мы точную хронологию ярлыка не решим. Но этот документ имеет дату: «Ентя году».

Григорьев сперва верно предположил, что Ентя должно означать название одного из двенадцати годов монгольского цикла, но только он, следуя за статьей О.М. Ковалевского «О китайском календаре (Казань, 1835 г.), не отыскал там сколько-нибудь похожего на это название и отказался от этой мысли. А между тем, в животном цикле, мы найдем это слово, только не в монгольском счислении, а в уйгурском, что Григорьев упустил из виду.

Улуг-бек в своих таблицах, перечисляя года этого цикла, называет год, лошади не *ат*, как было бы по тюркский и по татарский, не *мурен* (*морин*), как было бы по монгольский, а *юнд* – по уйгурски⁹, что может быть произносилось *йонда*, как в османском¹⁰. Если отождествление ентя с юнда допустимо, то время, выдачи ярлыка Тайдулою надо отнести к 1354 г., так как за все время ханствования Джанибека год лошади был дважды: в 1342 г. и в 1354 г.; но ввиду того, что назначение митрополита Алексея состоялось только в 1353 г., то ярлык ему мог быть составлен не ранее этого года. Этим обстоятельством может быть, разрешилось разногласие летописей относительно 1354 и 1355

⁸ М. Алексей это требование исполнил только один раз в 1356 г. и то по вызову патриарха по случаю домогательств м. Романа на Киев. Е.Е.Голубинский История Р. церкви, II. – С. 190.

⁹ Epochae celebriores astronomis, historicis etc. nsitatae: ex traditione Ulug Beigi, Indiae citra extraque Gangem Principis: eas primus publicavit, recensnit et commentariis illustravit Iohannes Gravius. Londoni, 1650, p. 5–6.

¹⁰ Словарь Будагова, II. – С. 386.

годов. Заметим, что наш год начинался тогда с 1 марта и вполне совпадал с циклическим.

Кстати, по поводу ярлыков Тайдулы: что значит, что она снабжает м. Алексея ярлыком на проезд в Константинополь, когда это, по-видимому, дело хана? В самом начале стоят слова: «По Зенебекову ярлыку Тайдулино слово». Ответить на этот вопрос, кажется, не трудно. Тайдула имела обширный земельный удел, и даже название города Тулы производят от ее имени, поэтому она и давала тарханные ярлыки русскому духовенству только касательно *своих* владений, следуя в этом случае примеру ханов¹¹. Такой же характер должен иметь ярлык ее м. Алексею на проезд его в Константинополь. Разрешение на такую поездку следовало бы ожидать от самого хана, что вероятно и было дано, Тайдула же облегчила путь митрополиту только в своем юрте. Кроме того, она могла давать ярлыки и на всю Россию, но в деле личном. Известно, что ханшам полагалась некоторая подать с покоренных народов – царицына пошлина; для получения ее приезжали послы ханш или баскаки, что продолжалось до тех пор, пока существовал такой порядок. Ханши освобождали русское духовенство от следовавшей им дани, а для этого требовалось, удостоверить такую льготу ярлыком.

Арам.

Слово это, означающее название месяца – «Арама месяца» – встречается дважды: в четвертом ярлыке (стр. 253) и в седьмом (стр. 257). Григорьев затруднился объяснить это слово: «Такого месяца – писал он, мы не находим не в календаре мусульманском, ни в календаре Сирийцев, ни у Евреев, ни у Персов, и только благодаря Эрбло (Bibi Orient. статья Aram) можем сказать вслед за ним, что месяц такого имени есть у Хатайцев, познакомиться ближе с времячислением

¹¹ Григорьев смотрел на дело иначе и, полагая, что ханши принимали деятельное участие в государственных делах, могли давать ярлыки, обязательные для всей орды (стр. 214–219). Это очень сомнительно, и сам Григорьев увеличил сомнение следующим аргументом: «Мера вмешательства в дела государственного управления и степень влияния вообще, разумеется, зависели много от личных достоинств ханш, их ума, красоты, оставляя в стороне права на это. Одна ханша могла делать то, для чего у другой не доставало бы характера, силы, воли, хитрости» (стр. 219). Не в том ведь дело, что ханша падает распространенный на все государство ярлык, а в том, какое он будет иметь применение. Если такой ярлык появился не по обычаю, а вопреки ему, то результатом может быть или неудовольствие народа, или, что еще хуже, возмущение и, во всяком случае останется без исполнения. Для влиятельной ханши, всего удобнее в видах достижения своей цели, просто упросить хана дать ярлык.

которых не позволяет нам отсутствие нужных для сего источников» (стр. 232). И далее: никак уж не можем согласиться с первым из них (т.е. с академиком Шмидтом), чтобы «Арам месяц», когда писан этот ярлык, также как и Тайдулин Алексею, был мусульманский Мухаррем (Phil. Krit Zugabe u. s. w., S. 26).

Итак, академик, Шмидт признал в наименовании арам мусульманский месяц мухаррем, по всей вероятности следуя указаниям Френа, который в одной рукописной записке о Гюлистане так и объяснил слово арам. Преосвященный Иаков пошел по той же дороге и без всяких колебаний заявил: «Арама, вернее, *мухаррема*, первого месяца лунного года» (стр. 59).

Для вполне точного определения этого названия даже и в то время, когда писались названные работы, в действительности не было никаких затруднений. О месяце араме, с которого начинался год у уйгуров, сообщил еще Улуг-бек¹². Таким образом, и здесь нам приходится иметь дело с уйгурским влиянием в Золотой Орде, длившимся в календарном счете очень продолжительное время. Интересно и то, что это уйгурское наименование месяца передано русским переводчиком ярлыков совершенно точно.

Телев.

Во втором ярлыке читаем (стр. 251): «а кого наших послов или посланников убьют церковные люди над своим добром, тому телеватне». В Собрании Государственных грамот сказано: «телева нет». Григорьев в своем исследовании совершенно обошел это непонятное, как ему, так и другим, слово. Мы не видим, пытался ли он разгадать его; а между тем, своевременное разъяснение этого слова могло бы как нельзя лучше послужить на пользу основного положения Григорьева, что русский текст ярлыков является подстрочным переводом ордынского (т.е. уйгурского) оригинала. По смыслу речи можно догадываться, что под этим непонятным словом «телеватне» скрывается какой-то юридически термин, говорящий об освобождении от наказания. И действительно, если мы возьмем вариант «телева нет»¹³, то найдем и его значение. Слово *töleu* находится в употреблении у татар

¹² Epochae celebriores, etc. p. 63 – 66.

¹³ Как из «телева нет» получилось «телеватне» объяснить очень легко. Буква *т*, едва ли не чаще других выносилась вверх строки и,

Т

если она попала немного влево, ТЕЛЕВАНЕ, то у переписчика, не знавшего значения слова *телева*, могло получиться *тне* вместо *нет*.

и казак-киргизов и теперь в смысле взыскания, уплаты¹⁴, следовательно, оно сохранилось в русской передаче ярлыка без малейшего искажения. Таким образом вышеприведенная фраза может быть изложена так: «а кого из наших послов или посланников убьют церковные люди, защищая свое имущество, тому взыскания нет».

Голка.

«Да пребывает митрополит в тихом и кротком житии безо всякие голки». Объяснение этого слова находим у Даля в его словаре; оно значить: шум, крик, волнение в народе, мятеж, ссора.

Календарная система в Золотой Орде для официальных документов была очень сложная. Там применялся во 1-х циклический счет годов по названиям животных, вообще очень устойчивый у кочевых народов, татарами же удвоенный в уйгурском наименовании (*юнда*); во 2-хъ – мусульманское летосчисление, обязательное у последователей ислама. Названия месяцев тоже двояки: уйгурские (*арам*) и мусульманские; кроме того, применялось и общетюркское деление месяцев по временам года (осеннего первого месяца – в 1-м и 5-м ярлыках).

Григорьев совсем упустил из виду уйгурский календарь, по которому происходить в орде счет, как годов, так и месяцев. О том, что вышло из такого упущения относительно годов (*ента*) и месяцев (*арам*), мы уже видели; остается сказать еще несколько слов о переводе этих месяцев на календарь мусульманский. Так как он полагал, что месяцы в ярлыках соответствуют монгольскому календарю, то и заявил: «месяцы года Монголы считают по порядку, не давая им особенных названий» (стр. 290).

Григорьев поступал таким образом, считая месяцы по монгольски, т.е. шел неправильным путем.

Что же касается преосвященного Иакова, затронувшего хронологию ярлыков, то тут он очутился прямо в безвыходном положении и думал выйти из затруднения тем, что вместо «десятого месяца» готов был читать «десятого года» (стр. 59), что не имеет уже никакого смысла.

Григорьев вполне справедливо осудил расстановку знаков препинания Новикова и издателей «Сборника Государственных грамот», так как незнакомые ни с монгольским, ни с татарскими языками, они не могли понять, где начало, где конец периода, оттого нередко перепутывали периоды и в некоторых местах затмили даже смысл (стр.

¹⁴ Киргизско-русский словарь, составленный Н.И.Ильминским, Оренбург, 1897. – С. 204.

237). На этом основании Григорьев не считал возможным сохранить пунктуацию своих предшественников, а ввел свою. Так как в древности никакой пунктуации не существовало, то теперь она является делом личного произвола и едва ли может удовлетворить во всех отношениях. Есть недостатки и у Григорьева. Например, как разобраться в следующем изложении в 4-м ярлыке. «В Сарае орда кочевала. Написано. А жалобу положил, Тайбога; Айхоча, Мухтар, Учагуи, Карапчий, писали» (стр. 253).

Во 1-х, зачем слово «написано» отделено точкою от предыдущей фразы¹⁵? Ведь речь идет о том, что ярлык написан тогда, когда орда кочевала в Сарае; место составления ярлыка всегда обозначается определенно, и в данном случае говорится, что ярлык написан, когда орда кочевала в Сарае. Во 2-х, сколько лиц писали ярлык? По Григорьеву, их, выходит или трое или четверо, в зависимости от того, как он понимал Карапчий, что остается неизвестным. Если у него это собственное имя (написано с большой буквы), тогда четверо; если титул, то трое. Карапчий, их всегда четыре – почетная должность у кочевых народов, известная нам с глубокой древности.

У народа Хунну были четыре знатные рода, которые поставляли ханам жен; у монголов представители этой степной аристократии воздымали избранного хана на войлоке, держа последний за четыре угла. Они являлись такою необходимою принадлежностью ханского двора, что без них не обошлось даже ничтожное Касимовское ханство; а в Крыму они пережили и ханов и самое ханство. Может быть, так и понимал Григорьев слово карапчий и относил его к трем предшествующим именам; но я думаю, что карапчий надо читать не во множественном числе а в единственном – карапчий и приурочивать только к имени Учагуй на том основании, что Мухтар не собственное имя, а тоже титул, означающий старшину. Следовательно, ярлык писали только два лица: Айхочи-мухтар и Учагуй-карапчий.

В 6-м ярлык сказано: «Сеунч, Темир, Мюрбакшеи писали» (стр. 256). Здесь мы опять встречаемся с тем же вопросом: как понимал Григорьев слово Мюрбакшеи, как собственное имя, или как титул? Слово это, думаю, следует разделить на две части: *мюр* должно означать *мир* (= эмир) в данном случае начальник, и *бакшей* или *бахши* – писец, т.е. все вместе – начальник писцов. Так как в татарском языке титулы всегда ставятся после собственного имени, то и титул относится к Темиру; но мне кажется, что и Сеунч принадлежит тому

¹⁵ То же сделано Григорьевым в других ярлыках.

же лицу, и вместо то трех лиц является только одно. Что же касается глагола «писали» во множественном числе, то возможно, что это произошло по какому-нибудь недоразумению.

Относительно местностей, в которых составлялись ярлыки, я считаю возможным обратить внимание на упоминаемое в 3-м ярлыке урочище: «На Желтой Трости орда кочевала» (стр. 252). По-татарски это будет Сары-Камыш.

О нем Григорьев заметил, что не знает, где оно находилось, и предоставил сделать определение другим, имевшим возможность познакомиться с топографией Кыпчакской степи более его (стр. 235). Мне кажется, что Желтую Трость следует искать около нынешнего Камышина, очевидно, не случайно получившего это название.

Быть может, без большого риска можно Каонгу (в 6-м ярлык) – «Орда кочевала на Каонге» – отождествить с местною Канга в Астраханском уезде, где находится ерик Канга. Впрочем, для незнакомого с местной топографией всегда трудно разобраться в названии урочищ, иногда утративших древние наименования¹⁶, и разъяснение их надо предоставить местным деятелям.

¹⁶ На сколько возможны на этом случае недоразумения, приведу пример из той же области татарских ярлыков. Проф. *Березин И.Н.* в статье своей «Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея» (Записки Одесского Общ. Ист. И Древ., т. VIII) дал перевод местности один раз в таком виде: Камыш, Бурунджук (стр. 13), а в другой раз: «из внутренностей Керчи – Камыша и Бурунджука» (ibid). Между тем, это одно урочище, которое и ныне называется Камыш-Бурун. В текст и сказано: *камыш бурунджук и камыш бурунджука*.

Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории*

Посольский церемониал в московский период русской истории носил в полном, можно сказать, объеме татарский или вернее – азиатский характер; отступления у нас были незначительные и вызывались главным образом религиозными воззрениями. Так, у нас не проводили послов между двух огней перед аудиенциею у царя, что было обязательно в Орде для уничтожения злого умысла, если бы у посла он тайлся, – и не могли проводить, так как считали этот обряд языческим, а потому несовместимым с христианским верованием, и русские люди, с великими князьями во главе, случалось, отвергали его с такою решительностью, что ради спасения души жертвовали своим телом. Не одобрялось у нас делание земных поклонов и лобызание ноги восточных владетелей, потому что первое надлежит совершать Богу, а второе – в виду того убеждения, что человек чист лишь до пояса, а ниже пояса не чист, следовательно, целуя ногу, посол осквернялся. «И князь великий Магмедшю князя и всех послов звал к себе, да руку на них клал, да и о здравии их самих спросил и ести их звал» (приезд крымского посла Мамедши в 1508 г.). Класть руку вместо целования ее было установлено для мусульман, но другой крымский посол Камал, позванный к руке, «целовал великого князя в руку».

Что церемониал был нами заимствован у татар, это понятно само собою. В течении долгого периода великие князья русские имели дипломатические сношения только с золотоордынскими ханами и с великими ханами в Монголии, должны были поневоле подчиняться требованиям этих ханов; а затем и сами усвоили их так основательно, что считали весь церемониал своим собственным и не отступали от его требований до Петра Великого, изменившего его на европейский манер. Если бы московское правительство и не пожелало почему бы то ни было действовать по татарской указке, то оно прямо не имело возможности заменить ее какою либо другою, и церемониал был так устойчив, что на нем даже не заметно влияние европейской струи, внесенной к нам хотя бы Софиею Палеолог; может быть некоторые мелочи и подверглись тогда изменению; но сущность осталась прежняя.

* Веселовский Н.И. Татарское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории. – С.-Петербург: Типография Б.М. Вольфа, 1911. – 19 с.

Конечно, с расширением у нас горизонта по мере знакомства с западными порядками, с развитием просвещения, и с сознанием своего значения некоторые взгляды на подробности церемониала должны были изменяться и действительно изменялись, однако не на столько, чтобы общий характер прежнего посольского устава можно было бы признать поколебленным.

Это положение вытекает из длинного ряда дипломатических сношений Москвы с Востоком и Западом. На Востоке всякое требование наших послов относительно обращения с ними не вызывало по существу никаких противоречий с местными взглядами, и если, не смотря на то, между нашими послами и азиатскими властями происходили споры почти по всякому поводу, то причина их заключалась, не в различии установившихся порядков у обеих сторон, а в корыстолюбии и злоупотреблениях азиатских чиновников, стремившихся поживиться на счет русского посла. Не то было на Западе. Там наши требования в лучшем случае порождали недоумения, в худшем вызывали смех, до такой степени русские взгляды на прием послов расходились с европейскими. Настаивая на выдаче продовольствия, помещения, подвод и т.п., наш посол, по установившемуся у нас взгляду, отстаивал свое официальное положение, а европейцы смотрели на него, как на надоедливую попрошайку, чем в действительности он ронял свое достоинство.

Посольский церемониал во всех своих подробностях был направлен к выражению внешним образом, т.е. публично, почета, или, как у нас говорили в старину – «чести», на три стороны; государю, посылающему посла; государю, принимающему посла, и самому послу. Эти три задачи сосредоточивались на личности посла. Какой прием оказывался прибывшему послу, такая воздавалась и честь его отправителю. Обряды, требовавшиеся от посла на аудиенции, имели целью воздать честь государю данной страны. Посол, по возложенной на него функции, имел право на внимательное отношение к нему и на особое уважение. Как ни старались в прежнее время примирить перечисленные задачи, это не удавалось: не совпадая по существу, они почти всегда расходились на практике. На Востоке укоренился взгляд, что унижением прибывшего посла можно поднять в глазах народа значение своего государя. Так было в Китае до самого последнего времени. Там требовали от посла таких унижительных обрядов, исполнение которых прямо было бы предосудительным, и посол предпочитал вернуться домой, отказавшись от своей миссии.

У нашего правительства таких взглядов не существовало, была готовность всячески щадить самолюбие посла; но от установленных требований оно не отступало.

Мысль о том, что посол является представителем своего государя и своей страны, не могла получить на Востоке сколько-нибудь серьезного развития при условии, что там послов не только унижали нравственно, но и мучили физически: морили голодом, сажали в тюрьму и даже предавали смерти, хотя там же существовала поговорка – «послу смерти нет».

Вот основное положение татар, отмеченное у Плано Карпини; откуда бы ни приходили к хану послы, им должны давать коней, повозки и содержание. Правда, этот монах добавляет, что приходящие послы терпеть большую нужду, как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы; но это не изменяет сущности дела тем более, что скудость происходила от злоупотреблений чиновников. То же говорится и в других источниках. Арабский историк Ибн-Абдеззахыр (XIII ст.) и другие описали татарские порядки по приему посольств. Они заключаются в следующем: посланники получали во время путешествия баранов и всякого рода съестные припасы; когда подходили на небольшое расстояние от Орды, везирь выходил им навстречу, он назначал посланникам помещение и посылал им мясо, рыбу и молоко и другие припасы. На аудиенции следовало войти с левой стороны, а затем, передавши свои письма, перейти на правую сторону и стать на оба колена. Никто не может войти в палатку хана с мечем, ножом, булавою или каким бы то ни было другим оружием. Запрещалось ступать на порог палатки. На аудиенции присутствовала старшая жена хана.

У нас вопрос о содержании послов был разработан до мельчайших подробностей и ставился на первом плане; отсюда вытекало требование, чтобы и нашим послам в чужих государствах давалось полное продовольствие, не потому, чтобы мы не могли обеспечить своего посла содержанием, а потому, что таков взгляд установился у нас на посольский этикет. На этой почве происходили крупные недоразумения между нашими послами и иностранными властями, особенно на западе. Наиболее острым характером отличалось требование подвод, численность которых, в виду многолюдства и громоздкости наших посольств, была довольно значительна. Практика посольского дела показала, что положение наших послов в иностранных государствах иное, чем чужих послов у нас. Наше правительство не только определяло вполне достаточное содержание пребывшему посольству, но и всегда

предписывало приставу и воеводам давать еще кроме того «запрос», что посол запросит. По восточным понятиям так и должно быть; в азиатских государствах по международному этикету считалось недопустимым, чтобы иностранный посол покупал на базаре на свой счет какую либо провизию. В действительности происходило обратное; но это потому, что русское посольство являлось на Востоке объектом эксплуатации; когда же эксплуатации быть не могло, тогда порядок восстанавливался. Так, по завоевании Западного Туркестана, русским послам в среднеазиатских ханствах всегда доставляли то, что они посылали купить на базаре по части местных продуктов, а деньги возвращали обратно.

Практика показала, что своих послов надо обеспечить от случайностей всякого рода.

Русское посольство и по составу, и по снаряжению отличалось чрезвычайною громоздкостью. Посол имел помощников, обыкновенно двух, дьяка или подъячего для канцелярской работы и для составления статейного списка, переводчиков и толмачей, кречетников с ловчими птицами, служителей, стрельцов для охраны; а в далекий и продолжительный путь, как напр. в Персию или на Запад, в состав посольства входил еще церковный причт, преимущественно из монашеской братии для совершения богослужений. Имущество посольства, как казенное, так и личное требовало многочисленных подвод. Посольство обильно снабжалось провизией в пути и на время пребывания в чужой земле: соленое и копченое мясо, соленая рыба, мука и т.п. Царские подарки состояли большею частью из дорогих мехов, шуб, сукон, моржовых клыков, соколов и кречетов в клетках, иногда оружия. Послу вместо денег отпускалась мягкая рухлядь, т.е. меха, которые предстояло продавать на местных базарах, чтобы на вырученные этим способом деньги покупать все необходимое для содержания посольской свиты, а случалось – и для выкупа русских пленных. Чтобы посол мог поддержать свой престиж поднесением от себя подарков хану и его приближенным, послу выдавались из царской казны значительные запасы мехов. Неудивительно, что и в пределах Русского государства было затруднительно разом собрать необходимое количество подвод, и посольству приходилось приучаться к тревожной и сутяжнической жизни еще в своем отечестве; а за границу нанимать верховых лошадей и повозки на свой счет, иногда «дорогою ценою». Нарушение на Востоке посольского этикета в данном случае вызывало со стороны русского правительства сильные протесты, которые были безусловно справедливы, так как давать посольству подводы есть

основной восточный обычай. Нарушался же этикет с одной стороны злоупотреблениями местных властей или их слабостью; с другой – подозрительностью азиатцев, предполагавших скрытые под видом посольства торговые интересы, как это часто практиковалось на Востоке.

Но если отказ в снабжении нашего посольства подводами являлся только неуважением со стороны азиатских властей то отношение их к посольскому имуществу было прямо оскорбительное. По установившемуся повсюду правилу имущество посла не подлежит осмотру в целях фиска. На Востоке поспешили этим воспользоваться, чтобы соединить торговые предприятия с дипломатической миссией. Так было и у нас в XV ст. (хождение Афанасия Никитина), но потом наше правительство нашло подобное соединене неудобным, строго разграничило торговые сношения от политических и нередко прямо отказывало русским купцам в просьбе присоединиться к посольству. Вероятно, на Востоке не верили искренности нашего правительства и взимали пошлину с посольской рухляди, как с купеческой. Протест с нашей стороны был всегда решительный, послу предписывалось пошлин не платить; но подкрепить этот протест чем-либо более внушительным, чем жалкие слова, у нас долго не было возможности, и наш посол попадал между двух огней: отстаивая свои права по наказу, он, в случае упорства, подвергался более оскорбительному отношению – физическому воздействию и в тоже время мог подвергнуться опале в Москве. Наше правительство старалось вразумить ханов, но не всегда с успехом, так как у последних была одна цель: обобрать посла. Вот что говорил в. кн. Иван Васильевич через посла Алексея Голохвастова хану Менгли Гирею в 1501 году: «и они (послы) емлют с собою рухлядь харчу для, а не торговли для, в которых в иных землях, где не ходят денги государя нашего земель, и что будет надобе государя нашего послу в которой земле тутошних денег на харчъ, и они рухлядь продають на денги, да тем держать свой харчъ». В другой раз великий князь писал тому же хану: «а учнут поминки пересматривати и рухлядь нашего посла и наших людей, ино то наша, и твоя и моя, которая честь?».

Пошлину с посла наше правительство отвергало самым решительным образом, не из корыстных целей, а потому, что видело в этом унижение. И это требование касалось не только посольского имущества, но и других статей, например, за перевоз, хотя бы дело касалось переезда из Кафы в Царьгород, или за пастьбу посольских лошадей, или за переход через посох. «А тамги и пошлин с послов нет некоторых» – настаивали великие князья и цари московские. И на Востоке все это понимали отлично; но русское посольство там было нужно по

стольку, по сколько оно давало материальные выгоды иноземным властям, а потому посольский этикет отходил на второй план, и приходилось нам писать в грамотах, чтобы силы (т.е. насилья) над послами и над их людьми никак не были. В Турции и в Крыму на содержание послов отпускалась особая сумма, называвшаяся таин; но из этого не следовало, что она полностью доходила до посла.

На Востоке принято злоупотреблять посольствами в торговых интересах: к посольству охотно присоединяются купеческие караваны, так как в этом случае купцам оказываются некоторые льготы в отношении пошлин: правительство иностранного государства заботится о подводах при передвижении, о помещении при остановках, а иногда даже и о содержании. Этим объясняется, почему к нам приходили посольства от кочевых народов в составе 200–300 человек, которые вели на продажу по несколько тысяч лошадей.

Наше правительство держало себя по отношению к присутствию торговцев при азиатских послах очень осторожно и делало вид, что не замечало злоупотребления; но когда злоупотребления достигали больших размеров, приходилось их ограничивать. Так, корм лошадям выдавался только посольским, а не купеческим и не тем, которые приводились для продажи.

Обмен подарками при посредстве послов установился в очень отдаленное время и не составлял исключительного явления у татар; но последние довели систему вымогательства подарков до виртуозности. У них прямо считалось неприличным явиться не только к хану, а даже к значительному лицу без подарков. Когда европейские миссионеры направлялись к монгольским ханам, то, не зная татарского обычая, не озаботились заготовлением подарков, и это обстоятельство не мало повредило им. Как только зашла речь о представлении хану, им сейчас же задан был вопрос: чем они могут поклониться хану, т.е. какие поднесут дары? В очень затруднительном положении очутился минорит Рубрук, не имевший, по обетам монашества, запасного имущества. «Наш проводник – записал Рубрук – начал спрашивать, что мы поднесем Сартаху, и пришел в великое негодование, когда увидел, что мы не готовим ничего поднести ему».

Татарские ханы слали к нам послов обыкновенно с тяжелым поклоном, с легким поминком (агыр селям илэ ве енгиль хадиз илэ), чтобы поклон сух не был, т.е. без прибавления подарков, или один поклон безо всего прочего. В данном случае так переводилось татарское слово к у р у «сухой»; выражение «хан ушел или спасся из набега сухою головою» (куру баш – илэ донду) стало даже приводиться в русских

документах, как и другое выражение: «сухим языком говорить». Пришлось и нам усвоить подобную же тактику и писать ханам, что посольство отправлено спешно и собрать надлежащие поминки не было времени, а что они будут посланы со следующим посольством.

Кроме царских подарков, наш посол обязан был представить таковые и от себя. Так как посол получал все снаряжение на счет государства, то от царской казны давались ему и подарки для поднесения иностранному государю на аудиенции. За то он должен был дать отчет в ответных подарках, которые он получал сам. Обыкновенно эти подарки не отбирались в казну и оставлялись в пользовании посла; но учет им для какой-то цели все-таки был.

Того корыстолюбия в отношении подарков, какое наблюдалось на Востоке, наше правительство не имело и не могло иметь, так как, помимо всяких других причин, это просто не вязалось с понятием о величии государя. На подносимые подарки, были ли они от самого иностранного государя или от посла, ответные дары всегда определялись в большей чем получаемые ценности. Для азиатских послов установилась даже норма: давать против их даров вдвое, при чем нередко подношения послов возвращались им обратно. Тем не менее вопрос о подарках всегда и очень сильно озабочивал наше правительство, и при снаряжении посольства занимал одно из первых мест. Подарки назывались или просто поминками, или любительными поминками, так как посылались на память и в знак любви, и существовал глагол «напоминяться», т.е. царь напоминал о себе «своему брату» такими-то предметами.

Посылались прежде всего меха, что крымские татары называли данью зердева (слово турецкое, значить «куница») и ловчие птицы.

Когда наш посол приходил в чужую страну и там спрашивали его о здоровье и здорово ли он совершил свой путь, то посол отвечал, что он счастьем своего великого государя дошел здорово. Так же говорил у нас и азиатский посол. Это был оборот выражений восточный. В недавнее время, при существовании еще оренбургского генерал-губернаторства, генерал-губернаторам приходилось часто принимать среднеазиатских послов, и на вопрос: благополучно ли ехал посол, последний отвечал подобным же образом; но переводчик (эту должность долго занимал Костромитинов) сейчас же останавливал посла и строго спрашивал: действительно ли он ехал благополучно в русских владениях счастьем своего хана, а не русского императора? Тогда посол спешил поправиться. Большой знаток Средней Азии профессор В.В.Григорьев полагал, что в данном случае посол зазнавался, и Костромитинов правильно его до этого не допускал. Среднеазиатские

послы часто у нас зазнавались, видя радушный прием со стороны правительства, и приходилось их как говорится, осаживать; может быть следовало заставить их изменить и этот свой ответ; но видеть в нем дерзость или неуважение никоим образом было нельзя, так как здесь играла роль старинная восточная традиция, существовавшая некогда у нас и основательно забытая.

Кочевник от лошади не отделим, он не пойдет пешком даже на малое расстояние; пешком ходит только бедняк, байгуш, человек всеми унижаемый и презираемый. Только лошадь, по понятию кочевника, возвышает человека; отсюда установилось правилом, что тот, кто желает оказать уважение при встрече другому лицу, должен сойти с лошади на землю. Проситель не может излагать свою просьбу, сидя на лошади; только равный с равным могут приветствовать друг друга, оставаясь на лошадях. Этот взгляд был усвоен восточным посольским этикетом, и степень почета стала измеряться большим или меньшим пребыванием в седле. Посол доезжал верхом до более близкого пункта к ханской ставке, чем гонец, которого останавливали раньше; свита посла спешивалась раньше его самого и шла за ним пешком. Тоже происходило и после аудиенции.

«Повести коня» перед кем-либо или под кем-либо значило выразить особенное почтение этому лицу. В Никоновской летописи под 1432 годом сказано: «царь Махмет даде великое княжение князю Василию Васильевичу и повел князю Юрию Дмитриевичу, дяде его, и конь повести под ним. Князь же великий не возхоте того, дядю своего обезчестити». Едва ли можно сомневаться, что это обычай восточный.

Из ногайских дел знаем, что посланец князя Мусы в 1490 г. сообщал в Москве, что Махмет Амин царь казанский присылал к Мусе своего человека Хошкильдей дувана о свотостве, «да и конь повел перед моим государем его человек Хошкильдей». Интересный пример можно привести из истории Персии: в 1604 г. шах Аббас был так обрадован взятием Багдада, что вышел на встречу своему полководцу, чтобы выразить ему благодарность и, желая особенно почтить его, сошел со своего коня, посадил на него победителя, упорно от того отказывавшагося, и прошел несколько шагов у его стремени.

Чтобы осветить этот вопрос примерами дальнего востока, остановлюсь на обычаях народа Киданей. В праздник шан-и происходила состязательная стрельба на скаку в деревянного зайца, были победители и побежденные; побежденный слезал с лошади и, стоя на коленях, подносил вино победителю, который пил его, сидя на лошади.

Отсюда ясно, какую роль должна была играть верховая лошадь в деле выражения почета для обеих сторон: для стороны отправляющей посла, и для стороны, его принимающей.

На Востоке в отношении лошади выработались вполне определенные правила; установлено обычаем: когда можно сидеть на лошади, когда должно с нее слезть, до какого места можно ехать, где следует остановиться и т.д. И все эти правила были усвоены у нас.

В Турции, когда посол представлялся султану, то с ним бок о бок из визирского дворца ехал чауш-паша, и всегда по правую сторону. Нельзя ехать с правой стороны султана, поэтому в прежнее время янычар-ага, сопровождавший султана в мечеть, ехал слева от него. Учеченцев – старший едет справа, младший слева, и т.д.

На востоке посла встречал, по возможности на границе, особый чиновник, причем происходили церемонии согласно с восточным этикетом, и затем встречавший ехал вместе с послом с правой стороны. У персиян такое лицо называлось михмандар, т.е. имеющий гостя. По свидетельству Рубрука послами заведывал у татар ям-ям или просто ям; но он не встречал послов. У нас посла встречал пристав. Прежде чем начать взаимные приветствия, требовалось с нашей стороны, чтобы посол и пристав одновременно сошли с лошадей на землю, а если посол ехал в экипаже, то выйти из экипажа. Это требование вызывалось тем, что при встрече упоминались имена государей, и оно очень не нравилось европейским послам, и наиболее решительные из них старались обойти нас. Так, известный Герберштейн при встрече с приставом сделал вид, что слезает с лошади; тогда пристав поспешил сойти на землю, но Герберштейн остался сидеть в седле. И посол сам с гордостью отметил в своих записках, как он обманул русского пристава; однако, ему при всяком случае напоминали, что он нанес оскорбление русскому царю. К такой, несколько наивной уловке прибег покойный хивинский хан Мухамед Рахим, когда на встречу ему послан был от туркестанского генерала-губернатора Черняева молодой офицер с конвоем. Хану было зазорно поздороваться с офицером на равных основаниях и он только сделал вид, что слезает на землю, а когда это исполнил офицер, хан остался на лошади. Пристав, сопутствующий послу, должен ехать, согласно с наказом, по правую его руку. Это положение не вызывало с азиатскими послами никаких недоразумений, потому что было в порядке вещей и существует на Востоке и по настоящее время; но европейским послам почему-то такой этикет не нравился, и они во время пути старались заехать пристава справа, и тогда происходили довольно комичные сцены.

В 1629 г. прибыло в Россию посольство из Франции во главе с Луи Дегэ де-Курменен и навстречу ему был выслан новгородским воеводою пристав, который хотел ехать с правой стороны посла; но последний решительно заявил, что на такой позор он ни за что не согласится, даже под страхом смерти. После долгих переговоров посол предложил, чтобы ехали два пристава, один по правую сторону посла, другой по левую. Так как это являлось нарушением установившегося обычая, то пристав обратился за советом к псковскому архиепископу, который одобрил проект посла; пристав ехал с правой стороны, а слева – боярский сын.

Если бы спросить французского посла, почему он считал сопровождение пристава с правой стороны таким позором, что предпочитал ему смерть, едва ли бы он мог дать удовлетворительный ответ. Сомнительно, чтобы и наши чиновные люди понимали в чем тут смысл, так как обычай этот не свой собственный, а заимствованный от татар и притом заимствованный механически. В татарском церемониале он понятен. Татарский пристав, встречавший и провожавший едущего посла, по свойственному Востоку понятию, обязан был в глазах своего народа показать свое преимущество перед иностранцем и занять почетную сторону, т.е. правую. Это держится на Востоке и по настоящее время. Видя, что пристав у татар едет по правую сторону посла, и мы усвоили этот прием, быть может, не отдавая в нем себе отчета.

У нас встреча посла, приглашенного на аудиенцию, имела довольно сложный характер: первая встреча была у рундука (т.е. крыльца), вторая в сенях; а для большого почета еще третья, при чем служебный ранг каждого встречавшего увеличивался в последовательном порядке. В этом также надо видеть восточное влияние, так как на Востоке часто происходило несколько встреч с повышенным положением встречавших лиц по мере того, как посол приближался к ханской резиденции.

Посол, являющийся к татарскому хану, должен был слезть с лошади, как и все подданные, не доезжая ставки на полет стрелы из лука, что Рубрук отмечает словом далеко, и идти пешком. В этом отношении требования восточного этикета были неумолимы. Известно, что китайский император в виде награды, за особенно великие услуги, оказанные государству, давал своим подданным право въезжать верхом на императорский двор.

Наше правительство вполне усвоило эту систему и в описании приема послов всегда отмечалось, где посол слезал с лошади (обыкновенно: «у Благовещения») и до каких мест шел пешком.

На востоке верховых лошадей послу и свите его для выезда на аудиенцию обязан был дать государь той страны, в которую прибыл посол; после аудиенции лошади отбирались. Тоже видим и у нас; послам отпускались парадные лошади и, после представления посольства государю, лошади отводились туда, откуда были взяты, иногда их брали у бояр.

У татар посол не мог явиться с оружием, Плано Карпини говорит, что его самого и спутников его тщательно обыскивали касательно ножей, прежде чем представить их хану Куюку. Другой монах Рубрук подтвердил тоже самое: «они обшарили у нас ноги, грудь и руки с целью узнать: нет ли при нас ножей. Нашего толмача заставили они отстегнуть и оставить снаружи, под охраной одного придворного, бывший на нем ремень с ножом».

У нас нельзя было явиться перед царем с оружием, и протесты европейских послов не имели успеха. На этом основании можно сказать, что иностранные гравюры, изображающие прием русским царем послов при оружии, грешат против истины. Один из настойчивых послов у нас, Луи Дегэ де Курменен (1629 г.) очень добивался быть на приеме у царя Михаила Федоровича при шпаге, ему в этом было отказано самым решительным образом, как отказывали и всем другим европейским послам, когда они заводили об этом речь.

При Петре Великом введены были европейские порядки и в этом отношении. Когда капитан от артиллерии Иван Унковский был отправлен в 1722 г. послом к монгольскому хану Цеван Рабтану, то от него потребовали перед представлением хану снять оружие. Унковский протестовал, говорил, что у нас считается за безчестье являться к государю без оружия. Так скоро забылся у нас азиатский взгляд на оружие при аудиенции.

Уже много позже, на наших, так сказать, глазах, когда последний кокандский хан Наср эд-Дин принимал русских офицеров, от них потребовали снять оружие и оставить в карауле. И, несмотря на протесты, местные власти все-таки настояли на том, чтобы револьверы были вынуты из кобур и спрятаны за сапогом.

У татар прибывший посол должен был становиться перед ханом на колени, – обычай, заимствованный от китайцев. Когда посол Людовика IX минорит Рубрук, явившись перед ханом Батыем, преклонил одно колено, то Батый сделал ему знак преклонить оба, что Рубрук и поспешил исполнить, «не желая спорить из-за этого». Едва ли может быть сомнение в том, что все русские, допускаясь к хану, обязаны были исполнять это требование. Когда великие князья свергли татар-

ское иго, они стали выводить этот унижительный обычай у себя дома и стремились оградить от него и своего посла в иностранном государстве.

Еще в XV столетии в наказе послам предписывалось не становиться на колени даже перед турецким султаном. В 1496 г. Михайлу Плещееву, отправленному к султану Баязиду, указывалось: «первое, пришед, поклон правити стоя, а на колени не садитися». После еще прибавлялось: «и в землю челом не ударити». Такое требование было, конечно, невыполнимо, и давать его значило ставить нашего посла в безвыходное положение.

В Турции посланника вели на аудиенцию два чауша и перед султаном, схватив посла за шею, силою ставили его на колени. Наши посланники просили только не проявлять над ними насилия, соглашаясь добровольно и неукоснительно исполнить все требования турецкого этикета: но не всегда турки исполняли такую просьбу. Удерживая своих послов от коленопреклонения московские великие князья и цари сами однако принимали этот унижительный обряд от азиатских посланцев. И вообще коленопреклонение было развито у нас довольно широко.

В 1519 г. прибыл в Москву крымский посол Аппак и, по повелению великого князя, князь Иван Палетцкий должен был говорить речь послу у него на подворье от имени государя. Так как Аппак, будучи татарским князем, приехал в чалме, которую у татар носили лица духовные и она не снималась на аудиенции, то на это обратили у нас внимание и князю Ивану было наказано великим князем не снимать «колпака» перед Аппаком, пока он не сделает по этому поводу какого-либо замечания. И действительно, когда князь Иван стал говорить речь, став на колени, а колпака не сняв, то Аппак ему заметил: «князь Иван! речь государскую говоришь, а колпака с себя не соймешь». На это князь Иван ответил, что и он, Аппак, против государственного жалованья чалмы не снял. Тогда Аппак, «став на коленях и колпак с себя снял, а князь Иван ему речь говорил от великого князя, также став на коленях, да колпак с себя снял».

На аудиенции у государя Аппак, после «карашевания» стал на колени и правил поклон великому князю от хана.

У азиатских владетелей существовал обычай одарять посла после аудиенции платьем, напр. халатами, но преимущественно шубою, иногда собольею. Порядок этот держался очень долго и при том в такое время, когда он перестал пользоваться уважением.

Чрезвычайный посол князь Н.В.Репнин в 1776 г. получил от султана соболью шубу, а свита его шубы и кафтаны, и все ехали в этом наряде до поворота от серальской стены, когда сняли эти подарки.

Не допускалось у нас надевать пожалованные халаты, так как езда в них по городу считалась за посмех.

Обычай дарить послам халаты пачками (тартук) удерживался в среднеазиатских ханствах до последнего времени и был отменен по отношению к русским по настоянию наших властей.

Обычай дарить прибывшего посла шубами, по-видимому, был заимствован нами от татар. По крайней мере первые европейские миссионеры получили в орде в подарок шубы. У нас одаривание шубами приняло очень широкие размеры и стало распространяться не только на послов, но и на владетельных особ. Подарок этот по преимуществу пришелся по вкусу азиатским государям, которые без всякой застенчивости в грамотах своих просили шуб; а иногда даже жаловались, что присылаемые шубы коротки и их надеть непригоже. Для русского правительства было очень удобно отдаривать шубами, так как пушные меха составляли главное наше богатство, и наше преимущество. Когда австрийский император Максимилиан просил у нас денежной помощи для войны против турок, то ему отправили мехов на несколько десятков тысяч рублей.

На Востоке послам дарится между прочим лошадь в более или менее богатом уборе и в блестящей сбруе. Тоже было и у нас. Кажется, пышнее всего подведены (отсюда наше выражение «подвода») были лошади датскому принцу Иоанну, приезжавшему в Москву в 1602 году. 2 сентября у г. Старицы ему передали от царя три коня; у каждого серебряная сбруя, седло по русскому вкусу: бархатные, украшенные золотом и серебром. Недалеко от Москвы, во время приветствия, принцу подарили от имени царя коня с серебряным вызолоченным седлом и с золотою попоною; ошейник коня был из позолоченного серебра, а также две узды для украшения, по русскому обычаю, как каретные цепи. Также гофмейстеру и другим королевским послам были подарены красивые кони с прекрасными седлами, уздами, с серебряными цепями.

Первоначально у монголов угощали послов кумысом и другими напитками сейчас же по окончании аудиенции в присутствии ханов; а в Золотой орде кроме напитков подавались еще мясо и рыба. Так, эль-Муфаддаль, подробно описавший прием египетского посольства ханом Берке (в 1267 году), сообщил, что после прочтения грамоты, когда послы должны были перейти с левой стороны на правую, хан приказал подать им кумысу и после того вареного меду, а потом предложил им мясо и рыбу, и они поели. Следовательно, угощение послов считалось обязательным, как выражение гостеприимства. Такой поря-

док удержался в среднеазиатских ханствах и по настоящее время. В г. Бухаре русским чиновникам, представлявшимся хану, перед аудиенцией предлагали чай и плов.

Угощение послов, как европейских, так и азиатских совершалось у нас по восточному обычаю: отсутствовали тарелки, ножи и вилки. Такое неудобство очень смущало европейцев и они отмечали его в своих записках. Отметили они и другую особенность, имеющую сходство с восточною: все кушанья подавались на стол разом, а не последовательно одно за другим.

Не привилась у нас одна довольно существенная подробность татарского посольского церемониала: присутствие на аудиенции великих княгинь и цариц. Затворничество женщин при кочевом образе жизни невозможно; оно невозможно даже при требовании религии. Татарские ханы, принявшие ислам, долго продолжали принимать иностранных послов в присутствии своих жен; но потом это изменилось; крымские ханы уже не допускали ханш на аудиенции. Может быть в такое время и выработался наш посольский этикет.

Едва ли можно допустить, чтобы при приеме ханами послов или других лиц, отсутствовала стража, а между тем о ней умалчивают и Плано Карпини, и Рубрук. Только Марко Поло (в Рамузиевом тексте) заметил, что у каждой дверей с обеих сторон, или вернее всюду, где великий хан может быть, стоят два больших человека, словно гиганты, с посохами; они наблюдают чтобы никто не наступал на порог, а перешагивал через него. Из существования этой стражи, можно, кажется, объяснить присутствие на аудиенции перед тронном московского царя рынд. Но этот вопрос разрешается труднее, потому что у монгольских ханов была двойная стража, и рынды могли соединять в себе обе эти стражи. Что же мы знаем о второй страже?

Плано Карпини, Вильгельм Рубрук, Марко Поло, точно сговорившись, одинаково описывают приемы у монгольских ханов и ничего не сообщают о чиновниках, которые могли бы считаться прототипом наших рынд. Между тем чувствуется, что у этих авторов не все оговорено относительно церемоний и обстановки; так, они очень глухо говорят об отпусковой аудиенции, которая несомненно носила торжественный характер. В китайской литературе, именно в официальной истории Юаньши, отводящей церемониалу при императоре Хубилае видное место, находим любопытное указание на придворных чиновников, которые называются защитниками престола, по китайски хуюй; каждый из них держит в руке нефритовый топор. Число их не приведено; говорится лишь, что они становятся по западной и восточ-

ной сторонам дворца и что когда император с императрицею поднимаются на диван, то три охранителя отступают на восточную сторону крыльца. Было ли всего три охранителя, или больше и из них выделялись только трое – мне неизвестно. И так, у монголов были охранители трона, вооруженные топорами. Если наши рынды могут быть отождествлены с монгольскими охранителями, то объяснить их белое одеяние, у нас вообще не принятое, было бы не трудно, как позаимствование от татар. Белый цвет особенно почитался монголами, и во время празднования цаган сара (начало года) все должны были обязательно надевать белое платье. Это могли подметить русские князья, ездившие на поклон ханам и ввести в свой обиход. Петр Великий упразднил рынд.

У нас переговоры с послами вели бояре по особому назначению, в ответной палате. Может быть этот порядок установился сам собою и вытекал из существа дела; но нельзя не обратить внимания на одно известие, относящееся ко времени ханствования Узбека и сообщенное у эн Нувейри: когда египетский султан эль-Мелик эн-Насыр отправил посольство к хану Узбеку с целью посватать девушку из рода Чингисова, и посол хотел лично переговорить об этом поручении с ханом, то ему было сообщено: «хан Узбек говорит, что если в твоём докладе заключается что-нибудь кроме (обычного) приветствия, то переговоры о нём с эмирами».

Взгляд на посла у народов азиатских не соответствует взгляду европейцев. У первых посол рассматривается, как шпион; отсюда являлось необходимым принять меры против шпионства. На востоке посла держали под строгим караулом, устраняли от какого бы то ни было сношения с частными лицами. Наши послы прямо заявляли в своих статейных списках, что их держали, как в тюрьме; но и наша подозрительность по отношению к иностранным послам развилась до болезненности, и едва ли положение их у нас в смысле свободы было лучше.

Эти немногие параллели, здесь приведенные, дают основание видеть в посольском нашем церемониале XV, XVI и XVII столетий традиции, усвоенные от татар.

Загадочный Гюлистан Золотой Орды*

В своей заметке¹ «О местоположении Гюлистана при-Сарайского» (в невышедшем еще Сборнике статей, посвященном имени профессора В.В.Антоновича) я коснулся исследования В.К.Трутовского «Гюлистан Золотой Орды» (в Трудах Восточной Комиссии И. Москов. Археологич. общества, т. I), причем отнесся отрицательно к выводам автора. Это побудило г. Трутовского вновь рассмотреть вопрос о Гюлистане, и в результате появилась вторая его статья: «Гюлистан, монетный двор Золотой Орды» (в «Нумизматическом Сборнике», т. I, М. 1911). Эта вторая статья свидетельствует наглядным образом, что моя оценка первой статьи была правильна, так как сам г. Трутовский в основных своих положениях изменил свой прежний взгляд.

Раньше он считал Гюлистан настоящим городом, таким городом, след которого можно отыскивать, и сам он отыскивал их; теперь Гюлистан, хотя тоже город и даже малая столица, только какая-то особенная, г. Трутовский не знает даже, была ли эта столица лишь летнею или постоянною (стр. 573), но утверждает, что искать ее бесполезно, так как это город передвижной, кочевой, как бы вроде летнего лагеря. Прямо кочевым городом г. Трутовский Гюлистана не называет, а выходит это из взятого у Ибн-Батути описания перекочевки хана Узбека. Дело, однако, в том, что движущийся город и стоянка его имели у татар очень определенное название, именно орда, и Ибн-Батута совершенно точно передал это, заявив, что ставка хана называется урду. Если бы такой ставке было присвоено наименование Гюлистан, неужели Ибн-Батута умолчал бы о таком курьезе? Ведь это, по словам г. Трутовского, обстоятельный путешественник.

В первой статье г. Трутовский допускал возможность приурочения Гюлистана к Селитрянному городу, во второй категорически отказался от этого мнения, после того, как познакомился ближе с характером Енотаевского уезда.

Время существования монетного двора в Гюлистане г. Трутовский определял раньше в 70 лет, а теперь нашел, что этот срок следует удлинить еще на 5 лет.

* Веселовский Н.И. Загадочный Гюлистан Золотой Орды. – СПб.: Тип-я Императорской АН, 1912. – 12 с. + табл.

¹ Ср. также ЗВО. XVII, XX.

Упразднив таким образом первую статью, г. Трутовский заявил во второй, что теперь он разъяснил вопрос в достаточной степени и притом с научными приемами в неменьшей степени, чем автор «О местоположении Гюлистана при-Сарайского». Если бы новые доводы были бы хотя сколько-нибудь убедительными, я, не задумываясь, сознался бы в своей ошибке, но все, что г. Трутовский привел в опровержение моей гипотезы о возможности приурочения Гюлистана к Колобовскому кургану, не только не устраняет этой возможности, но еще более подтверждает ее, и на мне лежит обязанность разобрать вторую статью г. Трутовского.

Хотя она озаглавлена: «Гюлистан, монетный двор Золотой Орды», но почти вся наполнена доказательствами, что Гюлистан есть город, а не дворец, как утверждали некоторые ориенталисты, а за ними и я. Следовательно, заглавие как будто не соответствует содержанию и может вызвать в читателе недоумение; но это, конечно, мелочь.

Г. Трутовский, думая опровергнуть мое положение, настойчиво противопоставляет дворцу город, как будто дело идет о Западе, а не о Востоке. Но я и говорил, основываясь на раскопках А.В.Терещенко, что загородный дворец Гюлистан был значительным поселением, а потому он имел полное право называться резиденцией, городом, потому что там сосредоточивалась во время пребывания хана административная власть, мог пользоваться разными эпитетами, в роде «богохранимый» и другие.

Г. Трутовский напечатал следующую фразу: «Полагаю, что для всякого беспристрастного читателя все, указанные мною факты, исторические и нумизматические, и соображения, могут быть отмечены, как обладающие «убедительностью доводов и строгими научными приемами», ибо я не скрыл ничего и исчерпал весь материал, чего, к сожалению, не могу сказать про статью «О местоположении Гюлистана при-Сарарского» (стр. 573). Смысл фразы ясен: я умышленно скрыл исторические нумизматические факты, которые мешали моему выводу о Гюлистане, как дворце, о его местоположении времени существования. Что же я скрыл? По заявлению г. Трутовского я не упомянул в своей статье о венецианском трактате 1347 года, не привел описания Сарая эль-Омари и Ибн-Батуты, не обратил внимания на ярлык Тайдулы, игнорировал и многое другое. Отвечу по порядку.

Г. Трутовский утверждает, будто я не допускаю существования Гюлистана ранее 751 г. гижры, т.е. ранее 1350–1351 г. по Р. Х. (стр. 563). Это неверно, такого заключения у меня нет и высказать его я не мог, потому что никаких данных для этого не имел. Считая дату на

монет 727 (1326) года не достоверной, я сказал, что существование Гюлистана во время хана Узбека не подтверждается. Конечно, не подтверждается монетами, потому что речь шла о монетах, на основании которых г. Трутовский думал установить продолжительность Гюлистанского монетного двора. Я находил, что хронология монет источник не надежный, что существование монетного двора не подлежит сомнению только за период с 751 по 768 год. По моему предположению Гюлистан возник, как загородный дворец, монетный же двор появился там после, появился, как случайность, т.е. строили дворец, а не монетный двор. Подобное явление замечаем у татар и в другом месте, и в другое время: последние Гирей устроили монетный двор в Кафе (Феодосия), но кто же будет утверждать, что Кафа существовала столько же времени, сколько и монетный двор ее? Я допускал предположение, что при Узбеке, по крайней мере до посещения Золотой орды Ибн-Батуты, Гюлистана еще не было, поэтому о ханствовании Джанибека я ничего и не прибавил. Вот почему трактат 1347 года мне был не нужен². Замечу еще, что продолжительность монетного двора в Гюлистане выгоднее для меня гораздо более, чем для г. Трутовского, потому что дворец учреждение постоянное, находящееся в определенном месте; а г. Трутовский допускает для Гюлистана передвижение. Если его Гюлистан блуждающая столица, то странно, что в течение 75 лет она повсюду называлась нелепым именем «Сад роз», когда при кочевках никаких роз быть не могло.

Пояснив, хотя и с чужих слов, что такое был мусульманий город, и не указав, на сколько татарские города соответствовали мусульманским, г. Трутовский упрекнул меня в том, что я игнорировал превосходное описание Сарая, сделанное арабским путешественником Ибн-Батуту; но я писал не о Сарае, а о местоположении Гюлистана, и Сарай мне был совершенно не нужен, потому что из упомянутого описания решительно ничего нельзя извлечь для Гюлистана. Однако, г. Трутовский извлек любопытные указания и своеобразно воспользовался ими. В подкрепление к описанию Ибн-Батуты г. Трутовский привел показание другого арабского писателя, эль-Омари: «Он (Сарай) лежит на солончаковой земле, без всяких стен (подчеркнуто г. Трутовским). Местопребывание царя там большой дворец, на верхушке которого (находится) золотое новолуние (весом) в два кынтаря

² Г. Трутовский: помечает договор 1347–1348 годами, основываясь на двух датах итальянского текста, между тем мусульманская дата прямо указывает на 27 декабря 1347 года.

египетских. Дворец окружают стены, башни, да дома, в которых живут эмиры его. В этом дворце их зимние помещения»³.

Придавая почему-то значение рассказу этого автора относительно отсутствия городской стены, г. Трутовский не замечает противоречия между двумя арабскими писателями. Эль-Омари утверждает, что у города нет стен, а стена находится у дворца; Ибн-Батута же сообщает о стене не у дворца, а в том квартале, где живут приезжие купцы. Казалось бы, что прежде, чем доказывать этим свидетельством что-либо, следовало бы разъяснить данное противоречие, если ставить этих писателей на одну доску, как поступает г. Трутовский и совершенно не правильно. Здесь и следовало бы обратиться к работам Терещенко, который нашел стену в Сараях и сообщил о ней некоторые сведения. Но моему противнику нужно не это, он обрадовался известию о солонцах. «Итак – победоносно заявляет он – Сарай лежал в солончаковой земле и в нем не было ни одного сада. Откуда же взялся бы здесь Гулистан «Сад роз»? (стр. 574). И в другом месте он иронизирует: «какая же это кочевка орды, да еще в солончаковой степи!» (стр. 576). В виду того, что Ибн-Батута, на правах очевидца, не говорит о солонцах, а только заявляет, что Сарай расположен на ровной земле, следовало бы отнестись к показанию эль-Омари, собиравшему сведения от случайных рассказчиков в Египте, критически и разобрать его с большею тщательностью. Прежде всего нельзя было полагаться на перевод Тизенгаузена, который не всегда брал надлежащие значения арабских слов⁴, а нужно было заглянуть в текст, где стоит: وهى (т.е. Сарай) فى ارض سبخة. Слово кроме سبخة «селитряной» и «солончаковой» (почвы) значит еще «песчаный», «заливаемый водою»⁵ Думаю, что сюда всего лучше подходило бы последнее значение, потому что Ахтуба заливает окрестности Сарая, и в один год из за такого разлива Терещенко некоторое время не мог производить раскопок в городе. Но предположим, что эль-Омари имел в виду солонцы; требовалось проверить эту подробность, так как едва ли бы выходцы из Пензенской губернии пошли занимать солонцы. В том-то и дело, что никаких солонцов у Колобовщины нет, а напротив – хорошие пашни и роскошные луга, о которых писал местный священник, и это было у меня приведено.

³ В.Тизенгаузен Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – С. 241.

⁴ Перевел же Тизенгаузен накары (литавры) через «трубы» (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – С. 68).

⁵ Dozy, Supplement aux Dictionnaires Arabes. T. I. Leyde, 1881. Sub. voce.

Совершенно произвольно г. Трутовский считает Колобовский курган частью Сарая и думает, что там жили купцы, имущество которых, по свидетельству Ибн-Батуты, оберегалось стеною. Такое толкование не допустимо по следующим соображениям: расстояние между Сараем и Колобовским курганом не менее семи верст, а потому приезжим купцам жить там и ездить в Сарай невозможно; купцы располагаются обыкновенно вблизи своих базаров. У Ибн-Батуты сказано: *بمحلّة عليها سور احتياطاً على أموال التجار ساكنون* живут в квартале, который обнесен стеной ради имущества купцов. Тизенгаузен перевел: живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов (стр. 306); особый участок можно толковать пожалуй различно; но *محلّة* – квартал – есть часть города, а не удаленное от него на несколько верст поселение. Затем, по раскопкам Терещенко видно, что здания в Колобовском кургане вовсе не купеческие, а царские отличающиеся роскошью и отделанные разноцветными изразцами. Это богатство произвело на Терещенко такое сильное впечатление, что он признал здесь существование развалин ханского дворца. Да и стена по своим грандиозным размерам – «по ней свободно можно было разъезжать тройкою» – едва ли предназначалась для охраны имущества купцов; а если принять во внимание еще и башни, то заботы о купцах в Золотой орде покажутся совсем не обычными.

Ярлык Тайдулы имеет, по мнению г. Трутовского, большое значение для решения вопроса о Гюлистане. Здесь важно указание на ханскую кочевку. Ярлык написан в Гюлистане во время кочевки, то есть, летом (поясняет г. Трутовский), когда орда уходила обыкновенно в более прохладные и богатые растительностью места, поэтому Гюлистан никаким образом не мог быть дворцом, да еще присарайским, в 7 верстах от столицы.

Как представляется г. Трутовскому кочевка, этого он не разъяснил, но что это представление не соответствует действительности, будет видно из нижеследующего. Г. Трутовский думает, что татары кочевали лишь летом; на таком ошибочном заключении он построил ряд возражений против моей гипотезы и, между прочим, выдумал летнюю столицу. Сам ярлык вполне точно определяет время года, когда происходила кочевка, а именно 17-го числа арама месяца. Арам месяц есть первый месяц солнечного года у древних тюрков и начинался около весеннего равноденствия, следовательно половина месяца будет соответствовать концу марта, а потому ярлык дан не летом, а в конце зимы или ранней весной. По заключению г. Трутовского следует, что если Гюлистан дворец, да еще в семи верстах от столицы, то в нем не мо-

жет быть кочевки; но почему же? Само собою разумеется, что кочевка происходит не внутри дворцовой ограды, а вне ее, т.е. в тех лугах, которые расположены у Колобовского кургана с юго-восточной стороны его. Г. Трутовский считает невозможным кочевать так близко к столице. Но в одном ярлыке сказано, что Орда кочевала в Сарае. Это еще ближе, чем Колобовский курган. Странно, что об этом умалчал г. Трутовский, а ведь тут все против него. Г. Трутовский пишет: «какая же это кочевка орды, да еще в солончаковой степи»! а ярлык прямо говорит, что орда тут кочевала. Г. Трутовский уверяет, что летом хан удалялся в более прохладные (это тоже неверно) и богатые растительностью места, ярлык же сообщает о кочевке в Сарае, т.е. летом (по заключению г. Трутовского) близ самой столицы, что г. Трутовский полагает невозможным.

Достойно замечания то, что по мнению г. Трутовского научный прием заключается в том, чтобы не скрывать ничего и «исчерпать весь материал. Это, конечно, самые элементарные требования, не всегда, впрочем, достижимые («исчерпать весь материал»); но научный прием заключается в критическом отношении к материалу, в методе его исследования. Дважды г. Трутовский отвергает существование дворца Гюлистана в Сарае (стр. 572 и 573); но кому же он возражает? В своей заметке я вполне определенно помещал Гюлистан вне Сарая, отводил ему место в Колобовщине, к этому и была направлена вся моя работа.

Г. Трутовский не может спокойно рассуждать, когда говорит о Гюлистанском дворце: и мысль-то о нем надо оставить и никогда-то дворцом Гюлистан монетный не был. Между тем у монгольских и татарских ханов была какая-то страсть возводить дворцы, из которых возникали потом столицы. Угедей построил столицу в один год; очевидно в такой срок невозможно ничто устроить, кроме дворца; Хубилай соорудил два грандиозные дворца, летний и зимний; Батый строил по всей вероятности только дворец, оттого и столица стала называться дворцом (Сараем); в Крыму подобным же образом возник Бахчисарай, которому предшествовал просто Сарай, ныне называемый Эски-Сарай. А сколько дворцов (загородных) построил Тамерлан⁶! Гюлистан не мог развиться до степени значительного города, потому что у него под боком была настоящая столица.

⁶ Можно указать еще на кышлак Сарай на Аму-Дарье, где когда-то был Сали-Сарай, столица джагатайских ханов («Зафер-намэ» Шереф ад-дина, Кальк. изд., I, 38 и след., 82, 98, 107 и след.). Ред.

По мнению г. Трутовского эпитеты, присваиваемые Гюлистану на монетах, могут относиться только к городу, а не к дворцу, и ссылается он при этом на арабских географов X века. Но показания последних едва ли могут быть во всей полноте применимы к татарским городам XIV в. Из желания возвысить дворец Гюлистан, татары могли назвать его городом – *белед*. Поэтому и нельзя придавать не только решающего, а даже сколько-нибудь серьезного значения этим эпитетам, на которых г. Трутовский построил свою теорию, потому что все положения г. Трутовского в данном случае могут быть обращены с одинаковым основанием и против него. К числу таких можно отнести его соображение, что во время чумы, обезлюдившей Сарай, хан не мог удалиться в Гюлистан всего за 7 верст от столицы. А куда же было ему направиться, когда «черная смерть» опустошала весь край? Именно – в загородный дворец, где все-таки можно было до некоторой степени изолироваться от густого населения. Семь верст – расстояние далеко не спасительное от чумы, говорит г. Трутовский; но это его личный взгляд, а прежде могли думать иначе. Так, у нас крымских послов, во время эпидемии в Крыму, останавливали у Москвы-реки и вели переговоры с нами через реку, и такое расстояние считалось достаточно спасительным.

Г. Трутовский говорит, что, при старании, Гулистанов, дворцов можно найти еще несколько; но сам такого старания не проявил и к указанным мною не прибавил от себя, хотя бы для примера, ни одного, а потому всякий может заметить автору приведенных слов, что его утверждение голословно. У персиян о таких приемах существует поговорка: مشتش و اشد «кулак его разжался».

Не прочь мой оппонент и поострить. По поводу слова ма'мурэ он говорит, что никто не стал бы чеканить монет в пустом пункте; ну, а чеканка монет во время похода или во время кочевки происходила в обитаемом месте?

Сравнительно значительный экскурс делает г. Трутовский в область арабского языка, объясняет слова и термины и для пушей убедительности говорит: «не думаю, чтобы татары так плохо знали свой язык, что не делали различия в смысле этих двух значений» (*махрусэ* и *ма'мурэ*). Выходит, стало быть, что своим языком у татар был язык арабский.

Возбуждать вновь во всех подробностях вопрос о цифрах на джучидских монетах я не вижу надобности; но об одном нумизматическом lapsus'e должен сказать несколько слов в виду того, что г. Трутовский приводит новый нумизматический факт, очень выгодный

для его гипотезы и опровергающий мою. Мой противник ссылается на помещенную в «Инвентарном каталоге мусульманских монет Императорского Эрмитажа» серебряную монету хана Узбека, битую в Гюлистане ли-с-Сарай в 722 (1322) году. Это та самая монета, которая дала г. Трутовскому повод продлить существование монетного Гюлистанского двора еще на 5 лет, а всю продолжительность его установить в 75 лет⁷. Вот в чем дело. Я считал год 727-й на медной анонимной монете ошибочным, даже отвергал существование при хане Узбеке монет, битых в Гюлистане, и настаивал на необходимости присутствия вместе с годом и имени хана. Теперь г. Трутовский указывает на существование такой монеты еще более ранней, именно 722 года. Вполне естественно поэтому торжество г. Трутовского, и понятен его победоносный тон в длинной тираде по поводу этой монеты. Но мне приходится огорчить г. Трутовского: с монетой произошло маленькое недоразумение. На оборотной стороне ее, как раз по середине, сделана позднейшая надчеканка, нанесена тамга, испортившая несколько букв в имени города; но совершенно ясно читается *للسراى الجديد ضرب فى* бита в Новом Сарае (вместо *للسراى الجديد* следует читать *السراى الجديد*). Для имени Гюлистана места не имеется, и этого имени на монете нет. Что это действительно так, доказывается двумя другими, неповрежденными штемпелем монетами. Рисунки всех трех здесь помещаются (рис. 1, 2 и 3). А.К.Марков, видя легенду ли-с-Сарай, т.е. эпитет Гюлистана, и думая, что это имя уничтожено позднейшим штемпелем, признал монету Гюлистанскою, а так как на ней изображен 722-й год, то он отнес ее к хану Узбеку. Если бы г. Трутовский проявил правильный научный метод не на словах только, а на деле, то он не успокоился бы на показании Инвентарного каталога, а постарался бы ознакомиться с подлинной монетой, хотя бы при посредстве фотографии или гипсового слепка, т.е. добрался бы до источника, как это требует историческая критика, но он такого требования не исполнил, и теперь ему придется взять свои слова о решающем значении монеты 722 года назад: в Инвентаре ошибка.

Принадлежит ли упомянутая монета хану Узбеку, это еще вопрос. На лицевой ее стороне изображено: *محمد خان خلد ملكه السلطان العادل غياث الدين والدنيا*. Судя по титулу, монета может принадлежать Узбеку, который носил мусульманское имя Мухаммед; но на монетах его это имя

⁷ Не понимаю, почему г. Трутовский не следует указанию гюлистанской монеты с 827 годом (1424), тогда время существования Гюлистанского монетного двора удлинилось бы еще больше?

часто опускается, не опускается только татарское имя «Узбек», которое помещается неукоснительно. Тот же титул «помощи веры и мира» носили и другие ханы, между ними Мухаммед Буляк, на монетах которого изображено: السلطان العادل غياث الدين و الدنيا محمد خان خلد ملکه. Здесь нет имени «Узбек», а потому подобная монета могла бы быть отнесена к Мухаммед Буляку, если бы не год. Но монеты Узбека, битые в 722 г., имеют иной чекан. Кроме того, монет Узбека, битых в Новом Сарае, не существует⁸. Вот сколько затруднений с джучидскими монетами. Упомяну кстати об одной монете, описанной Френом (Recensio, p. 277), с именем Гюлистана; на ней поставлено имя Мюрид хана, а год обозначен 72 и далее какой-то неразборчивый знак, в роде буквы 4, и Френ полагал 72., а это было время царствования Узбека (рис. 4). О подобных монетах говорит и Б.В.Григорьев⁹.

Приведу еще примеры: у Савельева описана монета, битая в Гюлистане в 721 г. с именем Кулны хана (№ 45). Он же и Григорьев отметили Гюлистанскую монету Мюрида хана с годом 732 (по Савельеву № 62). А эти года относятся к Узбеку. Но, конечно, г. Трутовского ничем не убедишь.

Желая подкрепить свои доводы во что-бы то ни стало, г. Трутовский ссылается на «Инвентарный Каталог» А.К.Маркова, который оставил монетные года без исправления; но как же иначе поступить? ведь каталог не есть исследование, и заносить монеты надо сообразно с их надписями, а уже дело исследователя разобраться в правильности этих надписей.

До какой степени г. Трутовский старается повернуть в пользу своей теории самые, повидимому, мелочные данные, можно видеть из такого примера. В «Инвентарном Каталоге» приведены две гюлистанские монеты с надчеканкою «Сарай», и по этому случаю он заметил: «Если Гулистан был дворец в Сарае (против чего я возстаю в своей заметке), какой смысл было делать эту надчеканку? Опять в отличие от другого дворца»? (стр. 572). Неужели надчеканка делается для отличия монетных дворов? До сих пор все думали, что наложенный на

⁸ Совершенно одиноко стоит монета, чеканенная в Новом Сарае, без имени хана с датой (может быть, ошибочной) 710 (Frahm, Resensio, p. 201; экземпляры этой монеты имеются и в собрании СПб. Университета). Все другие монеты, битые в Новом Сарае, относятся к царствованию Джани-бека или последующих ханов.

⁹ «Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая» (Записки С.-Петерб. Археологическо-нумизматического общества, т. II, СПб., 1850. – С. 30–31).

монету прежних царствований какой-либо знак, заменяет перечеканку всей монеты, дает ей законное обращение, независимо от места чеканки. Но дело не в этом, а в том, что в надчеканке вовсе не читается слово «Сарай» (см. рис. 5 и 6), а там находится что-то другое. И в данном случае в Инвентаре ошибка, а г. Трутовский даром потратил свое остроумие.

Медная монета, на которой г. Трутовский с уверенностью полагает 797-й год гиджры, хотя Френ поставил этот год с вопросительным знаком (это отмечено и у Савельева, стр. 485), находится в Петербурге в трех экземплярах: один в И. Эрмитаже (с него помещен рисунок на таблице, под № 7) и два в Азиатском музее при Академии Наук (последних мне видеть не удалось, так как они не оказались на своем месте). На экземпляре из собрания Маурина, неизвестно где находящемся, Савельев читал 727-й год. Я в своей статье «О местоположении Гюлистана» указал уже, что штемпель, которым выбита монета с 797 годом по Френу и с 727 г. по Савельеву, один и тот же. На это г. Трутовский возразил следующее: «Найти сходство среди разновременных медных монет Золотой Орды вовсе не так трудно. Еще серебряные имеют часто резкие отличия для каждого царствования и многих городов, но медные, в одно и то же время, так однообразны по исполнению и разнообразны по типам, так мало приурочены эпохам и так мало изучены, что пока дают полный простор любым догадкам, как бы плохо они ни были обоснованы» (стр. 567). Здесь очевидное недоразумение: я говорю о тождестве, а г. Трутовский о сходстве. Сходство, – это и есть догадка; а тождество я могу доказать. На монете Маурина, описанной Савельевым и отнесенной им к 727-му году, и на монете Эрмитажной, помещенной под 797-м годом, и на монетах Азиатского музея, на которых Френ читал, с вопросом, 797-й год, – на всех оборотная сторона украшена свастикой. Савельев не усмотрел свастики, вместо нее он видел тамгу и дал неверное ее изображение. Правильный рисунок предмета мы имеем в *Nova Supplementa ad Recensionem*, на стр. 318. Я лишен возможности дать с монеты Маурина точный снимок; но Савельев в своем описании ее отметил одну интересную подробность, на которую я и обращаю внимание читателей: цифры, изображающие год, расположены на этой монете не горизонтально, а приподнятыми, по недостатку места, вверх, как и на монете Эрмитажной (рис. 8).

Если такие нумизматы, как Френ и Савельев, видевшие оригиналы, читали год различно, то значит эта монета сомнительная; а в таком случае делать на основании ее какие-либо выводы о времени существования монетного двора недопустимо по приемам методологии.

Опорочивать эту монету мне нет решительно никакой надобности, я только восстанавливаю факт после личного осмотра ее в Имп. Эрмитаже. Монета же 727 года настолько не вяжется со всем тем, что мы знаем об Узбековых монетах, что я имею полное основание считать год ее ошибочным, как на многих других.

С арабскими выражениями г. Трутовский обращается довольно свободно. В 3-м, направленном против меня, пункте он пишет: «Эпитет لسرای «ли-с-Сарай» я тогда выделил» и проч. Во первых, لسرای нельзя читать «ли-с-Сарай», это будет только ли-Сарай; во-вторых, монет с такою надписью не существует. Если г. Трутовский допустил подобное начертание, то ясно, что самых монет с именем Гюлистана он не видал. На монетах стоит: للسرای т.е. *два ляма*, а потому совсем нельзя допустить, что *элиф* выпал или не вышел при чеканке, как думает г. Трутовский¹⁰.

Относительно рассуждений г. Трутовского о предлоге ل замечу, что в словаре Lane'a (Arabic english Lexicon, edited by Stanley Lane-Poole. London 1893, p. 3006) сказано, что он означает не только дательный падеж, но и родительный, genetivus possessivus, и что он заменяет предлог عند – *при*.

Но может быть действительно вместо *ли-с-Сарай* надо читать *яс-Сарай*, только не по соображениям г. Трутовского, а по другой причине: на монетах 722 года вычеканено *ли-с-Сарай эль-джедид*, что, при отсутствии имени Гюлистан, не имеет смысла, а потому возможно первый *лям* принять за неправильно изображенный *элиф*; а если это так, то подобная описка могла случиться и на монетах с именем Гюлистана. Значение всей легенды тогда было бы – Гюлистан Сарайский, что не роняет значения «при-Сарайский». Г. Трутовский в данном случае понимает не собственное имя, а нарицательное «дворец» и переводит словом «столичный», «дворцовый» (стр. 570 и 572). Но ведь это есть то самое, что я и предполагаю: Гюлистан – дворец или дворцовый Гюлистан. Однако, исходя из легенды للسرای الجدید, следует признать, что здесь не нарицательное, а собственное имя.

Что же дает нам вторая статья г. Трутовского о Гюлистане? Это пусть решают другие.

¹⁰ Что *элифа* на данных монетах не было, это подтверждается монетою, описанною Френом (Recensio, p. 276), на которой уместились оба слова рядом كلستان للسرای, при чем *элиф* не мог не отчеканиться. Рисунок этой монеты можно видеть в сочинении Френа «Монеты ханов улуса Джучиева». Табл. V, № СХХVII.



Рис. 1–7

№516.

Пул
N. I. ضرب **Чекан**

كلستان **Гюлистан**

سنه ٧٢٧ года **727. (1326, 27).**

На об. ст. тамга



В Nova Supplem. ad. Res. p. 318 описана позднейшая монета совершенно подобного типа, с сомнительным годом 797 (?).

(Из собраний Маурина).

Рис. 8

Пережитки некоторых татарских обычаев у русских*

1. Не здороваться и не прощаться через порог.

Широкою распространенностью пользуется у нас, по преимуществу в образованном обществе, старинный обычай не здороваться и не прощаться через порог. Немного находится смельчаков, готовых отвергнуть этот прочно укоренившийся предрассудок, поддерживаемый каким-то безотчетным страхом, очевидно имевшим некогда реальное основание. Никто не задумывался над происхождением этого обычая, а потому никто не предполагал, что в данном случае мы имеем дело с татарским влиянием в виде упорного пережитка.

Обычно думают, что здороваться или прощаться через порог опасно потому, что это может вызвать ссору или какие-либо неприятности между теми лицами, которые так неосторожно поступают.

В Словаре Даля под словом «порог» между прочим, читаем:

Через порог не здороваются. Через порог руки не подают. В притоло закладывают молитву, под порог заговоры кладут. На пороге не стоят. Купцы на пороге в лавке не стоять (покупателей отгонишь). Через порог ничего не принимать – будет ссора.

В этом перечне мною приведены только те изречения, в которых порой представляет угрозу, и опущены все другие с иным значениям, как-то: без Бога – ни до порога, или: смерть у порога (т.е. близко).

Ясно, что толкование здесь натянутое, что первоначальный смысл обычно утрачен, и этот смысл лежит гораздо глубже, чем обыкновенно предполагают.

Если мы обратимся к первым временам господства монголов и татар, увидим, что у этих народов порог жилища, т.е. юрты, имел особенное, какое-то мистическое значение: ступать через порог не дозволялось безнаказанно никому в каком случае даже нечаянно; а за нарушение неприкосновенности порога ханского шатра полагалось смертная казнь. Требование не ступать на порог жилища хана неукоснительно предъявлялось в Орде всем чужеземным послам и другим лицам перед тем, как идти на аудиенцию к хану. Некоторые из посланников отметили это необычное требование; но очень жаль, что никто

* Веселовский Н.И. Пережитки некоторых татарских обычаев у русских // Живая старина. Год XXI. 1912. Вып. 1. – С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1912. – С. 27–38.

из них своевременно не попытался доискаться его причины, которая, по всей вероятности, тогда была известна татарам.

Раньше других о пороге сообщили послы-монахи, Плано Карпини и Вильгельм Рубрук. Первый в своем пребывании у монголов говорит о пороге четыре раза. Прежде всего он коснулся порога при общем перечислении проступков, за которые у татар полагалась смертная казнь, в следующих выражениях: «точно также, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом», как и подавившегося при еде куском мяса, а именно: под ставкой делают отверстие, вытаскивают виновного через это отверстие и убивают¹. Во второй раз Плано Карпини упоминает о пороге при представлении послов Коренце: «взяв дары они (татары) повели нас к орде, или палатке его, и научили нас, чтобы мы трижды преклонили левое колено перед входом в ставку и бережно остерегались ступить ногой на порог входной двери. Мы тщательно исполнили это, так как смертный приговор грозит тем, кто с умыслом попирает ставки какого-нибудь вождя»². В третий раз Плано Карпини говорит о пороге перед аудиенцией у Батыея, когда посланнику было сделано «напоминание о пороге»³. Наконец в четвертый раз он заметил о пороге, когда являлся к хану Куюку: «каждый из нас четыре раза преклонил левое колено, и они внушили нам не касаться внизу порога»⁴.

Следует отметить, что Плано Карпини выделяет пороги в жилищах важных особ; но само собою, разумеется, что и у простых монголов и татар порог их кибиток не должен был считаться вещью безразличною; только последствия за потревожение у них порога не шли так далеко, как у ханов и вельмож.

Особенно интересно свидетельство Вильгельма Рубрука о пороге, потому что у него дело с порогом обошлось не столь благополучно, как у его предшественника. У Рубрука порог сообщается три раза. Во-первых, когда Рубрук шел к Сартаку, «они усердно посоветовали нам остеречься при входе и выходе, чтобы не коснуться порога дома»⁵. Во-вторых, при описании одного посещения Мангу-хана: После этого мы вышли, и мой товарищ остался сзади; и, когда мы были снаружи, он готовясь выйти сзади нас, повернулся лицом к хану, кланяясь ему, а

¹ Плано Карпини, «История Монголов». Перев. А.И.Малеина. СПб., 1911. – С. 9.

² Там же. – С. 47.

³ Там же. – С. 49.

⁴ Там же. – С. 55.

⁵ Вильгельм де Рубрук, «Путешествие в восточные страны». Перев. Малеина А.И. СПб., 1911. – С. 90.

затем, следуя за ним, споткнулся о порог дома. В то время как мы шли впереди, направляясь с поспешностью к дому сына хана, Бату, наблюдавшие за порогом наложили руку на моего товарища и приказали ему остановиться и не следовать за нами. Затем они позвали какое-то лицо и приказали ему отвести моего товарища к Булгаю, старшему секретарю двора и осуждающему виновных на смерть»... «Затем привели моего товарища, и монах сильно бранил его за то, что тот коснулся порога. На следующий день пришел Булгай, бывший судьей, и подробно расспросил, внушал ли нам кто-нибудь остерегаться от прикосновения к порогу. Я ответил: «Господин, у нас не было с собою толмача; как могли бы мы понять?» Тогда он простил его. После того ему никогда не позволяли входить ни в один дом хана»⁶.

Оправдываясь так, монах несколько погрешил, потому что и ему самому и его спутникам было хорошо известно запрещение касаться порога.

В-третьих, В.Рубрук, описывая свое посещение Мангу-хана на другой день после Вербного воскресенья, прибавил: «товарищу моему они не позволили идти, так как он наступил на порог»⁷.

У Марко Поло по тексту Рамузио, который И.П.Минаев признавал лучшим, относительно порога сказано следующее: «У каждой двери с обеих сторон, или вернее всюду, где великий хан может быть, чтобы никто не наступал на порог, а перешагивал через него... При выходе же, так как многие подпили и не могут остерегаться, то на это не обращают внимания»⁸.

Здесь интересно совпадение показания Марко Поло о том, что при выходе не обращается внимания на порог, с тем случаем, когда один из спутника Рубрука, удаляясь из ханского дворца, нечаянно задел за порог и не был подвергнут наказанию. Значить, наступить на порог при входе в юрту считалось у монголов преступлением более тяжким, чем-то же самое деяние при выходе.

Эту особенность татарского этикета отметили и арабские писатели, преимущественно египетские, так как между Египтом и Золотой Ордой существовали очень оживленные дипломатические отношения. Ибн-Абдесзахыр, писатель XIII в., описывая прием послов у хана Бер-

⁶ Там же. – С. 129 и 131.

⁷ Там же. – С. 141.

⁸ Марко Поло, в переводе И.П.Минаева. – С. 130.

ке, говорит: «никто не топчет ногами порога шатра его»⁹. Тоже повторил эль – Муфаддаль¹⁰.

В русских летописях нет никаких указаний на требование не касаться порога; а между тем к русским князьям, ездившим в Орду, и их спутникам это требование должно было предъявляться всего чаще или вернее сказать постоянно. С подданными своими татары не церемонились, расправа следовала быстро и без всякой пощады. Понятно, что страшное врезалось в память наших предков так прочно, что оно было усвоено ими, как свое родное и в таком виде дошло до наших дней.

Я не буду здесь останавливаться на обрядах, которые не совсем ясно выражены и цель которых недостаточно истолкована. К числу таких я отношу описанный В.М.Черемшанским¹¹ черемисский праздник Кугогече – поминовение умерших, когда черемисы готовят много кушаний; они берут несколько больших чашек, корыто и ставят к порогу, а сами садятся за стол и начинают есть, пить и веселиться, между тем по краям пустой посуды налепливают свечи и зажигают, наблюдая притом ярко ли горят свечи, из чего и заключают о состоянии загробной жизни своих умерших родственников. Потом, когда свечи истеpleтся, берут со стола по несколько ложек каждого кушанья и сливают в расставленную у порога посуду, а также бросают в нее куски хлеба, блины и проч., что по просьбе хозяев, должны делать даже и посторонние люди, если тут прилучатся, хотя бы это были русские, татары или другие народы. По окончании этой церемонии, расставленную у порога посуду с яствами выносят на двор и бросают собакам. Считают за хороший знак для умерших, когда собаки, разделяя добычу, грызутся между собой. Затем начинают общее празднование, которое продолжается несколько дней.

В нашей литературе существует замечательный, еще недостаточно оцененный труд ламы Галсан-Гомбоева «О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини»¹², составленный с целью осветить данные половины XIII столетия современными взглядами монголов на некоторые обычаи их. Гомбоев не оставил без внимания и порог: «порог и в настоящее время, – заметил он находится в каком-то уважении у монголов. Говорят: не садись на порог, грех!»! Если родится уродливое животное, то его разрубает и зарывают под

⁹ В.Г.Тизенгаузен «Материалы для истории Золотой Орды». СПб., 1884. – С. 64.

¹⁰ Там же. – С. 192.

¹¹ В.М.Черемшанский «Описание Оренбургской губернии». Уфа, 1859. – С. 186–187.

¹² В Трудх восточного отд. И. Археологического общество. Ч. IV, СПб., 1859.

порог, для предотвращения несчастий. Если кто удостоивается чести явиться перед князем или каким-нибудь важным лицом, то говорится: «перешагнуть золотой порог хана или князя» и проч. Но у Монголов не осталось никакого придания для объяснения этого значения порога. Кажется, сначала получил значение только порог хана, и уже в последствии стали приписывать значение порогам вообще»¹³.

Итак, у монголов сохраняется, в виде пережитка, уважение к порогу, только смысл этого предрассудка утратился. Что же касается предположения Гомбоева о том, что первоначально получил значение порог хана, то оно, конечно, не имеет значения, как ни на чем не основанное.

По поводу монгольского обычая зарывать под порогом уродливое животное, можно привести китайское известие о праздниках у Киданей: восьмого числа 8-й луны государь убивает белую собаку, голову которой зарывали в 7 шагах от палатки на юг, выставя зубы. Через 7 дней палатку ставили на том месте, где была зарыта собачья голова¹⁴.

Если нельзя ступить на порог, то само собою, разумеется, невозможно и садиться на него. Действительно у восточных народов, признающих первое правило, соблюдаются равным образом и второе. Воейков, писавший о калмыках, сообщил, что «у калмыков сесть на порог считается за ужасное беззаконие»¹⁵.

Что до появления татар на Руси порог не имел значения какого-то устрашения, это доказать нетрудно. В летописи по Лаврентьевскому списку (С.-Пб., 1872. – С. 174) под 1071 годом приведен следующий рассказ: В си бо времена, лета си, приключися некоему Новгородцю прити Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья от него; он же по обычаю своему нача призывати бесы в храмину свою. Новгородцю же сядящу на порозе тоя же храмины, кудесник же лежаще оцепев (или: оцепенев), и шибе им бес». Отсюда явствует, что в то время сидение на пороге не связывалось ни с каким суеверным представлением, и порог не содержал в себе понятия запрета.

Почитание порога есть исключительная принадлежность монголов, у которых вообще было очень мало своего самобытного.

Мне было известно, что запрещение ступить на порог древнее монголов, что оно встречается в классической литературе и связано с шаманскими верованиями.

¹³ Там же. – С. 237–238.

¹⁴ В.П.Васильев «История и древности сев.-вост. части Средней Азии» (Труды Вост. отд. И. Р. А. О., т. IV. – С. 191).

¹⁵ Воейков «Описание Калмыцкого народа» (Сын Отечества, 1822 г., № VI. – С. 249).

Еще В.П.Васильев, постоянно доказывавший влияние Китая на кочевников, в статье «Современное положение Азии – китайский прогресс», между прочим, заметил: «Путешественник времен Чингизханов передают как исключительный монгольский обычай, чтобы вступающий в юрту не наступал на порог. А между тем это предписание встречается в самых древних китайских книгах»¹⁶.

Поэтому я обратился к нашему китаисту А.И.Иванову, который, как я знал, тоже интересовался этим вопросом, собрать о нем сведений в китайской литературе. А.И.Иванов с редкою готовностью поделился со мною своими сведениями и сообщил мне, что в сочинении Лунь-юй есть выражение: «Он не становился на порог» (X, 4), а в Цзо-чжуань сказано: «Женщины провожая и встречая, не выходят из ворот, не наступают на порог при встрече с братьями». Объяснение такому запрету А.И.Иванов получил от самих китайцев и оно состоит в следующем. Порог считается местопребыванием бога Ту-шэнь, бога земли, вследствие чего стояние на пороге является оскорблением божества и сулит бедствиями в дому. Ту-шэнь охраняет дом от вторжения злых духов, приносящих болезни и бедствия. Для того, чтобы умиловить божество и расположить в пользу обитателей дома, закапывают при постройке глиняную чашку с жертвой божеству, при чем на дне чашке пишется знак *фу* – счастье¹⁷.

¹⁶ См. Отчет по С.-Петербургскому университету за 1882 год. Актовая речь проф. Васильева. – С. 5.

¹⁷ О человеческих жертвах духу земли при заложении города я здесь касаться не буду, чтобы не уклоняться в сторону от прямой задачи настоящего исследования, но приведу одно предание о построении Новой Казани, потому что там сообщается интересная подробность. Предание впервые был записан академиком Георги (*Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. S.-Petersb., 1775. II Band. S. 811–813*) и обследовано С.М. Шпилевским (Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877, стр. 69 и след.). Казанский хан Али-бей, узнав, как трудно жителям старой Казани ходить за водой, послал своего наследника с двумя вельможами и с 100 воинов к устью Казанки отыскать лучшее место, и как они об этом согласятся, раскрыть его запечатанное повеление. Они выбрали место нынешней Казани. В ханском приказании значилось, чтобы один из трех посланных, на которого падет жребий, был зарыт живым на избранном месте. Жребий пал на наследника хана; но его скрыли и вместо его зарыли собаку (построение новой Казани относится к 804 году гиджры (1402 по Р.Х.)). Здесь сообщается, что вместо человека принесено в жертву животное, в чем нельзя не видеть аналогии с монгольским обычаем, описанным Галсан Гомбоевым и побным же у Киданей.

Итак, по китайским воззрениям, с порогом соединяется понятие о счастливых обитателях дома, в очень широком смысле, а именно: о здоровье и всяком благополучии.

Теперь приведу объяснение из другого источника. Давно интересуясь вопросом о значении порога и не находя ему разъяснения в доступной мне литературе, я не упускал случая обращаться к опросу тех инородцев, у которых запрещение ступать на порог существовало в древности, а отчасти существует и в настоящее время.

По сообщению, сделанному мне киргиз-казакон Перовского уезда Сер-Али Лапиным, у его соотечественников и теперь удерживается запрет задевать порог ногами, и они дают объяснение этому запрету. По их представлению счастье и благополучие направляются в юрту, как река течет по руслу, и через порог вливаются в жилище. Потренировав порог, можно перебить, прервать русло, и счастье потечет мимо юрты. Г.Лапин привел мне еще одну интересную подробность: старая злая киргиз-казачка, не имеющая возможности по бессилию оплатить за причиненную ей дома обиду, чтобы досадить обидчикам начинает топтаться на пороге юрт, за что подвергается тяжким побоям.

Это толкование раскрывает нам смысл требования татар всячески остерегаться наступать на порог, что одинаково относится, как к жилищу хана, так и к жилищам его подданных, только зло, причиняемое хану наказывалось высшею мерою наказания, а простолюдин, сам огораживавший свой порог, не всегда имел возможность оградить свое право на счастье. Итак, мы видим, что с порогом связано представление о счастье, и этим оправдывается выражение: прибегнуть к *счастливому* порогу.

Если мы сопоставим оба толкования, китайское и киргиз-казачское, то получим очень ясное понятие о значении порога. Через него вливается счастье в жилище. Любопытно, что в древности у китайцев слово порог 闕 юй состояло из двух соединенных знаков: из *мынь* 門 «дверь» и *хо* 或 «оросительный канал», т.е. и у них как будто существовало представление о потоке счастья, вливавшемся в дверь.

Кажется, у монголов утратилось верование в обитание на порог благодетельного духа, так как они не одинаково смотрели на задевание порога ногою при входе и при выходе из юрты; но, принимая во внимания основное положение шаманства, что духи обретаются повсюду, мы должны признать, что китайское объяснение сохранило именно первоначальный смысл. На сколько легко забываются причины данного обычая, можно видеть из следующего: Н.Н.Кротков, бывший консультант в Урумчи, имевший возможность наблюдать почти

тание порога местным населением, спрашивал у таранчей, почему они не наступают на порог? Те отвечали: «шайтан этого не любит». Этот ответ показывает, что таранчи забыли смысл обычая, который продолжают соблюдать, не смотря на принятие ими мусульманства. Под шайтаном мусульмане разумеют *злого* духа, не имеющего никакого отношения к порогу, который служит обиталищем *доброму* духу.

В виду того, что счастье вливается в юрту рекою, отсюда, может быть не трудно объяснить, почему задевание порога изнутри дома не столь опасно, как задевание снаружи. По представлению шаманистов очевидно, что в первом случаи вред слабее, чем во втором, так как счастье уже направилось в юрту; в втором же оно может совсем миновать ее.

Понятие о неприкосновенности порога противоречит, по-видимому, один обычай, соблюдаемый при свадебных обрядах у киргиз-казаков. Этот обычай описан И.И.Ибрагимовым и состоит в следующем: когда жениха ведут к его невесте в кибитку ее отца, что называется *бусага-аттасу* (перешагнуть порог) или *исык-ачу* (открыть дверь), то теперь дверью делают различные препятствия, для устранения которых жених должен давать подарки. Бросают бакан, через который не дозволяется перешагнуть; бросают джеле (аркан для привязывания жеребят во время дойки кобыл), и «наконец жених в последний раз дает подарок старухе, лежащий на пороге кибитки; эта старуха называется *кемпыр-ульды* (старуха умерла); так как через мертвое тело нельзя перешагнуть, то жених должен подарком заставить встать старуху»¹⁸.

Ввиду того, что лежание старухи на пороге противоречит всему, нам известному о пороге у тех же кочевников, невольно возникает вопрос о том, вполне ли точно передал Ибрагимов вышеприведенную подробность? Не следует ли предположить, что старуха лежит не *на* пороге, а *перед* порогом? На такую поправку дает, кажется, основание и вся обстановка обряда: по устранении все препятствий жених должен сам открыть себе дверь в кибитку. Пусть эта дверь будет сделана из куска войлока или камышовой плетенки, все же трудно допустить, чтобы при закрытой двери можно старухе лежать на пороге и быть видимой жениху, и чтобы с этой старухой было удобно договариваться, не открывая еще двери. Мое предположение находит, кажется, поддержку в статье «Обычаи киргизов Семипалатинской области» (в

¹⁸ И.И.Ибрагимов «Этнографические очерки киргизского народа» (Русский Туркестан, Москва 1872 г., в. II. – С. 137–138).

«Русском Вестнике» 1878 г., т. 137). Автор статьи, г. П., описывая свадебные обряды названных киргиз, приводит те же подробности, которые изложил и Ибрагимов. Жениху, идущему к невесте, кидают на дорожку бакан; затем лежащая на земле женщина изображает ворчащую собаку; наконец, у дверей юрты невесты женщина преграждает путь жениху; за данный подарок она устраняется (стр. 35–36). Здесь не говорится, что женщина лежит на пороге, но и умершею она не названа. Умершая женщина – «старуха умерла» – является в этой статье не последним, а первым препятствием, раньше бакана. По-видимому, «умершая старуха» поставлена в этом рассказе не на своем месте. Таким образом, описанный здесь обряд оказывается не совсем ясным и требует дальнейшего расследования; но порог в этом случае остается свободным, что для меня особенно важно.

Мне кажется, что можно объяснить и другой обычай, связанный с порогом, а именно: прибивание лошадиной железной подковы у порога.

Если мы обратим внимание на замечание ламы Гомбоева, что родившееся уродливое животное разрубают и зарывают под порог, то должны будем признать в данном случае влияние шаманства, которое, с одной стороны, преисполнено страхом перед злою силою враждебных духов, а с другой – сложной системой борьбы с ними. Где существует добро, там присутствует зло. Если в юрту вливается счастье, то так же может вливаться в нее и несчастье; вот против этого вредного начала и надо принять предупредительные меры. Все они имеют целью утратить злых духов, которые и являются причиною всех бед человека. Надо сделать порог для этих духов недоступным, что достигалось, по-видимому, зарыванием уродливого животного под порогом. Прямого указания на такое значение обряда я найти не мог и дал ему объяснение, основываясь на шаманских верованиях вообще. Переходя теперь к подкове, я могу утверждать это положение уже решительнее. Злые духи боятся металлов, в особенности железа, поэтому шаман обвешивает свой плащ значительным количеством железных и медных побрякушек; по той же причине он, во время мучительных и продолжительных родов, бежит вокруг роженицы с обнаженной саблею в руке, думая этим утратить злого духа, который вселился в больную. Или втыкают в землю сабли с острием к изголовью больной с целью напугать злых духов¹⁹. У минусинских татар, когда берут ребенка из лодки, то кладут туда ножницы, конечно, для того, чтобы злой дух не поселился в лодке.

¹⁹ И.И.Ибрагимов. – С. 129.

Заслуживает внимание также и то, что у порога прибивается не первый попавшийся кусок железа, а железо от лошади – подкова. Лошадь в шаманстве имеет, не в пример другим домашним животным, особое значение. На этом я не буду останавливаться, отмечу лишь два примера, которые считаю наиболее характерным. По свидетельству одного исследователя быта якутов, г. Д-ва, когда якут ломает комелек, предмет по древним верованиям священный, то надевает на руки пустые копыта лошади и говорит: «не я тебя ломаю, а лошадь ломает». Таким образом, мы входим здесь область шаманского культа.

Другой пример может служить подтверждением этого положения.

У туземцев северного Кавказа почти всегда можно видеть у засеянного поле лошадиный череп, водруженный на длинном коле, причем сами они видят в этом предохранительное средство от вредных насекомых и вообще от всякого несчастья по отношению к урожаю. Этому языческому установлению, не имеющим оправдания ни в мусульманстве, ни тем более в христианстве, стали подражать русские соседи адыгейцев. По свидетельству Георги, Башкиры привешивают к дереву, где держат пчел, конскую голову для отвращения волшебных оговоров²⁰.

В своем изложении, как видят читатели, я вовсе не обращался к западной литературе о пороге, которая для моей цели оказалось мало пригодной. Все, что я мог извлечь оттуда, заключается в указании, что порог есть местопребывание духа дома или семьи, или божества порога. Для желающих укажу на сочинение Arnold van Gennep «Les rites de passage» (Paris, 1909), где сделан свод трудам по этому вопросу. Между прочим, там не совсем точно передан один наш обычай: «Quelquefois la valeur sacrée du seuil se retrouve dans tous les seuils de la maison: j'ai vu en Russie des maisons sur le seuil de chaque chamber (в этом случае наш автор ошибается: железо прибивается только у порога наружной двери) desquelles était cloué un de ces petits fers à cheval qui protègent le talon des bottes: or, dans ces maisons, chaque chambre avait son icône» (p. 33).

А общий вывод вложен так: «En tout cas, pour comprendre les rites relatifs au seuil, il convient de se rappeler que le seuil n'est qu'un élément de la porte, et quelq plupart de ces rites doivent être pris au sens direct et matériel de rites d'entrée, d'attente et de sortie, c'est-à-dire de rites de passage» (p. 33).

²⁰ Георги «Описание всех в Российском государстве обитаемых народов». СПб., 1776, ч. II. – С. 102.

2. Обычай «качать».

Я не обладаю таким количеством данных, чтобы объяснить татарским влиянием известный у нас обычай качать на руках чествуемое лицо, подбрасывая его вверх; но, по аналогии с другими явлениями нашей старины монгольского периода, готов видеть и в данном случае подражание татарскому церемониалу при избрании хана на царство.

Церемониал этот нам хорошо известен и состоял он в том, что царевича вместе с женою сажали на белый войлок, поднимали вверх, торжественно и громогласно провозглашали императором и императрицею всех татар²¹.

Вероятно так совершался упомянутый обряд, соответствовавший европейскому коронованию, в Золотой Орде, где с ним должны были хорошо ознакомиться наши предки, независимо от поездок русских великих князей в Монголию. В Бухарском ханстве, входившем в состав улуса Джагатая, этот обряд сохранился до последнего времени; нет этому основания думать, что в улусе Джучия он не существовал, и ханы возводились на престол иным способом. Отсюда выражение: *хан кютермяк*, т.е. «поднять хана»²².

Особенно интересно избрание на ханство Аблая киргиз-казаками около 1770 года: «Разостланы были ковры и войлоки, на коих сели вокруг все присутствовавшие в три и четыре ряда, по старшинству и достоинству, и когда по середине сего собрания занял свое место, на подложенном тонком белом войлоке сам Аблай, то все осыпали его похвалами за храбрость и проворство и пересказывали об одержанных им победах над киргизами других орд и калмыками.... По объявлении Аблаю приговора о выборе его в ханы, четверо из знатнейших старшин встали с мест своих, и подняв его на свои головы, опустили на прежнее место. Сему примеру последовали все бывшие в собрании; наконец, сняв с него богатое платье, изорвали на маленькие лоскутки и разделили оные между собою.... В заключение подали на больших оловянных блюдах вареное, мелко изрубленное мясо, коего по горсти клал сам Албай каждому в рот; потом подчивали всех кумысом»²³.

Про избрание ханов у киргиз-казаков А.К.Гейнс сообщил, путем расспросов, следующие сведения, относящиеся ко времени русской власти в степи: «Как только определялось, кому быть ханом, то все

²¹ Из Сборника Викентия Бовезсаго. (См. Д.И.Языков Собрание путешествий к Татарам. СПб., 1825. – С. 41).

²² Известия общ. Археологии и Этногр. При И. Казан. унив. т. XII. – С. 374–380.

²³ Сибирский Вестник, ч. IX. – С. 117 – 118. Ср. также у Левшина, «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», СПб., 1832, ч. III. – С. 126–128.

присутствующие в совете вставали и нового хана подымали на белом войлоке, а стоящая в отдалении толпа заметив это, пускалась во весь дух верхами и также устремлялась носить или лучше сказать, качать и таскать нового хана. Шум и смятение делались всеобщими, а войлок, на котором подымался хан, вскоре исчезал, разорванный на мелкие кусочки, так как каждый из присутствующих старался достать хотя незначительный лоскуток, чтобы возвратясь домой, засвидетельствовать свое участие в выборе хана»²⁴.

В.П.Сальков, автор книги «Андижанское восстание в 1898 году (Казань, 1901), пробывший в Ферганской области десять лет, сделал такое замечание: «в прежнее время, здесь в Оше существовал следующий обычай, свят в свое время исполняемый: каждый хан, при восшествии своем на престол в виду всего собравшегося народа, на белом войлоке поднимался кверху, при этом он должен пустить по стреле во все четыре стороны света, в знак того, что он будет обладателем всего видимого мира» (стр. 8). О каких ханах в Ош говорит г. Сальков, я не знаю, равным образом мне неизвестна и подробности о стрельбе, – последнее сообщение я считаю пока недоразумением; но, как видим обряд воцарения ханов поднятием на войлок пользуется в Средней Азии широким распространением.

Русские цари поддерживали этот обряд у себя дома. В царствование Борис Годунова, по его указу и в присутствии сына боярского был возведен на ханство, таким образом Ураз Мухаммед в 1600 году: четыре человека, взявшись четыре конца золотой кошмы, подняли на ней хана. При этом торжестве присутствовали все от малого до великого, русские и татары²⁵. И многое позже, в половине XVII ст., ногайских мурз возводили в Астраханское княжеское достоинство при посредстве того же обряда. Сперва боярин говорил мурзе царское жалование, затем воеводы делали распоряжение сеидам и всем мурзам поднять жалуемого мурзу на епанче или полсти, по их басурманскому закону, перед собою на площади²⁶.

А.К.Гейнс, описывая обычаи и обряды киргиз-казаков, сообщает, что поутру, в определенный для свадьбы день, невесту, сидящую на ковре, носят по всему аулу прощаться с подругами²⁷.

²⁴ Собрание литературных трудов А.К.Гейнса. Т. I. – С. 95.

²⁵ В.В.Вельяминов-Зернов «Исследование о Касимовских царях и царевичах». Ч. II, СПб., 1884. – С. 402, 403, 450.

²⁶ Собрание госуд. грам. и договор. Ч. III, №144.

²⁷ «Собрание литературных трудов». Т.I, СПб., 1897. – С. 90.

Выходит, следовательно, что после татарского владычества русские люди могли постоянно и долго наблюдать этот обряд в разных местах и, свойственной человеческой натуре подражательности, могли усвоить татарский церемониал и принимать в своем обиходе. Если мы признаем подобную зависимость, то разгадаем смысл и нашего обычая.

Не лишне заметить, что сами монголы забыли свой древний обряд и при избрании на ханство в Монголии 16 декабря 1911 г. ургинского Чжибцзун-дамба-хутухты не было церемонией вознесения его на войлоке.

О религии татар по русским летописям*

(Опыт комментария летописных известий)

Религия татар¹ до обращения их в ислам нам хорошо известна, благодаря письменным свидетельствам современников различных национальностей. Главнейшие из них: китайцы Мэн-хун² и неизвестный автор сочинения Юань-чао-ми-ши³, показания европейских монахов миссионеров, Плано Карпини и Рубрука⁴, путешественников Марко Поло⁵ и армянского царя Гайтона⁶. Затем можно поставить мусульманских историков, как самостоятельных, так и позднейших компиляторов: Джувейни, Рашид эд-Дина, Вассафа, Макризи и других. Важным пособием является официальная история Юаньской династии, Юань-ши, в которой подробно описаны религиозные обряды, совершавшиеся Хубилаем в торжественных случаях.

По всем данным приходится заключить, что ни у какого другого языческого народа шаманские верования не достигали такой резкой и грубой формы, как у монголов и татар⁷. Боязнь колдовства и всяких

* Веселовский Н.И. О религии татар по русским летописям // ЖМНП. Новая серия. Часть LXXIX (1916, №7), отд. 2. – Пг.: Сенатская типография, 1916. – С. 81–101.

¹ Я беру общий термин наших летописей, которые не упоминают монголов вовсе; хотя монголы отличаются от татар по языку и даже по антропологическому типу, однако первоначальная религия их была одинаковая.

² Его «Записка о монголо-татарах» переведена на русский язык *В.П.Васильевым* («История и древности восточной части Средней Азии» в Трудах Восточн. отд. И. Р. А. О., ч. IV, СПб., 1859).

³ Перевод на русский язык арх. *Палладия Кафарова* (Труды членов Пекинской духовной миссии, т. IV, СПб., 1866).

⁴ В переводе на русский язык *А.И.Малеина*, изд. А.С.Суворина. СПб., 1911.

⁵ Русский перевод *И.П.Минаева* в издании И. Р. Г. О.

⁶ *Bergeron, Voyages faits principalement en Asie dans les XII, XIII, XIV et XV siecles.*

⁷ Известный Казанский арабист Г.С.Саблуков напечатавший в Саратовских губернских ведомостях за 1844 г. статью под заглавием: «Очерк внутреннего состояния Кипчацкого царства», полагал, что религиею татар был буддизм. Его сочинение перепечатано в XIII томе Известий Общ. Арх., Ист. и Этн. при И. Казанском университете без каких-либо оговорок.

В.Г.Тизенгаузен, в «Сборнике материалов, относящихся к истории Золотой орды», арабское выражение «уйгурские бахши» и просто «бахши» переводил, следуя объяснению Катрмера, «уйгурские ламы» и «ламы» (стр. 173, 174,

чар, направленных во вред человеку, суеверия, одно нелепее другого⁸, гадания – все это достигло у монголов необычайного развития. По свидетельству Рубрука, император Мönкэ ничего не предпринимал, никого к себе не допускал, не погадав на бараньей лопатке, и эти кости тщательно отыскивали ежедневно по всему становищу⁹. Меры против колдовства выразились в проведении людей и животных и пронесении предметов между двух огней – установление монгольское, у других шаманских народов в этой форме неизвестное. Наказания за преступления против религии достигли у монголов наивысшей степени: смертной казни, установленной Чингиз-хановым Уложением.

Здесь не будет речи о шаманстве у татар во всем объеме их верований; такая тема по существу, можно сказать, беспредельна и едва ли когда-нибудь станет законченной на столько, чтобы мы были удовлетворены ее исполнением. Я ограничусь лишь теми сведениями, которые приведены в наших летописях, и попробую дать этим сведениям, чрезвычайно кратким и отрывочным, свои объяснения. Однако, несмотря на краткость отрывочность сведений, в них все-таки обнаружилась наблюдательность русских людей, к тому же в такой области, которая всего менее поддается изучению и нуждается в беспристрастии.

Уяснить верование татар необходимо для того, чтобы понять, из каких побуждений вытекали отношения ханов к покоренным народам и в частности к русским князьям и к русскому населению. Так, освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от податей и повинностей, исходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить. Все церемонии при дворе ханов, обязательные для русских князей, основывались на шаманских верованиях. Из того положения, что у монголов младший сын был обязан остаться у очага отца для совершения постоянных и сложных обрядов в честь душ предков, вытекало распределение улусов между сыновьями Чингиз-хана: чем старше был сын, тем дальше отодвигался он от ставки отца, вот почему самый отдаленный улус, куда вошла Россия, достался самому старшему сыну Джучию, или правильнее – сыновьям его, во главе с Батыем.

189, 197 и др.). Между тем мы не имеем прямых указаний на истребление лам, как лиц духовных. Мне кажется, что слово *бахши* надо переводить *чародей*.

⁸ Например, во время путешествия нельзя возвращаться тою дорогою, по которой ехали вперед.

⁹ Путешествие в восточные страны. – С. 128–129, 136.

Золотая Орда недолго оставалось шаманскою: ислам наложил на нее свою тяжелую руку сперва при хане Беркае (1255–1266 г.), а окончательно при Узбеке. В 713 г. (1314) последний извещал египетского султана Эль-Мелик эн-Насыра, что в его государстве оставалось еще шайка людей, не исповедовавших ислама, но что воцарившись, представил им выбрать или вступление в мусульманскую религию, или войну, что они отказались и вступили в бой, что он напал на них, обратил их в бегство и уничтожил их посредством избиения и пленения¹⁰. Тем не менее шаманские обряды в виде пережитков удерживались в государственном строе Орды очень долго. В качестве пережитков эти обряды мало-помалу утрачивали свой смысл и переходили просто в традицию, которую и сами монголы и татары не могли объяснить.

Посмотрим, что дают русские летописи о религии наших завоевателей.

«Никто же весть кто суть, и откуда приидоша, и что язык их, вера же их» – говорит Никоновская летопись про татар, вторгнувшихся в Россию в 1223 году¹¹. Отсюда понятны такие неопределенные эпитеты, как «безбожнии», «поганые», «окаянные» татары¹² и более простые, но ничего о религии не говорящие выражения: «нудиша й (Василька Константиновича) много проклятии безбожники Татарове обычаю поганьскому, быти в их воли воевати с ними»¹³. Только как-то нечаянно проскальзывают драгоценные жемчужины в виде такого любопытного известия: «И оттоле (от Онузы) послаша (Батый) послы своя жену чародейцу и два мужа с нею ко князем Рязанским, просящее у них десятины во всем»¹⁴. Жена чародейка есть не кто иной, как шаманка. Шаманки существуют рядом с шаманами и в настоящее время; но обыкновенно преимущество отдается мужчинам, и если в стане

¹⁰ *Тизенгаузен* Сборник. – С. 163. В наших летописях читаем: «Озбък войде в богомерзкую веру Срачинскую, и оттоле наипаче не пощадети нача роду христианьского». П. С. Р. Л., V. – С. 208.

¹¹ П. С. Р. Л., т. X. – С. 89.

¹² Лаврентьевская летоп. – С. 437, 442, 444, 445. В русских былинах если встречается название татарин, то обыкновенно с эпитетом «поганый».

¹³ Там же. – С. 442.

¹⁴ Никоновская летоп. – С. 105. В войске татар должны были находиться и женщины. У Мэн-хуна читаем: «По их обычаю, при выступлении в поход, как богатые, так и бедные берут с собой, по большей части, и женщины; они сами говорят, что они нужны для присмотра за багажом (постелью), платьем, вещами и деньгами. На женщинах лежит исключительная обязанность ставить юрты, принимать лошадей, седлать их, присматривать за скарбом, верблюдами и проч. Они весьма искусны в езде». *Васильев* «История и древн. восточ. части Средней Азии» (в Трудах Вост. Отд. И. Арх. Общ., ч. IV. – С 233).

Батые находилась шаманка, то надо допустить, что в глазах его она обладала великой духовной силой и была способна вести дипломатические переговоры, на которые женщины обыкновенно не посылаются.

По известной трогательной «повести о святых мученицах о великом князе Михаиле Всеволодиче Черниговском и о боярине его Федоре, вкупе пострадавших», Батый, по возвращении из Венгрии, «повеле всем князем Русским, оставшим в Руси, прийти к себе и поклониться ему. Прежде же повелеваше своим волхвом скласти два огня, и провести всех князей Русских и з боары их сквозе огонь, и поклониться кусту, идолом их и огню; и дары, елико приносят царю, и мнози творяху повеление его, славы ради света сего скоропогибающего»¹⁵. Когда в. к. Михаил Всеволодович явился в Орду, его позвали к царю. «Дошедшим же им места, идеже бе огонь наложен по обе страны, и мнози князи Рустии з бояры своими идяху свозе огонь, и поклоняхуся солнцу и огню, идолом их, славы ради мира сего»¹⁶. В. к. Михаил и боярин Федор отказались исполнить это требование несмотря на упрашивание многих русских князей и бояр подчиниться воле царя: «весть бо Господь Бог, яко неволею сие сътвориши». 20-го сентября 6754 г. (1246) оба они погибли мучительною смертью¹⁷.

Плано Карпини, бывший в Орде Батые в 1246 г., слышал о судьбе в. кн. Михаила Черниговского по свежим следам¹⁸ и передал следующее: «когда он отправился на поклон к Батыю, они заставили раньше пройти между двух огней, после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингиз-хану. Тот ответил, что охотно поклонится Батыю и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И Батый послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же одобрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука не

¹⁵ Никоновская лет. (П. С. Р. Л., т. X). – С. 130.

¹⁶ Там же. – С. 131; 237–244.

¹⁷ По надписи на раке, находящейся в Московском Архангельском соборе, ошибочно указано, что Михаил Всеволодович был убит 20-го сентября 1244 г. (Р.Вл. Зотов «О Черниговских князьях по Любецкому синодику». СПб., 1892. – С. 279).

¹⁸ Плано Карпини прибыл к Батыю в первых числах апреля месяца 1246 г. и в том же месяце выехал в Монголию, где оставался до половины ноября. На обратном пути в Европу Плано Карпини приехал к Батыю 9-го мая 1247 г., следовательно, мученическая кончина в. кн. Михаила (20-го сентября 1246 г.) сделалась этому монаху спустя 8 месяцев после ее совершения.

долго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселие». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом¹⁹. Далее Плано Карпини добавил: «И так как они не соблюдают никакого закона о Богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше».

От кого Плано Карпини мог услышать этот рассказ о князе Михаиле: от татар или от русских? Мне кажется, что монголы или татары не могли передать монаху-миссионеру, что Батый заставлял черниговского князя отказаться от своей веры – этого допустить не возможно – а потому остается сделать вывод, что источником сведений об этом событии были русские. Вероятность такого предположения подкрепляется тем, что Плано Карпини возвращался домой в сопровождении русского посла от князя черниговского. Затруднение представлялось бы в том, что Плано Карпини говорил о поклонении на юг Чингиз-хану²⁰, чего нет в русской летописи; но зато в Прологе упомянуто о поклонении канови, т.е. хану, без приведения, однако, имени хана²¹.

Повесть пользовалась широким распространением и ее влияние отразилось на сообщении о казни другого великого князя, именно Михаила Ярославича Тверского в орде в 1319 году. Привожу оба текста.

Михаил Черниговский:
(1246 г.).

«Святая же телеса их повержена бысть псом на снадение; на многы дни лежащими има, Божию благодатию сохранени быста неврежени телеси ею, на челове-

Михаил Тверской:
(1319 г.).

«Не прикосну же ся ничто же телеси его, аще и множество безчисленно зверей бяше тамо.... Мнози же убо верни от неверных тогда видеша два облака осеняю-

¹⁹ История Монгалов. – С. 8.

²⁰ Чтобы в Золотой Орде поклониться Чингиз-хану, которого едва ли тогда начали обоготворять, следовало, принимая во внимание географическое расположение Монголии, обратиться не на юг, а на восток; но можно думать, что дело шло не о Чингиз-хане, который сам совершал поклонение на юг, а о чем-то другом, нам пока непонятном. Когда установилось почитание Чингиз-хана, мне неизвестно; в настоящее время среди монголов поклонение ему не наблюдается; но происходит ежегодно обряд освящения его знамени, в котором, по верованию монголов, воплотится душа Чингиз-хана, как об этом сообщил мне Б.Я.Владимирцев. И Чингиз-хан приносил жертву знамени (Юань-чао-ми-ши. – С. 103). Почитание южной стороны монголами установилось, кажется, из того предположения их, что там пребывают души предков. Гомбоев. – С. 242.

²¹ Пролог, месяц сентемврий, лист 38.

колюбец Бог милосердый Господь наш прославляя своя угодники, пострадавшие Его ради за правоверную веру христианскую, столп огнен явился над телесех его сияюще пресветлыми зарями, свеща горяща, и пения аггельская слышаху на утверждение христианом». Варианты: «и многи свещи горящи, и гласы аггельская поюща; вернии же тамо прилучившиеся видевшее с радостию, и со слезами погребоша святаа телеса их». (*Никон. лет.* – С. 133, 244).

ща над телом блаженного князя Михаила, разступающаяся и ступающаяся, светящаяся яко солнце, еже исповедаху нам со слезами и со многою клятвою.... И тогда убо тамо живущии видеша в нощи столп огнен от земля до небеси, инии же яко дугу небесную приклоняющуюся к хлевине, в ней же тело лежаше.... и мнози из града видеша около саней множество народа со свечами, а иных на конех с ѡанари по воздуху ездящих». (*Никон. лет.* – С. 186).

Обрядность, существовавшая у монголов для представляющихся ханам, нам известна доподлинно, потому что подробно описана с разных сторон. О ней сообщили европейские монахи, ездившие к монгольским императорам, сообщили и мусульманские историки. Все они говорят о необходимости пройти сквозь огонь, т.е. в промежутке двух костров, и некоторые даже объясняют значение этого обряда; но никто не упоминает о поклонении при этом солнцу, луне, кусту и идолам. Повесть очевидно хотела усилить впечатление от требований Батыя к русским князьям и боярам, соединив в одно все, что тогда было известно о верованиях татар, и пожалуй, она этого достигла; но едва ли не погрешила против истины. Рассмотрим летописное сказание в порядке последовательности.

Очищение огнем.

Как проводили между двух огней, это поведал нам Иоанн де Плано Карпини. «Устраиваются два огня и рядом с огнями ставят два копия с веревкой на верхушке копий, и над этой веревкой привязывают какие-то обрезки из букарана; под этой веревкой и привязками между упомянутых двух огней проходят люди, животные и ставки. И присутствуют две женщины, одна отсюда, другая оттуда, прыскающие воду и читающие²² какие-то заклинания; и если там ломаются какие-

²² А.И.Малеин выражение *carmina recitantes* перевел: «читающие заклинания», но следует сказать: «произносящие заклинания», потому что шаманы при совершении обрядов никогда ничего не читают.

нибудь повозки или даже там упадут какие-нибудь вещи, это получают колдуны. И если кого-нибудь убьет громом, то всем людям, которые пребывают в тех ставках, надлежит пройти вышесказанным способом через огонь»²³.

Это поразительно яркая картина той грубой языческой обстановки, при которой совершался обряд прохождения через огонь. Рядом с кострами устраивалось нечто вроде ворот из двух копий, соединенных веревкою, на которой были прикреплены онгоны (так я понимаю «обрезки из букарана» тонкое полотно), и две шаманки брызгали для очищения водой, надо думать, наговоренной, и произносили заклинания. Если при этом падали вещи или ломались повозки, то все это поступало в пользу шаманов, вероятно потому, что такие предметы, не выдержавшего очистительного обряда, являлись в глазах суеверных монголов, подозрительными и, может быть, опасными; шаман же обладает такими свойствами, которые дают ему возможность успешно бороться с нечистой силой.

Плано Карпини вполне точно объяснил значение этого обряда. Когда посольству заявили, что прежде чем представиться Батью, надо будет пройти между двух огней, чего Плано Карпини не хотелось делать, тогда татары сказали: «Идите спокойно, так как мы заставляем вас пройти между двух огней не по какой другой причине, а только ради того, чтобы, если вы умышляете какое-нибудь зло против нашего господина или случайно приносите яд, огонь унесет все зло». Тогда Плано Карпини заявил, что он со своими спутниками пройдет через огонь, чтобы не подать повода к подозрению²⁴.

Другой монах, Вильгельм Рубрук, сообщил, что брат Андрей и его товарищи принуждены были пройти между огнями по двум причинам: во-первых, они несли подарки, а именно Кен-хану (Куюку). От меня ничего подобного не требовали, так как я ничего не принес. Если какое-нибудь животное или что-нибудь другое упадет на землю, пока они проводят это таким образом между огней, то это принадлежит им²⁵.

Вместе с тем Рубрук отметил, что они переправляют между огнями все, посылаемое ко двору, и имеют от этого надлежащую долю. Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь²⁶.

²³ История Монгалов. Перев. А.И.Малеина. – С. 12.

²⁴ История Монгалов. – С. 48.

²⁵ Путешествие в восточные страны. – С. 158.

²⁶ Там же.

Об очищении огнем у монголов единственное упоминание из египетских историков находится у Ибн эль-Фората (1334/5–1404/5 г.). В 670 г. (1271–1272) отправились к царю Абаге послы Эль-Мелик эз-Захыр (Мубариз эд-Дин эт-Тури и Фахр эд-Дин эль-Муиззи), в сообществе Эль-Бервана; они прибыли в орду и поднесли царю Абаге подарок его (султана), после того как шли с ним (с подарком) между двух огней. Этим достигалось у них очищение подарка и испытание, нет ли в нем волшебства или яда²⁷.

Рубрук сообщил, что в 9-й день мая месяца монголы собирали всех белых кобылиц стада и освещали их²⁸. На приложенном у него рисунке представлено проведение кобылиц через огонь²⁹. Молоко и кумыс белых кобылиц предназначались главным образом богам, ханам и ханскому семейству; в некоторые, особенно торжественные праздники никто из подданных хана решительно не имел права пить молоко белых кобылиц.

Шаманисты, кто бы они ни были, всегда верили в очистительную силу огня и прибегали к нему постоянно. В повести есть интересная подробность, что часть подносимых подарочных предметов при этом обряде бросается в огонь, т.е. из вещей, которые огонь должен обезвредить, приносится ему жертва в целях задобрить божество огня. Монголы в этом веровании шли еще дальше. Они полагали, что представляющийся хану может причинить ему вред и каким-либо колдовством, может иметь злой умысел, который состоит в волшебных чарах и потому не может быть обнаружен; однако, огонь все уничтожит. Монголы, как мы знаем, сильно верили в колдовство и боялись его, а так же и тех людей, которые могли колдовать. Чародейство, по постановлению Ясы Чингиз-хана, наказывалось смертью³⁰. Когда император Мönке истреблял своих врагов, то ханше Куюковой и матери Шилмыневой, участвовавшим в заговоре против него, обеим за волхование приказал умереть³¹. Обвинить человека в волховании, с целью избавиться от него, не представляло никакого затруднения и было очень удобно.

²⁷ Тизенгаузен. – С. 360.

²⁸ Путешествие в восточные страны. – С. 158.

²⁹ Обряд освещения огнем лошадей существует и теперь, их проводят через курящийся вереск. Агапитов и Хангалов. – С. 97.

³⁰ *Quatremere*, Hist. des Mongols, p. 359.

³¹ *Мон. Иакинф* «История первых четырех ханов из дома Чингизова». СПб., 1829. – С. 314. См. также статью П.С.Попова «Яса Чингиз-хана и Уложение Монгольской династии Юань-чао-дянь-чжань», где сообщено, что Чотомань, Алича и Тегус (?), виновные в навлечении несчастья на императорский дом,

Станем теперь на точку зрения татар. Батый не касается христианской религии, он хочет обезопасить себя огнем, т.е. заботится только о себе, и все повинуются ему, лишь князь Черниговский отказывается исполнить это требование. Батый посылает стольника своего Елдегу³² уговаривать князя; но тут пуще стоит на своем, стало быть, он, по мнению Батыя, таит злой умысел в виде какого-то колдовства и не хочет от него отказаться. Значит, помимо ослушания, в. к. Михаил является еще человеком крайне опасным, тем более опасным, что чары могут действовать и на некотором расстоянии. Батый не мог быть спокоен за себя и прибегать к казни русского князя вместе с его единомышленником, боярином, Федором. В этом и заключалось трагическое недоразумение между ханом и великим князем.

Очищение огнем при шаманских обрядах совершается и теперь. Э.К.Пекарский, в описании якутского спектакля «Олон, хо», привел такую интересную подробность: когда шаман Кыкыллан, ездивший на север за душой богатыря света, возвратился к умершему с душой его, то «вокруг него высекают огнивом огонь, чтобы очистить его от нечистых сил»³³.

Поклонение огню.

Культ огня был настолько силен у кочевых народов, а у монголов особенно, что, ни буддизм, ни ислам не могли уничтожить это языческое верование. Буддизм в Монголии даже и не пытался бороться с почитанием огня, а прямо принял поклонение огню число своих обрядов³⁴. Теперь поклоняются огню при свадьбах, ежегодно делают один

согласно Яса императора Чингиза, были казнены (Зап. Вост. отд. И. Р. А.О., т. XVII. – С. 0152).

³² По Плано Карпини Елдега был у Батыя управляющим ставкой (стр. 48–49). Рашид эд-Дин говорит, что старший бек Ушидай-Байху был отдан Чингиз-ханом с войском Джучию и командовал правым крылом войска Батыева; а состарившись, взял из племени Джурьят именуемого Эльдекэ, мать которого он понял, сделал его своим помощником, а потом сей занял его место. Тот же автор замечает: «в нынешнее время старшие беки из рода его занимают там ту же должность». (Перев. Березина, I. – С. 167).

³³ Живая старина, 1906 г., вып. IV.

³⁴ Буддизм не есть религия борьбы, которая всегда вызывает реакцию, т.е. воздействие; тем-то буддизм и опасен, в том-то и заключается его сила в пропаганде и его умение обезличить человека.

раз жертвоприношение огню³⁵. Как в древнее время, по свидетельству Плано Карпини, нельзя было вонзать нож в огонь или рубить топором возле огня³⁶, так запрещаются эти действия и теперь³⁷.

По Чингизханову Уложению (Яса), за осквернение огня, где пребывает божество, полагалась смертная казнь³⁸.

И в настоящее время почитание огня сознательно или бессознательно удерживается у разных народов. Минусинские татары перед принятием пищи и питья часть того и другого бросают в огонь, как жертву богине огня, «покровительнице дома»³⁹. По сообщению Восейкова, у калмыков не дозволено ходить по золе или держать ноги близко к огню, ибо огонь, по их мнению, есть божество, а очаг его жилище⁴⁰. Георги, описывая казанских и оренбургских татар, заметил, что в доме, из которого вынесен покойник, нельзя держать огонь в течении трех дней сряду⁴¹. Злые духи боятся огня, поэтому у китайцев на новый год всю ночь горят огни. Скот, всю утварь, земледельческие орудия и проч. обвешивают кусками красной материи или бумаги, что духи принимают за огонь⁴². Таких указаний можно привести сколько угодно.

Интересно сообщение ламы Гомбоева, что запрещается заливать огонь водою⁴³. Но и вода стихия священная, потому что там пребывает божество. На этом основании нельзя осквернять и воду, нельзя нап-

³⁵ Гомбоев «О древних монгольских обычаях и суевериях» (Труды Вост. отд. И. Р. А. О., ч. IV. – С. 239). О почитании огня см. Дорджи Банзарова «Черная вера», СПб., 1891. – С. 3, 22–25.

³⁶ История Монгалов. – С. 9. По замечанию Н.Н.Агапитова колоть острым предметом угли на очаге буряты считают грехом. – С. 14.

³⁷ Гомбоев. – С. 240. О хозяине огня см. Н.Н.Агапитов и М.Н.Хангалов «Материалы для изучения шаманства в Сибири». Иркутск, 1883. – С. 11–16.

³⁸ И.Н.Березин «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» (Труды Вост. отд. И. Р. А. О., VIII, СПб., 1864. – С. 410). Макризи говорит даже не об огне, а о пепле. Он же сообщил, что запрещается шагать через огонь (стр. 412).

Яса можно переводить, как уложение, устав; от этого же слово происходит *ясак* в значении дани, подушной подати. Мимоходом замечу, что находящийся в церкви Ивана Великого а Москве сигнальный колокол, называемый Есак, получил это название от яса через посредство слово *ясак*.

³⁹ Н.Ф.Катанов «Тюркские сказки» (Известия Общ. Арх., Ист. и Этн. при Казанском университете, т. XIV. – С. 257).

⁴⁰ «Описание Калмыцкого народа» (Сын Отеч., 1822, №VI. – С. 249).

⁴¹ «Описание всех в Российском государстве обитающих народов». СПб., 1776, ч. II. – С. 23.

⁴² Д.И.Котляр «Срединное царство», СПб., 1903. – С. 199.

⁴³ Ир. А.Житецкий «Очерки быта Астраханских калмыков» (Изв. И. Общ. Любит. Естествознания, М. 1893, т. IXXVII, отд. отт. – С. 18).

пример, стирать одежду. Даосский монах Чан-Чунь в беседе с Чингиз-ханом говорил ему, что слышал, будто подданные его летом не моются в реках, не моют платья⁴⁴. Мен-хун отметил, что платье их не моется, пока не износится⁴⁵. Когда к хану Беркаю приехали египетские послы, то их сейчас же ознакомили с монгольскими требованиями и объяснили, чего делать нельзя. Между прочим, не позволялось есть снег, мыть одежду⁴⁶; а если (уже) случится мыть ее, то делать это тайком⁴⁷.

Полезно лить в огонь масло: всем очевидно, что в таком случае огонь обнаруживает яркое пламя, следовательно, он доволен. Огонь в очаге не тушится, пока сам не потухнет⁴⁸.

Поклонение солнцу и луне.

Культ солнца и луны у монголов не совсем ясен и требует некоторого исследования, тем более, что в настоящее время почитание солнца у них почти не наблюдается.

Мэн-хун сообщил о религии монголо-татар очень кратко: «они обыкновенно весьма чтут небо и землю; во всяком деле упоминают о небе» (т.е. призывают небо во свидетели)⁴⁹. О поклонении небесным светилам он ничего не говорит. В знаменитом сочинении Юань-чао-ми-ши, где подробно изложена богатая приключениями жизнь Чингиз-хана в его степях, верховным божеством является Вечное Небо. Ему поклоняются, ему приносят жертвы, у него просят помощи. О почитании солнца и луны там не упоминается. Однако, архимандрит Палладий из одного случая сделал вывод, что монголы поклонялись солнцу и луне: когда Чингиз-хан установил жертвоприношение горе Бурхан, на которой он спасся от врагов, он обратился к солнцу и сделал возлияние кумысом⁵⁰. Арх. Палладий заметил при этом: «замечательно, что обратился к солнцу, а не к горе»⁵¹. Мне кажется, что здесь сущность заключалась не в солнце, а в *южной стороне*, к которой монголы обращались во время религиозных обрядов. Возможно, что упомянутое жертвоприношение совершалось около полудня. В дока-

⁴⁴ Труды чл. Пекин. Духовн. Миссии, т. IV. – С. 333.

⁴⁵ В.П.Васильев История и Древности. – С. 230.

⁴⁶ Тизенгаузен «Сборник». – С. 64.

⁴⁷ Там же. – С. 193.

⁴⁸ Житецкий. – С. 18.

⁴⁹ Труды Вост. отд. И. Р. А. О., т. IV. – С. 233.

⁵⁰ Труды Пекин. Духовн. Миссии, т. IV. – С. 52, 184.

⁵¹ Там же. – С. 183.

заельство своего предположения привожу одно подходящее известие из китайской истории.

В 1210 г. Нючженский государь скончался, и князь Юнь-цзи, вступив на престол, послал к Чингиз-хану указ, при вручении коего ему сказано, чтобы учинил поклонение. Чингиз-хан спросил у посланника, кто такой новый государь? Князь Юнь-цзи, отвечал посланник. Чингиз-хан тотчас обратился лицом к югу, и плюнув сказал: «Я думал, что какой-либо необыкновенный человек сел на престол в Чжун-юань; а сей слабоумный может ли царствовать? Он не заслуживает поклонения». После того тотчас сел на коня и уехал⁵².

В том же сочинении есть и прямое указание на почитание солнца и луны. Под 1254 г. говорится, что хан (Монке) собрал князей по западную сторону Ху-хунора и принес жертвы небу, солнцу, луне и горам⁵³.

Мне кажется, что в приведенных известиях нет противоречия. Трудно допустить, чтобы монголы, наполнявшие всю вселенную духами, верившие в существование «хозяина» каждой вещи, относились безразлично к небесным светилам. Если же в Юань-чао-ми-ши и других сочинениях не упоминается об отдельном поклонении солнцу и луне, то можно думать, что эти светила входили в понятие Голубого или Вечного Неба, как составная часть его. По Агапитову и Хангалову у Балаганских бурят Солнце (*наран*) и Луна (*хара*) имеют одного обладающего духа, одного хозяина (*эжина*) солнца и луны, особу женского пола Шандангина Хундангина. Ей делают в случае болезни жертву бараном⁵⁴.

Но стоит только обратиться к обрядам современных нам монголов, как увидим пережитки прежних верований в различных обстоятельствах жизни. П.И.Небольсин, в «Очерке быта Калмыков Хашоутовского улуса» при описании свадьбы в числе заключительных обрядов приводит моления и клятвы, произносимые одновременно женихом и невестою; одно из молений следующее: «Поклоняюсь я вторым поклоном светилу моему дорогого дня – солнцу моему, и светилу моему дорогой ночи – луне моей»⁵⁵.

По этому поводу Б.Я.Владимерцев сообщил мне, что главным моментом свадьбы у западных монголов и волжских калмыков является

⁵² Мон. Иакинф, История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829. – С 43.

⁵³ Там же. – С. 322.

⁵⁴ Отд. отт. – С. 45.

⁵⁵ Назв. сочин., СПб., 1852. – С. 75. К сожалению, Небольсин не привел калмыцкой транскрипции, а потому нельзя ручаться за точность перевода.

обряд поклонения жениха и невесты «желтому» восходящему солнцу; выражение шара наранда мörкөвә – поклонились желтому солнцу – равносильно слову: «повенчались». Такие пережитки, по моему мнению, важнее указаний европейских путешественников, что монголы поклоняются солнцу и луне.

П.И.Небольсин описал обряд жертвоприношения солнцу (*галтеа-хó*) у астраханских калмыков, совершаемый 11-го числа месяца *хулгуна* (конец сентября или октября), когда калмыки перекачуют на зимовку⁵⁶.

И у других шаманистов, например у турецких народов, тоже видим почитание солнца и луны. С.Е.Малов обнаружил уйгурские шаманские стихи, в которых говорится: «о, переговаривающиеся и переговариваемые божества – солнце и луна!»⁵⁷.

Поклонение кусту.

Требование поклоняться кусту, может, на первый раз, показаться странным и непонятным; но, как увидим, оно имеет за собою реальное подтверждение. Я не знаю, можно ли сближать обряд поклонения кусту с культом отдельных деревьев, чаще всего березы, или целых священных рощ. Подобные рощи имели, отчасти имеют и теперь большое значение у народов, еще не освободившихся от шаманских суеверий; но шаманист никогда не будет заставлять иноверца совершать поклонения священным деревьям, мало того: попасть в такие места иноверцу не совсем безопасно. На таком основании я полагаю, что в «кусте» заключался какой-то иной смысл, разгадать который мы не можем.

О поклонении кусту наши летописи говорят два раза: сперва в повести о Михаиле Черниговском, потом в рассказе о поездке вел. кн. Даниила Романовича Галицкого к Батыю в 1250 г. Возможно, что летописный рассказ навеян Повестью. Вот его содержание:

«Приходящая цесари и князи. и вельмож. солнцю и лууне. и земли. дьяволу. и оумершим в аде отцом их. и дедом. и матерям. водяше около коста (коуста). поклонитися им. о скверная прелесть их». «Пришедшоу же. Ярославлю человеку. Сънегоуроуви. рекшоу емоу (Даниилу). брат твой Ярослав кланялся. коустоу и тебе кланятись.... во т час позван Батыем. избавлен быс(ть) Богом. и злого их бешення. и кудешства. и поклонися по обычаю их. и вниде во вежю его».... «злобе

⁵⁶ Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852. – С. 125.

⁵⁷ Живая Старина, 1912 г. – С. 68–70.

бо их и лъсти несть конца. Ярослава великого князя Соуждальского и зелием оумориша Михаила князя Черниговского не поклонившоуся коусту. со своим боярином Федором, ножем заклана быста»⁵⁸.

Кульť куста подтверждается свидетельством Плано Карпини: «Мы видели так же, что Окоддой хан, отец нынешнего императора, посадил куст за упокой своей души, вследствие этого он предписал, чтобы никто там ничего не срезал; если же кто срезал какой-нибудь прут, то, как мы сами видели, подвергался бичеванию, снятию одежды и злым побоям. И, хотя мы сильно нуждались подогнать коня, мы не смели срезать ни одного прута»⁵⁹. Выражение «за упокой своей души» не понятно; перед этим, говоря о погребении у монголов знатных лиц, Плано Карпини сообщил, что при похоронах одного коня съедают за упокой души умершего, а кости сжигают, и прибавил: «и часто также женщины собираются для сожжения костей за упокой душ людей, как мы это видели собственными глазами и узнали там же и от других»⁶⁰. Если можно объяснить закалывание коня, как погребальную тризну, то как мы можем приурочить к этому событию посадку куста человеком в виде будущей жертвы для своей души. Надо думать что в этом обряде что-то другое.

Приведу один рассказ, помещенный в статье Н.Н.Агапитова и М.Н.Хангалова, «Материалы для изучения шаманства в Сибири», и имеющий связь с кустом: «у одной женщины было две дочери; потом она умерла, а отец женился вторично; мачеха не любила дочерей от первого брака и потому раз сказала: «чтобы взяла вас луна или солнце»; раз девушки пошли за водой, но солнце и луна хотели схватить их; одна из девушек уцепилась за куст и оторвала часть его; схватило девушку сперва солнце, но луна, указывая на утомление ночью, просила солнце уступить ей девушку; солнце отдало – и с тех пор на луне видно изображение девушки, ухватившейся одной рукой за куст». В примечании сказано: «Изображение этой девушки, сделавшейся хозяйкой солнца и луны, или одной только луны, рисуют иногда на шаманских ящиках (ширэ) и ее же буряты видят в лунных пятнах»⁶¹.

Подобные выписки можно продолжить. В том же сочинении описывается *кырык*, т.е. жертвоприношение одного лица или семейства, чтобы умиловить разгневанного бога, пославшего болезнь или несчастье.

⁵⁸ Ипатьевская лет., изд. 2-е. – С. 806–808.

⁵⁹ История Монгалов. – С. 11.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Известие Восточно-Сибирск. отд. И. Р. Г. О., т. XIV.

По заклании жертвенного животного снимают с него кожу, набивают ее соломой и зашивают и привязывают к воткнутой в землю, заранее приготовленной березе, величиною в 3–4 сажени, с ветвями; березу устанавливают так, чтобы голова животного была обращена в ту сторону, где находится воображаемое местопребывание божества, в честь которого приносится жертва⁶². Можно было бы высказать предположение, что Угедей с такою именно целью и посадил куст; но в таких предположениях, когда нет надлежащих указаний, я не вижу никакой пользы.

Поклонение идолам.

О древних монгольских идолах мы имеем разъяснение ламы Галсан Гомбоева по поводу заметки о них, сделанной Плано Карпини⁶³. Все эти идолы домашние, никаких общественных или государственных идолов, а равно и храмов с идолами у шаманистов не существует. Это необходимо иметь в виду при обсуждении вопроса о поклонении идолам. Что же теперь известно о них? По сообщению Гомбоева, поставленный посреди кибитки идол есть заягачи, верховный творец счастья; поставленный около дверей должен быть эмэгелджи – хранитель стад и преимущественно молодого скота; в кибитке же находится чандагату – покровитель звероловства, и другие. Как изготовлялись онгоны (идолы), об этом сообщил Плано Карпини⁶⁴. Равным образом и Рубрук говорить только об идолах, помещенных в юрте⁶⁵ и, конечно, имеющих отношение лишь к обитателям этого жилища. Агапитов и Хангалов видели у прибайкальских бурят еще так называемых горных онгонов (ходан-онгон), которые помещались вблизи зимнего улуса на горе или внизу; но и эти онгоны имели не общественный, а семейный или личный характер, потому что делались шаманами для женатых бурят вскоре после свадьбы, редко для холостых⁶⁶.

Если мы признаем, что идолы у шаманистов составляют семейную собственность, то можем отнести отрицательно к рассказу о требовании поклониться монгольским идолам. Глава семьи ублажает

⁶² Отдел. оттиск. – С. 99.

⁶³ О древн. монг. обычаях и суевериях. – С. 246–248.

⁶⁴ История Монгалов. – С. 7.

⁶⁵ Путешествие в восточные страны. – С. 71.

⁶⁶ Материалы. – С. 75–76. Онгонами называются и идолы, и божества низшего порядка. Чтобы завести онгон (идола), нужно пригласить шамана, который делает онгон и освещает его, принося жертвы и призывая онгонов (божества) в сделанное изображение. Там же. – С 72, 77. Т.е. происходит как бы оживление идола.

жертвами *своих* идолов-покровителей, чтобы они приносили счастье и благополучие *ему*, а не постороннему человеку, который своим поклоном может переманить идолов на свою сторону и тем отнять счастье у хозяина данной юрты. Поэтому в действительности получается явление совершенно обратного характера: никто из шаманистов не позволить чужому человеку тем или другим способом чтить своих богов.

Однако, Б.Я.Владимирцев сам был свидетелем, как заболевший паршей монгол отправился к шаману, чтобы совершить моление его онгонам, при чем надевал костюм шамана и совершил курение вереском. Такое явление объяснить не трудно: шаман постоянно прибегает к своим онгонам для исцеления больных от разных болезней, в этом и заключается их главное назначение.

Русские летописи приводят всего два случая, когда татары требовали у русских князей «обращения» в их языческую веру или поклонения идолам. Первый относится к 6745 (1237) г. «А Василка Костянтиновича ведоша со многою нужею до Шерньского леса, и яко стаха станом, нудиша и много проклятии безбожнии Татарове обычаю поганьскому, быти в их воли и воевати с ними; но никакоже не покорися их безаконью, и много своряше я». За свое сопротивление Василько «без милости убьен бысть»⁶⁷. Из этого рассказа нельзя, однако, вывести заключение, что татары требовали от Василька отказаться от своей веры. Второй случай относится к кн. Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, о чем изложено выше.

По моему мнению, оба случая надо отнести к области фантазии, конечно, неумышленной: недоразумения на почве религиозных верований вполне обычны и держатся прочно.

В Густинской летописи, по поводу приема Батыем в. кн. Даниила Романовича под 6752 г. (=1244), читаем: «еще же и то чудно, яко не нудяше его идолом своим кланятися, понеже инии все мусяху им кланятися, по повелению Батиеву»⁶⁸. Значит, и в этом сообщении проглядывает отрицательное отношение к идолам: поклонение им не обязательно.

Главнейшие основы шаманства.

Шаманская религия, еще не так давно преобладавшая над всеми другими религиями численностью своих последователей, никогда пропагандой не занималась и, по сущности своей, заниматься обраще-

⁶⁷ Лаврентьевская лет. – С. 442.

⁶⁸ П. С. Р. Л., т. II. – С. 340.

нием в свое лоно иноверцев не имеет никакого основания. У нее не существует заботы о спасении душ своих верующих, тем более ей нет никакого дела до чуждых ей людей. Шаманство печется только о теле человека, о его недугах, его страданиях и болезнях; о тех стихийных бедствиях, какие проявляются в виде эпидемий, падежа скота, засухи и т.д. Все, что нужно человеку для его земного физиологического существования, — обязательно входит в область шаманской религии: здоровье, счастье, удача на охоте, размножение стад, и проч.; но душа остается в стороне. Идея возмездия для человека за гробом отсутствует в понятиях шаманства. По смерти человека его душа, независимо от его земных поступков, обращается, как и все другие, в духа, который продолжает жить земною жизнью, только невидимо для людей и без всякого труда для себя, праздно; он нуждается в материальной пище, т.е. в жертвах; если о нем забывают, жертвоприношений не совершают, он гневается, напоминает о себе своим родственникам, насылая на них болезни и всякую беду.

Как в мире существует добро и зло, так божества, управляющие миром, разделяются на добрых во главе с Хормуста-тенгри, живущем на небе, владыкою неба, и злых, которыми руководит подземный Эрлик-хан, бог смерти. Кроме него существует и другие страшные боги, например, владыки вод, *лүстйн-хат* (цари драконов). К добрым относится владыка земли: *Цаган ебүген* (Белый старик)⁶⁹. Духи расселились повсюду: в лесах (хозяева лесов), в водах (хозяева вод), в огне, в отдельных деревьях, в горах и т.д. Добрые не требуют за собой особенного ухода, они и без того милостивы; но злые постоянно вредят человеку, насылают на него болезни: если человек заболел, это значит, в него вселился дух, который стал грызть ту или другую часть тела⁷⁰; если женщина мучается в родах, то это оттого, что в нее вселился дух. И в том и в другом случае надо изгнать злого духа из человека или умиловить при помощи жертв, или угрозами. Но для этого надо узнать, какой именно дух причиняет вред; если человек, заболевший от наваждения божества гор, станет приносить жертву божеству вод, то очевидно никакой пользы от такого расхода не произойдет; но допустим, что больной или его родные угадали, какому богу надо принести жертву, еще предстоит узнать, из чего должна состо-

⁶⁹ Об этих последних богах, признаваемых западными монголами теперь, сообщил мне Б.Я.Владимирцев.

⁷⁰ В.Н.Васильев «Изображения Долчано-якутских духов, как атрибуты шаманства» (Живая Старина, 1909 г., вып. II–III).

ять жертва: если ограничиться бараном, когда бог желает лошадь, то труд будет напрасным. Мало принести в жертву и лошадь вообще, потому что бог капризен, не за всякую лошадь он помилует человека; если ему хочется получить соловую лошадь, то бесполезно жертвовать темно-бурой. Создается положение в высшей степени затруднительное. На помощь являются шаманы, т.е. люди, достигшие путем обучения, продолжительного искуса и посвящения от шамана-учителя, такой духовной силы, что могут входить в непосредственное общение с божествами и узнавать их волю, могут подчинять себе онгонов и пользоваться ими для своих целей, они могут устрашать духов и изгонять их из тела человека; они могут посредством гадания узнавать будущее. Их камлание (особого рода радение), во время которого они приводят себя в экстаз и совершают разного рода фокусы, производящее сильное впечатление на зрителей, происходит публично и поддерживает в народе веру в силу шаманских заклинаний. Народ верит, что шаман может даже вернуть душу умершему человеку. Но и сами шаманы, как знахари и колдуны, обладают способностью наваждения на людей различных бедствий; поэтому шаманов боятся, их не любят; но внешний почет оказывают большой: приглашают на все празднества, сажают на видное место, угощают старательно.

Спрашивается, каким бы понятным выражением монгольский хан стал формулировать свое требование к покоренным народам перейти в его религию? Если бы он сказал: «я верю в добрых и злых духов, приношу им жертвы, чтобы они не посылали на меня болезни, гадаю на бараньей лопатке, чтобы узнать будет ли успех от моего предприятия, – поступайте и вы так же: исцеляйте свое тело жертвоприношениями, гадайте, чтобы узнать свою судьбу» – была ли бы от этого какая либо польза для хана? Решительно никакой. Не практичнее ли поступить обратно, т.е., не трогая чужой религии, побудить ее церковнослужителей молиться за хана *своему*, божеству по своей вере. Так монголы и поступали везде, где соприкасались с иноверцами, и эта черта отмечена всеми письменными памятниками, а равным образом и русскими летописями: «приехаша численици из татар... точно не чтоша архимандритов, и игуменов, и иноков, и попов, и диаконов, и крылошан и всего причта церковного, кто зреть на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, и водворяется в дому Господни, и служить Божиим церквам»⁷¹.

Приведу пример подобного же рода и с мусульманской стороны. Рашид ад-Дин рассказал, как посланный Чингиз-ханом в Кашгар про-

⁷¹ Никонов. лет. – С. 141.

тив Кушлука Джебэ-нойон объявил в городе прокламацию, чтобы каждый человек оставался в своей вере и сохранял путь дедов и отцов⁷². В тарханских ярлыках русскому духовенству ханы провозглашали: «да правым сердцем молят Бога, и за наше племя, без печали, и благословляют нас»⁷³. Такое настроение в Золотой орде не изменилось и с принятием ханами самой воинствующей в мире религии, ислама: так чужда была им сама идея насильственной пропаганды своей веры другим народам.

На основании всего изложенного можно заключить, что наши летописи погрешили, конечно, неумышленно, приписав Батыю намерение затронуть религиозные убеждения князя Михаила Черниговского⁷⁴. Причисленный к лику святых, Михаил Всеволодович совершил великий христианский подвиг, пожертвовав за свою веру жизнью, и его мученическая кончина укрепляла народ в православной вере; но с грустью приходится сознаться, что погиб он со своим боярином Федором по печальному недоразумению и потому напрасно.

Шаманская религия осложнилась культом предков, которые требовали к себе усиленного внимания от своих потомков, пребывающих на земле, и постоянных жертвоприношений. Типичным представителем такого культа является китайский народ⁷⁵. Обряды, вытекающие из культа предков, носят семейный характер⁷⁶, исключение делалось, может быть, только для Чингиз-хана, поминки которого совершались некогда всем народом.

⁷² Сборник летописей, перев. И.Н.Березина (Труды Восточ. отд. И. Р. А. О., т. XV. – С. 40).

⁷³ Ярлык Менгу-Тимура.

⁷⁴ Некоторые русские князья, погибшие в битве на Калке и во время второго нашествия татар, отмечены в синодиках, как «убиенные за православную веру», хотя татары отнюдь не касались православной веры.

⁷⁵ У нас есть интересное исследование по этому предмету С.М.Георгиевского: «Принципы жизни Китая», СПб., 1888 г.

⁷⁶ Повидимому, мы не всегда встречаем отчетливое представление об этом культе. Так, Д.К.Зеленин, описавший существующей в некоторых местах зимою древний языческий обряд «греть родителей», озаглавил его: Народный обычай греть покойников, что совершенно недопустимо, потому что греют не покойников вообще, которые не могут интересовать посторонних лиц, а греют *своих* предков, которых народ правильно называет «родителями» (Сборник Харьковского Историко-Филологического общества, т. XVIII. – С. 256).

Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана*

И.Н.Березин, более всех других наших ориенталистов занимавшийся вопросом о чиновниках в Золотой орде¹, установил должность, будто – бы существовавшую в Монгольской империи – букаульного тамговщика بوقاول تغاجی. И букаул, и тамговщик действительно были у монголов, а букаул удержался в Бухаре до последнего времени в качестве начальника придворных поваров; но соединение этих двух обязанностей в одном лице представляется мне странным, и я готов объяснять происхождение этой должности у И.Н.Березина не иначе, как недоразумением, тем более странным, что очевидность его прямо бросается в глаза на основании того же самого источника, который своеобразно был понят заслуженным ориенталистом.

В своем переводе на русский язык «Сборника летописей» Рашид эд-Дина², И.Н.Березин в главе о Джалаирах коснулся племени Уят и предводителя его Уклай-курджи, который пришел с Хулагу-ханом и стал караульным. «Арук اروق и Буга بوقا были его сыновья и состояли на службе в свите Абаги-хана. Однажды Арук ходил посольством к каану, принес оттуда синюю тамгу, и здесь отошло к нему сполна учреждение «потешных» سوجيان. Потом, по учреждению Абаги-каана, он стал беком, был букаульным тамговщиком بوقا اول تغا جی и имел меховую казну. Во время Ахмеда и Аргун-хана он был почтенным беком»³.

Здесь прежде всего бросается в глаза такая несообразность: букаульный тамговщик, прикосновенный к ханской провизии, заведует меховой казною. Затем, Арук возведен в звание бека уже при Абаге, и тем же званием, правда с прибавлением эпитета «почтенный», он был удостоен при Ахмеде и Аргуне.

* Читано в заседании Восточного Отделения Русск. Арх. Общ. 24 марта 1917 г. Веселовский Н.И. Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана // ЗВО РАО. Т. 24. 1916. 1917. – С. 201–204.

¹ Первая статья его в данной области, под заглавием «Внутреннее устройство Золотой орды», появилась в журнале Мин. Нар. Просв. 1850 г., № 10. В переработанном виде она была напечатана в Трудах Вост. Отд. Арх. Общ., ч. VIII, СПб., 1864, и озаглавлена «Очерк внутр. устр. Улуса Джучиева». Она доставила автору ее степень доктора Восточной словесности.

² Труды Вост. Отд. Арх. Общ., ч. V, СПб., 1858.

³ Сборн. Летоп. I. – С. 40.

В примечании к приведенному переводу И.Н.Березин писал: «здесь является неизвестный в ярлыках чин букаульный тамговщик. Прежде всего заслуживает внимания то обстоятельство, что слово *بوقاول* здесь является с твердою гортанною..... Посему, вопреки мягкому правописанию этого слова во всех других случаях (в ярлыках, в Опис. Бух. ханства, Ханыкова. – С. 243), мы должны признать, что это слово должно писаться *بوقاول* и производиться от глагола *بوغاق*, душить, давить, и следовательно первоначально букаул был сходен с баскаком и даругой, в частности же этот чин означал отведывателя Букаульным тамговщиком вероятно был придворный чиновник, заведовавший ханскою провизиею»⁴.

И.Н.Березина ничуть не смутило то обстоятельство, что давить и отведывать (пищу) понятия слишком разнородные.

Какбы-то ни было, чин букаульного тамговщика вошел в научный оборот. Во-первых, сам И.Н.Березин поместил его в своем труде «Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева» в ряду с другими чинами⁵; во-вторых, Л.З.Будагов ввел букаульного тамговщика в свой Сравнительный словарь турецко-татарских наречий⁶.

Любопытно, что и Будагов не заметил здесь промаха; но чувствуя, что должность отведывателя кушанья *بكاول* не вяжется с тамговщиком, он признал возможным слово *بوقاول* отделить от *بكاول* и стал производить его не от *بوغاق*, что являлось очевидной натяжкой, а от *بوقمق* – «делать засаду, подкараулить» и признать в лице букаулов засадчиков, «особый разряд военных нижних чинов, которые караулили за тем, чтобы не провозили товар без тамговой пошлины»; поэтому у Рашид ад-Дина упоминается *بوقاول تعاجى*, т.е. засадчик тамговщик, букаульный тамговщик⁷.

Приходится заявить, что Рашид эд-Дин не дал ни малейшего повода ко всем этим рассуждениям, у него говорится нечто другое.

Система изложения Рашид эд-Дина заключается в следующем: описывая какое-нибудь племя, обитавшее в Монголии в эпоху Чингизхана, он называет предводителей этого племени, дает о них краткие биографические сведения, затем перечисляет сыновей, а иногда и дочерей этих предводителей и также сообщает об их служебном положении или о замужестве. Подобным же образом поступил Рашид эд-

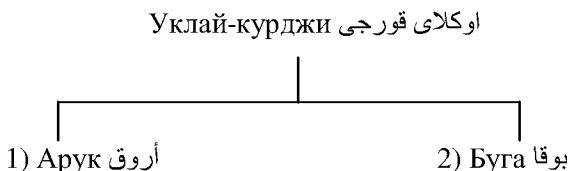
⁴ Там же. – С. 232–233.

⁵ Труды Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., ч. VIII. – С. 442.

⁶ Выпуск I, СПб., 1868. – С. 262–263.

⁷ Сравн. словарь, вып. I. – С. 262–263, 286.

Дин и при описании племени Уят, откуда получается такая генеалогическая таблица:



Сперва наш историк говорит об Аруке, потом переходит к Буге.

Приведем текст Рашид эд-Дина по изданию И.Н.Березина⁸.

از اقوام اویات اوکلای قورجی با هولاکو خان آمده بو اول شده أروق وبوقا پسران او بودند و ملازم بندکی اباقاخان یک نوبت أروق برسالتی بندکنغا آن رفته و کوک تغا از آجا آورده و اینجا سوجیانرا تامت بدو توسامیش رفته بعد از آن بترتیت اباقاخان امیر شد وبوقا اقل تغاجی بود و خزانه پوستین می دانست و در جاق احد وارغون خان امیر معتبر شد

Т.е.: «Из племени Уят Уклай-курджи пришел с Хулагу ханом и стал караульным. Арук и Буга были его сыновья и состояли на службе в свите Абаги-хана. Однажды Арук ходил посольством к каану, принес оттуда синюю тамгу и здесь отошло к нему сполна учреждение «потешных». Потом, по определению Абаги-хана⁹, он стал эмиром (беком). А Буга первоначально был тамговщиком и ведал меховую казну. Во время Ахмеда и Аргун-хана он был уважаемым эмиром (беком).

Итак, никакого букаула здесь нет, а есть собственное имя второго сына Уклая, Буги, и наречие اوّل в значении «первоначально, раньше». Березин соединил оба эти слова и получил «букаул». Произошло удивительное затмение, удивительное потому, что сам же Березин дал правильное чтение текста и اوّل и отделил это слово от بوقا. Так как Буга был тамговщиком, то заведывание им меховую казною делалось вполне естественным.

⁸ Труды Восточ. Отд. Арх. Общ., ч VII, СПб., 1861. – С. 51.

⁹ Непонятно, почему И.Н.Березин придал Абаге титул каана, применявшийся Рашид эд-Дином исключительно к монгольским императором, когда в тексте стоит خان?

Заметки по истории Золотой Орды*

I. Золотоордынский хан Дюдень и царевич Дюдень.

История Золотой орды, как известно, разработана крайне неудовлетворительно, что происходит от тех серьезных, иногда прямо непреодолимых трудностей, которые преследуют исследователя на каждом шагу. И несмотря на исключительный интерес самой темы, работников в этой области у нас мало.

Мне пришлось обратить внимание на загадочное имя царя, который называется в наших летописях *Дюдением*, и произвести о нем изыскания при помощи мусульманской литературы. Результаты этих изысканий здесь и приводятся. О царе Дюдене упоминают летописи Лаврентьевская, Никоновская, Софийская, Воскресенская, Новгородская и Тверская. Из них Никоновская говорит о событиях пространнее, с нее и начинаю.

«В лето 6801 (1293 г.). Идоша во Орду ко царю князи Русьстии жаловатися на великого князя Дмитрея Александровича Владимирскаго, внука Ярославля, правнука Всеволожа... Царь же розслуша их жалобу, и хоте послати в Русь по великого князя Дмитрея Александровича Владимирскаго, таже потом на ину мысль преложи, и отпусти с ними брата своего Дюдения со множеством вой... Рать же татарская, со князем Андреем Александровичем Городецким и со князем Феодором Ростиславичем Ярославским пришедше, взяша Владимир, и церковь Володимерскую разграбиша... и Суздаль, и Юрьев, и Переславль, Дмитров, Москву, Коломну, Можаетск, Волок, Углече поле, всех града взяша 14, и всю землю пусту сътвориша... Татареве же восхотеша ити к Новугороду и ко Пскову, Новогородцы же прислаша к царю Дюдению и ко всем Татаром послы своя, Семнеа Клемянтиевича да Ивана Михайловича, с множеством безчислено даров, дабы они не ходили ратью к Новугороду и властей их не воевали. Они же вземше безчисленное множество даров, возвратишася в свою землю в поле, и идоша во Орду»¹.

Лаврентьевская летопись (Суздальская, по Академическому списку) передает это событие короче. «Того же лета (6801) приидоша из Орды князи, Андрей, Дмитрей, Феодор, Константин, а с ними царь

* Веселовский Н.И. Заметки по истории Золотой Орды // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. XXI (1916). Кн. 1. – Пг., 1916. – С. 1–15.

¹ Полное Собр. Рус. летописей. Т. X, СПб., 1885. – С. 168–169.

Дюдень приде ратью на великого князя Дмитрия, князь же бежа в Псков; Татарове же взяша Володимер, Переяславль, Москву, Волок, и всех градов 14, и много зла створиша в Русской земли; услышав же князь Андрей брата в Плескове, и идее к Новугороду, а рать возвращается назад» (стр. 499).

В Софийской первой летописи сказано: «Новгородци же послаша Семена Климовича ко царевичу Дюдению с дары на Волок, Дюдень же вспати рать свою с Волока» (стр. 201). В Воскресенском Дюдень также назван царевичем (стр. 180). Новгородская первая говорит: «к царю Дюдению» (стр. 65), а Тверская – «прииде князь Андрей из Орды, (с) Дюдения ратью» (стр. 406).

Таким образом, большинство летописей говорит о царе², меньшинство – о царевиче. Царями у нас обыкновенно называли ханов, а ханских сыновей величали царевичами; только для Ногая делалось исключение, ему придавали титул царя, но тому были особые причины: в глазах русских современников он оказывался важнее ханов, с которыми распоряжался по своему усмотрению. Рассмотрим, какие имеются данные для признания Дюдения царем или царевичем.

В числе золотоордынских ханов никакого Дюдена мы не встречаем. Недоразумение увеличивается еще тем, что в 1293 г. ханом в орде был *Тохта*, который, по свидетельству мусульманских писателей, вступил на ханство в 1291 г., после того, как брат его, *Тулабуга* хан, был убит Ногаем, и царствовал до 1313 года. Если бы Дюдень был претендентом на трон, т.е. соперником Тохты, или даже ханствовал в какой-либо местности орды, то каким образом Тохта мог доверить ему войско для похода на Русь?

Среди первых татарских ханов, упомянутых у мусульманских писателей и отметивших свое имя на монетах, был в конце XIII в. ханом в Золотой Орде Тута-Менгу *توتامنگو*, *توتامنگو*³ на монетах – Туда-Менгу *تودا منك*⁴; но чаще его имя пишется Тудан-Менгу *تدان منك*⁵. *Тудан*-Менгу как нельзя лучше совпадает с нашим Дюден'ем, и это произношение, по-видимому, предпочтительнее перед Туда, потому что отмечено с двух сторон: русским летописцем и историками мусульманскими. Но сейчас

² В указателе к Лаврентьевской летописи объяснено: «Дуден (Дюдень), царев. Ординский» (стр. 11). Такой произвол не допустим, хотя бы в Указателе.

³ Тизенгаузен, «Сборник материалов к истории Золотой Орды». СПб., 1884. – С. 65–69.

⁴ Fraehn, «Recensio numorum muhammedanorum», Petropoli, 1826, p. 196–197. Его же: «Монеты ханов Улуса Джучиева». СПб., 1832. – С. 3.

⁵ «Сборн. материалов». – С. 82–83, 104, 105, 106 и др.

же является и затруднение. О ханствовании Тудана или Дуденя (Дюденя) наши летописи ничего не говорят, они или просто сообщают, что тот или другой русский князь поехал к царю в Орду, или, что хуже, называют царем Телебугу⁶, когда по всем данным там ханствовал Тудан-Менгу.

Рассмотрим, что нам известно о царствовании Тудан-Менгу.

Сведения о нем находятся только у мусульманских писателей, преимущественно у историков Египта, так как Золотоордынские ханы за первое столетие находились в очень оживленных сношениях с египетскими султанами, рассчитывая найти у них поддержку против своих родственников Гулагидов. В биографии египетского султана Калавуна, написанной неизвестным автором, сообщается, что Тудан-Менгу был внук Батыя, сына Тогана, и вступил на престол после смерти своего брата, Менгу-Темира, скончавшегося в июле 1280 г. Египетские послы, эмир Шемсиддин Сонкора Эльгутми и эмир Сейфеддин Балабан Эттюрки, не застали уже хана Менгу-Темира, на его место вступил Тутаменгу. «Это (прибытие) было в джумадиэльяхыре 680 года», что соответствует сентябрю – октябрю 1281 г. Далее говорится, что в 1282 г. Туда-Менгу отправил к Калавуну посольство с собственноручным посланием на монгольском языке⁷, извещая, что он принял ислам, вступил на престол и установил (у себя) законы мусульманские, и просил у султана прозвище из имен мусульманских, которым он мог бы называться, знамя от халифа и знамя от султана, да наказы, чтобы он мог двинуться с ними в поход и выступить навстречу врагам религии. После вторичного посольства от Туда-Менгу в 1287 г., султан Калавун послал хану разные подарки и в том числе клейменные лошади, с седлами и уборами к ним, всего 6 штук⁸.

В летописи Рукнеддин Бейбарса (†1325 г.) повторен этот рассказ и затем сообщено: «В 686 году (=1287–1288) Тудан-Менгу обнаружил помешательство и отвращение от занятий государственными делами, привязался к шейхам и факирам, посещал богомоллов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого. Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от царства в пользу братнина сына своего, Тулабуги, да что его душа обрадовалось этому. И согласились с ним жены,

⁶ Никоновская лет. – С. 162–164.

⁷ Монгольской письменности тогда не существовало, переписка велась уйгурским письмом на языке, по всей вероятности, уйгурском, т.е. турецком.

⁸ «Сборн. матер. к истории Золотой Орды». – С. 68–69.

братья, дяди, родственники и приближенные. Царствование его продолжалось около 5 лет»⁹.

В другом месте тот же автор, говоря о жене хана Менгутемира, Джиджик-хатун, сообщил, что она правила государством во время мужа своего и в царствование Тудан-Менгу, севшего на престоле после него¹⁰.

Итак, несомненно, что 80-х годах XIII столетия, в течение около 5 лет, а может быть немного больше¹¹, царствовал в Орде Тудан-Менгу, о царствовании которого в наших летописях нет никаких сведений. Во всяком случае русские летописцы не правы: период ханствования Тудан-Менгу доказывается монетами и дипломатическими документами; а время ханствования Тулабуги определяется мусульманскими источниками с 1287–1288 по 1291 год.

Значит, Тудан-Менгу освободил престол в Золотой Орде, отказавшись от власти, чтобы перейти в частную жизнь отшельника. Год смерти его неизвестен, а потому нет никакого препятствия допустить, что Тудан-Менгу, спустя пять лет после отречения, пошел войной в Россию, разумеется, если его «помешательство» не имело опасной формы. Мусульманский святоша едва ли откажется от участия в войне с неверными, так как подобная война поощряется исламом.

Однако, мы не можем остановиться на этом решении вопроса, потому что оно встречает и возражения, более или менее существенные. Прежде всего, почему царь Дюдень называется сокращенно, без прибавления имени «Менгу»? Затем, указанное в наших летописях родство царя Дюдены с ближайшими к нему ханами не соответствует действительности. Правда, сокращения в собственных именах татарских ханов случались; так, брат Батыя Орда-Ичен называется просто Урда; правда, что и мусульманские писатели не всегда верно разбирались в родстве ханов, например Тулабуга является то братом, то сыном Менгутемира, братом и племянником хана Тудан-Менгу¹². Но есть обстоятельство более важное которое устранить трудно, а именно:

⁹ Там же. – С. 105–106. Может быть Тулабуга фактически управлял ханством и ранее 1287 г., тогда объяснялось бы, почему наши летописи с 1284 г. называют Тулабугу царем, и объяснилась бы приписываемая Тудан-Менгу фраза; что он уже отрекся от царства в пользу Тулабуги.

¹⁰ Там же. – С. 109.

¹¹ О пятилетнем сроке говорил Рукнеддин Бейбарс, который полагал вступление Тудан-Менгу на престол в 681 г. (1282–1283 г.). Там же. – С. 104. Но послы Калавуна указывали на 680 г. (1281), как сказано выше.

¹² Сборник. – С. 67, 105–106, 155, 381, 435.

В ханской семье в тоже самое время был другой *Дюдэн* – по арабскому чтению: Тудан. Так назывался шестой сын Менгутемира-хана, следовательно – племянник Тудан-Менгу хана. У второго Тудана не было дополнительного имени, он имел титул царевича и действительно приходился хану Тохте братом¹³.

По свидетельству Рукнеддина Бейбарса, у Менгутемира-хана было девять сыновей: 1) Алгуй, 2) Бурлюк, 3) Сарайбуга, 4) Тогрулджа, 5) Малаган, 6) Тудан, 7) Токту, 8) Кадан, 9) Кутуган. Из них у нас были известны Алгуй, как противник хана Тохты, своего брата¹⁴, Тогрулджа – отец хана Узбека¹⁵, Тудан и хан Тохта.

Эти братья, при подстрекательстве всесильного Ногая, разделились на два враждебные лагеря; Бурлюк, Сарайбуга и Тудан были сторонниками Тохты, прочие же пристали к Тулабуге и погибли вместе с ним. Сарайбуга потом восстал против своего брата; Тудан же оставался верен хану, по крайней мере мусульманские писатели, очень подробно описавшие этот период, о противодействии Тудана своему брату ничего не сообщают. Это соображение, пожалуй, говорит в пользу Тудана, который мог быть отправлен Тохтой с ратью в Россию.

Повидимому, более вероятно имеет предположение считать нашим Дюденем этого второго Тудана; но только он не был царем, т.е. ханом. Значит, где-нибудь наш летописец ошибся. Если под Дуденем у него подразумевался действительно царь, то он не был братом Тохте; если же летописец говорил о брате Тохты, то не имел права называть его царем, чего и нет в некоторых летописных списках. Невольно

¹³ Имя *Тудан* встречалось у монголов и раньше. См. «Сборник летописей» соч. Рашид эд-Дина, перев. И.Н.Березина (Труды Вост. отд. И.Р.А.О., ч. V, СПб., 1858, стр. 47; ч. XIII, СПб., 1868. – С. 29, 141 и др.).

¹⁴ «Заратися Тогта с Телебугою и с Алгуем, и поможе Бог Тогте» (Лаврентьевская лет. – С. 499). В Никоновской: «заратишася по Орде цари Тохта с Телебугою и Соолгуем, и одоле Тохта. Того же лета Ногой царь уби Телебугу царя и Саолгуя» (стр. 168). Здесь *со* есть предлог и надо читать: «со Олгуем». Соответствующим образом следует понимать написание «и Саолгуя». В чтениях летописей ошибки не редки. Укажу для примера один случай в Лаврентьевской летописи: «и вставиша на сани Чернысе Русину» (стр. 457). В примечании сказано, что это можно принять за собственное имя. Я предлагаю читать: черны, серу, сину (ю) т.е. сани были покрыты черною и синею тканями.

¹⁵ В генеалогической таблице Джучидов у Лэн Пуля хан Узбек определен сыном Тулабути («Мусульманские династии» перевод В.В.Бартольда. СПб., 1899. – С. 199), между тем мусульманские писатели согласно называют Узбека сыном Тогрулджи. В Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым, упоминается Азбък Таврулович (Первое изд. – С. 123). Таврул = Тогрул.

напрашивается подозрение: не смешал ли летописец хана Тудана-Менгу с царевичем Туданом и не составил ли из двух лиц одного? Где было ему вникать во все тонкости ханского родословия, когда он не отметил ханствование Тудана-Менгу?

Вот как трудно разбираться в истории Золотой Орды.

Что же дают нам мусульманские летописи? Они восстанавливают царствование хана Золотой Орды Тудана-Менгу, относительно которого у нас пробел, и указывают на царевича Тудана, давая его генеалогию.

Насколько сбивчиво передаются в русских летописях события в Золотой Орде, можно видеть из следующего примера. Никоновская летопись передает под 6799 (= 1291) г., что Тохта одолел Телебугу, а Ногай убил Телебугу; это совпадает и с мусульманскими источниками. Но далее сказано: «В лето 6802 (= 1294). Царь Тахта сяде на царстве во Орде, а Ногай царя Ординскаго победи» (стр. 169). По мусульманским писателям Ногай был убит в 699 г. гиджры (= 1299 – 1300 г.)¹⁶. Стало быть Тохта победил Ногай не тогда, когда сел на царство, как можно заключать на основании приведенной фразы, а несколько лет спустя после воцарения.

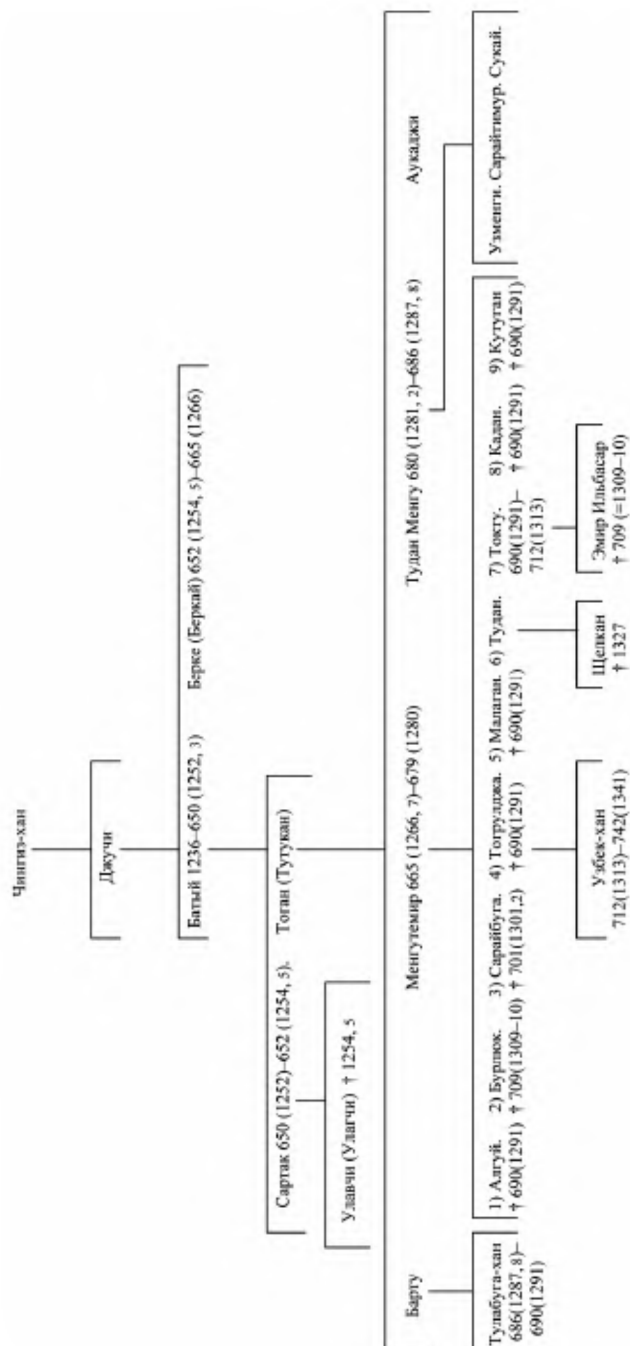
Прошло после появления у нас Дюдены 34 года, и мы опять встречаем это имя, но уже в качестве отчества.

«В лето 6835 (= 1327). Прииде во Тверь посол силен зело царевич Щелкан Дюденевиц из Орды, от царя Азбяку; бе же сей братаничь царю Азбяку; хотя князей Тверских избити, а сам сести на княжение в Твери, а своих князей Татарских хотя посажати по Русским градом... уведав же сия князь велеки Александр Михайлович... поиде на него... и едва к вечеру одоле Александр, и побежа Щелкан Дюденевиц на сени, и зажгоша под ним сени и двор весь княже Михайлов, отца Александрова, и ту згоре Щелкан и с прочими татары»¹⁷.

Кажется, нет основания сомневаться в том, что под Дюдением здесь разумеется Тудан, сын Менгутемира; в таком случае Щелкан действительно приходился бы Узбеку хану двоюродным братом. Вместе с тем выясняется происхождение посла Щелкана, так трагически погибшего в Твери.

¹⁶ «Сборник». – С. 113.

¹⁷ Никон. лет. – С. 194. Имя этого царевича пишется: Щолкан (Новгородская первая. – С. 74, Софийская первая. – С. 217), Шевкаль (Тверская. – С. 415, 465). Подробные сведения см. В.С.Борзаковский «История Тверского княжества». СПб., 1876. – С. 120–124. В Древних Российских стихотворениях этот царевич называется Щелкан Дюдентевич. Сборн. Кирши Давилова в изд. П.Н.Шеффера, СПб., 1901. – С. 13–14.



Родославная таблица первых Чингизидов в Золотой Орде.

II. Золотоордынский хан Тохта (1291–1313 гг.) и царевич Токтомир.

Имя этого хана, как указано нашими нумизматами, пишется: Токта, Токту, Токтогу, с присоединением разных титулов, как например, хан, бек и др.¹⁸

С этим ханом существует целый ряд недоразумений. Прежде всего надо поставить вопрос о его возрасте. У мусульманского писателя шейха Эль-Бирзали, жившего в XIII–XIV в., сказано: «в 712 г. умер царь Дешт-Кипчака и прилегающих к нему, входящих в его состав, государств, известный под именем Токтатая; говорят, что он умер в месяце реби-эль-эввеле¹⁹ в столице своего государства, прожил около 30 лет. Царем он пробыл 23 года, потому что вступил на престол государства 7 лет от роду»²⁰. Тоже повторяли, со слов Эль-Бирзали, другие мусульманские летописцы: Эд-Дзехеби, Ибн-Кесир и Макризи²¹.

Это известие совершенно не соответствует действительности и не сходится с другими показаниями мусульманских же источников. Начнем с того, что на основании приведенного свидетельства Тохта должен был родиться в 1281 году или в 1282 г., т.е. спустя год или даже два после смерти своего отца, Менгу-Темира, скончавшегося в июле 1280 г. Между тем, по летописи Рукн эд-Дина-Бейбарса, Тохта был не самым младшим сыном Менгутемира²². Так как Тохта вступил на престол не раньше 1291 г., то ему тогда было не семь лет, а все-таки больше. Продолжим расчет дальше. В 709 г. (=1309) умер младший сын Тохты, царевич Ильбасар (вар. Ирбысар), про которого сообщается, что в 700 г. (1300,1) он был отправлен отцом, вместе с братом Тукулбугой (вар. Букулбуга), в бывшие владения Ногай и что он устроился на р. Яик²³. Следовательно, в этом году Ильбасар был достаточно взрослым. Могло ли это быть, если самому Тохте в 1300 г. было 18–19 лет? У Эн-Нувеири сказано, что смерть Ирбысара последовала в

¹⁸ Френ, «*Recensio num. muham.*». «Монеты ханов улуса Джучиева». Савельев «Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские» (Труды Вост. отд. И.Р.А.О., т. III, СПб., 1858. – С. 383–386, 476–482).

¹⁹ Т.е. в июле 1312 г., что не подтверждается другими сведениями. (См. – С. 277).

²⁰ Тизенгаузен «Сборник матер.». – С. 174.

²¹ Тизенгаузен «Сборник». – С. 206, 276–277, 437.

²² Там же. – С. 104.

²³ Там же. – С. 117–119, 123, 384.

707 г. (= 1307,8) и что он исполнял при отце должность командующего войсками²⁴. Это свидетельство заслуживает особого внимания.

Если обратимся к русским летописям, то не найдем там никаких намеков на малолетство хана Тохты при вступлении на ханство в 1291 году, а это обстоятельство, как-нибудь отразилось бы на известиях о поездках наших князей в Орду, поездках тогда особенно частых: ведь должен же был кто-нибудь стоять за спиной царственного мальчика, если мусульманские известия справедливы, а такое лицо приходилось бы ублажать всякими способами пуще самого хана. Однако наши летописцы говорят о Тохте, как о хане суровом и самостоятельном.

И в русской литературе с ханом Тохтой произошло недоразумение, виновником которого явился известный ориенталист и нумизмат П.С.Савельев. Занимаясь монетами золотоордынских ханов, он встретил в богатом тетюшском кладе монету с именем Мир Токта, признал ее принадлежащею хану Тохте, прочитал на ней 681 год (1281/2) и высказал новую теорию о ханствовании этого хана: «Опираясь на нашу монету с четким и сугубым начертанием 681 года²⁵, можем положительно отвечать, что по смерти Менгу-Тимура, этот младший из его сыновей, Токта или Токту, был провозглашен ханом. Смуты того времени и характер Ногай дают право предполагать при этом, что провозглашение Токты ханом последовало от этого могущественного временщика, желавшего неограниченно управлять ордами во имя малолетнего правнука Батыева. Но нашлись соперники и претенденты на ханство: сперва дяди Токты, потом его старшие братья. Ногай признал тогда для себя выгоднейшим устранить Токту, признать ханом одного из дядей и возбуждать междоусобия между претендентами, соединенные силы которых могли быть ему опасны; он вскоре достиг того, что в разных частях Орды правили одновременно четыре хана²⁶, равно страшившиеся Ногай и искавшие его союза, а ему не опасны. Токту, неизвестно где, скрывался в течение этого смутного десятилетия; но лишь только достиг он совершеннолетия и престола, как первым делом своим поставил сокрушить могущество Ногай»²⁷.

Вот сколько настроено предположений по поводу одной монеты, притом довольно странной²⁸. Золотоордынские монеты далеко не

²⁴ Там же. – С. 162.

²⁵ На монете по уверению Савельева, год выбит дважды.

²⁶ Кто были эти четыре хана, Савельев не указал, мне же они неизвестны.

²⁷ Труды Вост. отд. И. Рус. Арх. Общ., ч. III, СПб., 1858. – С. 385.

²⁸ Это не единственной грех Савельева по отношению к Золотой Орде. Так вследствие неверно прочитанной монетной надписи, Савельев сочинил золо-

всегда надежный материал, в особенности по части хронологии²⁹. Странная особенность этой монеты та, что на ее лицевой стороне, как утверждает Савельев, год изображен дважды, чего обыкновенно не бывает. Академик Френ отделял монеты Токтогу хана (Тохта) от монеты Токтубека, в котором признал Токтомеря, причем заметил, что «эмир» равносильно «беку»³⁰. Монета, описанная Савельевым, допускает иное чтение, а именно: «Туктамыш» причем окончание *мыш* (а не *мир*) отделено, что на монетах Тохтамыша встречается часто. Надо еще заметить, что на монете Токтемира изображено украшение из двух пересекающихся петел, какое часто встречается на монетах Тохтамыша, а также и других ханов; но никогда не попадает на монетах Тохты, оно появляется позже. Только год 681-й к Тохтамышу не подойдет³¹.

Когда Савельев излагал предположение о неизвестном скрывательстве Тохты, то приходится думать, что он руководствовался рассказом хивинского хана Абуль-Гази, писателя середины XVII столет., который писал: «Туктогу хан, сын Мангу-Тимура хана, принужденный бежать от притеснений, покинул страну, но через некоторое время вернулся во главе многочисленной армии, которую собрал, и напав на Туда-Мангу хана, лишил его трона и жизни»³². Абуль-Гази никак не может быть поставлен наравне с другими источниками, особенно же с показаниями современников, что можно видеть, между прочим, из того, что Абуль-Гази определяет время ханствования Тохты шестью годами.

тоордынского хана Хасана (стр. 413–416). Произошло это от того, что отнесенное в отдельную строку, за недостатком места, окончание *мыш* Савельев читал Хасан, между тем там стоит Токтамыш. Этим дело не ограничилось, Савельев еще дал нам несуществовавшего хана Алп-Ходжу (стр. 419–422), потому что читал Алп, когда на монетах изображено Али. На эти промахи мне указал А.К.Марков. Вот какой опасный источник золотоордынские монеты. Также подозрительны Джанибеки второй и третий.

²⁹ Мне уже приходилось указывать, с какою небрежностью ордынские резчики изображали на штемпелях цифры годов (см. «Загадочный Гюлистан Золотой Орды» в Записках Вост. отд. И.Р.А.О., т. XXI, СПб., 1912), и повторять тоже нет надобности.

³⁰ Френ «Монеты ханов улуса Джучиева». – С. 5. Савельев, «Монеты Джучидские» и проч. (Труды Вост. отд. И.Р.А.О., ч. III. – С. 477–478).

³¹ А.К.Марков, признавая эту монету за подражание Тохтамышевым, предлагает читать год, как выбитый обратно, 782-й, когда Тохтамыш утвердился в Золотой Орде.

³² Aboul-Ghazi, «Histoire des Mogols et des Tatares» trad. par le Baron Desmaisons. St. Petersburg. 1874, p.183.

Френ первый отождествил Токтубека с Токтемиром русских летописей; но он почему-то упустил из виду, что арабский титул «эмир», повелитель, еще со времен первых халифов ставился, как ставится и теперь, впереди собственного имени: эмир Тимур, мир Хайдер, а не Тимур-эмир, не Хайдер-мир. Савельев очевидно под влиянием Френа, хотел видеть на монете слово «мир» и говорил: «С этим титулом встречается его (Тохты) имя и в наших летописях: царь татарский, имя ему Токтомер (Карамз., т. IV, прим. 182), т.е. Тохта-Мир, Мир-Тохта»³³. Выходит, следовательно, что русский летописец очень тонко разобрался в имени Мир-Тохта, отделил титул от собственного имени; но при этой операции промахнулся: поместил титул «эмир» в конце, что вышло против установленных у мусульман правил. В таких манипуляциях наши летописи не невинны. Савельев поступил хитрее, он сказал: Токта-Мир, Мир-Токта.

Но никаких манипуляций со словом Токтомер и не следует производить, потому что в нем никакого «эмира» нет, а есть слово «Темир» (железо), как Менгу-Темир, Пулад-Темир, Хозь-Темир и другие подобные имена. Конечно, правильнее произносить: Тимур; но и знаменитый Тамерлан у нас писался Темир Аксак, что впрочем, допустимо и на востоке. Имя Токтемир и другие близкие к нему были у чингизидов довольно распространены. У Джучия был сын Тука-Тимур; Рукн-эд-Эдин Бейбарс под 701 г. (=1301,2) упоминает Токттемира и тут же он говорит о Тохте³⁴, т.е. эти имена у него различаются; в Крыму был Токтемир, сын севаста Стефана (1320)³⁵. И в то же время нигде не встречаем прибавления слова Темир к имени Тохты, ни на монетах, ни в летописях, как египетских, так и русских.

Перейдем к нашим летописям, которые хорошо знали имя Тимер в связи с другими именами, напр. Тукатемер³⁶, Тайтемер³⁷ и др., и никогда не затруднялись в передаче их.

В Лаврентьевской летописи под 1294 г. сказано: «Тое же зимы цесарь Тотарский приде в Тферь, имя ему Токтомерь, и много тагости людем ученив, пойде всояси»³⁸. Цесарь значит царь, т.е. хан. Нико-

³³ Савельев «Монеты Джучидов». – С. 384.

³⁴ Тизенгаузен, Сборник. – С. 118.

³⁵ Архимандрит Антонин, «Заметки XII–XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре». (Записки Одес. Общ. Ист. и Др., т. V, стр. 596 (№2), 623 (№193).

³⁶ Лаврентьевская летопись. – С. 498.

³⁷ Воскресенская летопись. – С. 187.

³⁸ Лавр. лет. – С. 460. Года в летописи нет, так как недостает листа, 1294-й

новская летопись называет его не цесарем, а царевичем: «Того же лета (6801) царевич Татарский именем Тохтамир прииде из Орды на Төөр, и многу тягость учини людем»³⁹, а через несколько строк ниже говорится о Тохте, подобно тому, как и у мусульманского летописца. Ясно, кажется, что хан Тохта и царевич Тохтемир два различных лица. Странно, что Тверская летопись, а также Новгородская о походе на Тверь царевича Токтемира ничего не говорят. Если бы приходил действительно цесарь, т.е. хан, то это было бы событие крупное и сопровождалось бы жестокими бедствиями; о нем говорили бы не мимоходом, а подробно.

На оснований изложенного я полагаю: 1) к монете, описанной П.С.Савельевым и пока единственной, надо отнести по крайней мере с осторожностью впредь до появления новых экземпляров, которые могут пополнить ее пробелы; 2) Токтомир не есть Токта-Эмир, а Ток-Темир⁴⁰; 3) Тохта и Токтемир – два различных лица; 4) Токтемир не хан, а царевич⁴¹, родословия которого нам не известна.

год выставлен издателем, но следует, на основании Никоновской летописи, переделать в 1293-й, как и поступил В.С.Борзаковский («История Тверского княжества». – С. 89).

³⁹ П.С.Р.Л., т. X. – С. 169.

⁴⁰ Слово ток существует у татар в двух видах: одно свое собственное и значит «сытый», другое усвоенное из арабского языка в значении «свода», «купола».

⁴¹ Слова царь и царевич, писавшиеся под титулами, легко могли быть смешиваемы переписчиками летописей.

Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время*

Один из влиятельнейших темников Золотой Орды, Ногай (по монгольски: Нохай – «собака»), именем которого назвался, называется и теперь, некогда многочисленный степной народ – Ногайцы, под конец своей долгой и боевой жизни усилился до такой степени, что основал особое владение и в международных сношениях занял положение одинаковое с ханским. Русские летописи иначе не величают Ногая, как царем, что равносильно хану; некоторые мусульманские писатели придавали ему титул мелик (царь) наравне с прочими ханами¹. В этом отношении наши исследователи смотрят на Ногая различно. Архимандрит Леонид без каких либо оговорок назвал Ногая ханом²; А.К.Марков, признав Ногая не только ханом, но и основателем кратковременной династии Ногаидов, привел в пользу этого положения ряд соображений³; профессор В.Д.Смирнов видел в Ногае только эмира и временщика⁴.

Этот вопрос имеет существенное значение и в нем следует разобраться, потому что Ногай оставил крупный след в истории Золотой орды, а следовательно и в истории России. Его деятельность охватила огромный район, коснувшись даже Балканских народов и Византии. Он своими интригами вызвал смуты в Орде, которые в конце концов подорвали силу татар и помогли русским князьям сбросить татарское иго.

* [Настоящая работа была принята Отделением ИФ для напечатания в «Записках» Отделения 20 апр. 1916 г., за два года до смерти автора; к печатанию приступлено в октябре 1921 г., через 3 ½ года после смерти автора. При чтении корректуры я старался придерживаться рукописи. Этим объясняется некоторая непоследовательность правописания (названия народов пишутся то с прописной буквы, то со строчной, и т.п.). В.Б.]. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Записки РАН. Серия VIII. Том XIII. № 6. – Петроград: Российская Государственная Академическая типография, 1922. – 58 с.

¹ Так по Эль-Муфаддалю, дважды назвавшего Ногая меликом, причем этот историк пояснил, что Ногай сидел на престоле царства Берке (Тизенгаузен «Сборник». – С. 195–196). Тизенгаузен видел здесь ошибку и полагал, что Ногай поставлен вместо Тохта.

² «Хан Ногай и его влияние на Россию и южных Славян» (Чтение в И. общ. Ист. и Древн. Российских. 1868, кн. III).

³ «О монетах хана Ногая» (Труды Москов. Нумизмат. Общ., т. III).

⁴ «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты», СПб., 1887, 98, 101.

О Ногае упоминают летописи разных народов, а именно: русские, польские, болгарские, сербская, византийская, армянские и мусульманские. Благодаря такому обилию источников, Ногай является перед нами, можно сказать, в ярком освещении, более ярком чем то, в каком оказываются наиболее выдающиеся ханы Золотой орды. Мусульманские летописи, по обилию подробностей и по обстоятельности изложения, должны быть поставлены на первом месте, во-первых, потому, что в то время мусульманская историография достигла высокого развития, и потому во-вторых, что египетские историки интересовались Ногаем, как видным деятелем в Орде, и старательно заносили о нем сведения в свои исторические записи, не упуская из виду даже его изречения.

Мусульманские писатели показали нам также, какую выдающуюся роль в Золотой орде играли влиятельные женщины; эта роль, основанная на интригах и преследовании личных интересов, вредно отзывалась на сплоченности государства, вела к переворотам, а потому и не прошла бесследно в истории Орды. Об интригах ханьш в главной орде мы отчасти имели сведения; но какое участие проявляли они в улус Джучиевом во время Ногая, это выяснили нам только историки мусульмане.

Генеалогия Ногая представлена у мусульманских историков не одинаково. Все египетские и сирийские согласно называют Ногая сыном Татара, у которого отец был Могол, т.е. Монгол⁵, сын Джучия, первенца Чингиз-хана. Рашид эд-Дин отцом Ногая указывает также Татара; но дедом называет не Монгола, а Буфала, или по другому чтению Букала⁶. У других мусульманских писателей дед Ногая именуется

⁵ Тизенгаузен Сборник. – С. 109, 152, 380 и др.

⁶ Рашид эд-Дин «Джами'-эт-теварих», в изд. Blochet, p. 122, 139.

Мне кажется, что Блоше ошибся, отождествив Татара с Тутаром. В примечании он привел текст из *معز الانساب* соч. XV в. (о нем см. Бартольда В.В. «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», СПб., 1898–1900, II. – С. 56) и приписал Татару колдовство против Гулагу, которое, по Рашид эд-Дину, устроил Тутар. По тексту же Рашид эд-Дина видно, что Тутар был родственником Татара (خویش хыш), причем указано и родословие Тутара: он был сын Сенгкура, сына Джучия, следовательно, приходился Ногаю дядей [по генеалогии в изд. Блоше 122 и сл. *قوتار* (sic) сын *مينكندور*, сына *بوقال*, т.е. двоюродный брат Ногая. В Б.]. У Рашид эд-Дина (изд. Катрмера. – С. 225, 359) он называется Тутар огул и встречается ошибочное начертание Тумар, Бутар. Последний вариант находится в рукописи, принадлежащей Академии Наук, восточной пагинации л. 297, европейской – 281а. Выписки из этой рукописи обязательно сообщил мне Бартольд В.В.

Тевал⁷; это же имя приведено и в армянских источниках⁸. Рашид ад-Дин определяет Буфала (или Букала) седьмым сыном Джучи⁹. У этого царевича, хотя умершего рано, осталось многочисленное потомство, а именно, пять сыновей законных и несколько побочных, от наложниц. Незаконные сыновья у монголов были ограничены в правах, что наблюдалось строго. Им не давали улусов, они не могли претендовать на ханский трон¹⁰. Ногай и принадлежал к этой категории, как происходивший от седьмого сына. Мы застаем Ногая в Золотой орде предводителем войска, по русский темником, т.е. начальником 10000 воинов.

Движение Гулагу в Персию сразу же и надолго поставило этого государя в общение с Джучидами, сперва союзническое, потом враждебное, сильно ослаблявшее обе стороны.

У Эн-Нувейри находим рассказ о попытке Боракшины вступить в сношение с Гулагу еще до вступления на ханство Беркая: Боракшин, жена Тогана, сына брата его Бату хана¹¹, захотела, чтобы власть над Северными странами после смерти Сартака достались сыну ее, Тудаменгу¹². Она обладала обширным умом и умением распоряжаться. Но с нею не согласилась на это ни ханы, сыновья Бату хана, дяди сына ее, ни темники. Увидев их сопротивление, она вошла в сношение с

⁷ Об этом см. О. Wolff, «Geschichte der Mongolen oder Tataren», Breslau, 1872, S. 408. Лэн-Пуль, «Мусульманские династии», СПб., 1899, стр. 185 и 199 – генеалогия Джучидов.

⁸ К.П.Патканов «История Монголов по армянским источникам», вып. I. – С. 100.

⁹ «Сборник летописей», изд. Блошэ. – С. 121.

¹⁰ Известны факты, по которым видно, что у Монголов незаконный сын мог быть лишен участия в семейном жертвоприношении и тем как бы отлучался от своей семейной общины. Так Бодуаньчар, отдаленный предок Чингиза, сделал одну женщину своею побочною женою и она родила по имени Чжаоуредай. При жизни своей Бодуаньчар сделал его законным сыном и позволил ему участвовать в жертвоприношениях. Когда же Бодуаньчар помер, то законный в действительности сын его, Хабичи, во время семейного жертвоприношения, когда происходит раздел мяса, освященного вкушением от душ предков, устранил Чжаоуредая. (Юань-чао-ми-ши, в трудах Пекинской Духовной Миссии, ч. IV, СПб., 1866. – С. 30). Этот случай дал архимандриту Палладию Кафарову основание высказать мысль, что в семейных обрядах монголов имели участие только дети законные, или от главной жены и что жертвоприношения предкам были узы, соединявшие членов семейства и рода. (Там же. – С. 168 и 178).

¹¹ По мусульманским же писателям Тоган был сын Батыя.

¹² Это наиболее раннее упоминание о Тудаменгу, который в последствии был ханом.

Хулаку, сыном Тули, послала к нему стрелу без перьев и кафтан без пояса и отправила к нему (посла) сказать: «Нет более стрел в колчане и налучье осталось без лука, приходи, чтобы принять царство». Потом она отправилась вслед за послом и старалась добраться до Хулаку и привести его в страны Северные. Народ, узнав, что она замышляет, послал вслед за нею, вернул ее, несмотря на сопротивление с ее стороны; и убил ее¹³.

Когда началась борьба между Беркаем и Хулаку, Ногай проявил в ней деятельное участие. Об этой борьбе сообщили нам египетские и сирийские историки, из которых некоторые были современниками происходивших событий, и персидские, подробно изложившие историю своего государства за период монгольского владычества; наконец, армянские. Начнем с первых, писавших исключительно по арабски.

Ибн-Васыл († 697 г. = 1297–8) сообщил: В 662 г. (= 1263–4) произошла вражда между татарами Хулавун и Берке. Хулавун выступил из страны Восточной и направился в земли Берке. Оба войска встретились и между ними было убито народу, количество которого известно только Аллаху всевышнему¹⁴. Причина войны, указанная Ибн-Васылем, кажется довольно странно, будто бы Чингиз-хан предписал, чтобы с каждой области, которая будет завоевана, треть доходов доставалась дому Берке, треть дому Чингиз-хана и треть воску Чингизову¹⁵. Когда Чингиз-хан умер, то никто из татар не отступился от решения его и от того, что им было предписано, но Хулавун все оставил себе. Берке и задумал восстановить свое право при содействии египетских султанов.

У Ибн-Васыля приведены подробности, которые не встречаются у других историков. Когда Хулавун узнал, что Берке вошел в сношение с Эль-мелик эз-Захыром для одновременного нападения на их общего недруга, то Хулавун снарядил войско и направился в земли Берке; перед этим Хулавун пришедшим от Берке послам отсек головы. Хулавун прибыл к р. Куре и дошел до Темиркапу. Берке, узнав о прибытии Хулавуна в земли его, решил страну предоставить ему на волю, чтобы никто перед ним не являлся, и никто с ним не вступал в бой. Затем они покинули страну на 15 дней (пути). Когда Хулавун переправился

¹³ Сборник. – С. 150. Рассказ о том же Ибн-Хальдуна. – С. 378. Эль-Айни сообщил, что Боракшина была утоплена. Там же. – С. 506.

¹⁴ Сборник. – С. 73.

¹⁵ У Эль-Муфаддала деление доходов произведено на 5 частей: две части Великому хану, две части войск, а одна часть дому Батыеву. Там же. – С. 188.

через Куру, то он нашел страну покинутую и войско Берке бежавшим. Войско Хулавуна вторглось в страну, произвело опустошение, награбило (разное имущество), как-то: коров и овец, и тому подобное. Когда Берке услышал, что войско Хулавуна уже вторглось в страну, он сделал воззвание к войску своему, чтобы сядил на коня всякий, кому 10 лет (и более) от роду. Село народу столько, что не видно было ни начала, ни конца. Что же касается Хулавуна, то он спозаранку был уверен, что овладел страной Берке. Увидев вдруг, что воздух зноен и горяч, он сказал находившимся при нем: Что это за знойный воздух? Вышли, (опять) вошли к нему и сказали ему: Знойность этого воздуха происходит от дыхания коней. В войск Хулавуна находился старец, по имени Самгар. Он (Хулавун) потребовал его к себе и сказал ему: Во сколько (человек) ценишь ты это войско? Самгар ответил, что не знает численности этого войска¹⁶. Тогда Хулавун постановил, что всякий, кто переправится через р. Куру раньше Кана, умрет. Затем Хулавун обратился в бегство с теми Монголами, которые находились при нем из отборного его войска. Когда он перешел через реку и переправился (через нее), то позади его войско было разбито. Татары столпились в бегстве и снег под ними провалился. Это было снежное пространство на протяжении трех дней.

Из татар не спасся ни один, который мог бы передать весть (о случившемся). Все, которые убежали вперед, утонули, а те, которые отстали, были убиты. Что касается утонувших, то число их неизвестно: те же, которые отстали, все были убиты. Когда прибыл Берке и увидел место побоища, то он приказал собрать убитых (в одно место). Собрали их и составили из них 3 бугра (или) больших холма. Дожди и ветры успели уже вылощить их и кости убитых уже побелели. Путешественники видели их на расстоянии 2 дней (пути). Это сражение называется событием Темиркапуским¹⁷. Хулавун бежал с небольшим отрядом. Автор летописи (т.е. Ибн-Василь) говорит: Когда Берке прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: «Да посрамить Аллах Хулавуна этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то мы покорили бы всю землю»¹⁸. О Ногае Ибн-Василь не упомянул.

Другой историк, Руки эд-Дин Бейбарс († 1325 г.), записал: В 653 г. (1255–6) произошло сражение между татарскими царями Берке,

¹⁶ Смысл ответа тот, что войско Берке было бесчисленное.

¹⁷ Темир-капу значит: «Железные ворота» – Дербентский проход.

¹⁸ Сборник. – С. 74–75.

сыном (читай: братом) Бату, и Хулаку, сыном Тули; поражение понес Хулаку. С этого времени началась война между ними, и вражда между этими двумя народами стала наследственной. К числу тех, которые участвовали в упомянутой битве, принадлежит Ногай, сын (Татара, сына) Могола, сына Душихана. Он был ранен в один глаз и стал одноглазым¹⁹. Здесь, несомненно, ошибка в хронологии, в 653 г. Не могла произойти битва между Гулагу и Беркаем; может быть этот историк ошибся и относительно времени потери Ногаем глаза, отнеся это обстоятельство не к той битве, к которой следовало.

Далее он пишет: В 663 г. (1264–5) вступил на престол Абага²⁰ и снарядил рать на войну с войсками Берке²¹. Столкновение произошло в следующем году, о чем Рукн эд-Дин Бейбарс умолчал.

Подробности же этих двух сражений находим у других писателей. Эн-Нувеири (род. 1279 г. † 1333г.) изложил событие следующим образом: в 653г. (повторение ошибки своего предшественника) была война между Берке и Хулаку, царем Хорасана, обоих Ираков и соединенных с ними земель. Это (произошло) от того, что Хулаку, получив письмо от Борақшин, жены Тогана, как мы сказали выше, захотел завладеть этим государством, чтобы присоединить его к тем владениям, которые находились в руках его. Он снарядился и отправился туда (в Кипчак) с войсками своими, но прибыл (уже) после умершего Борақшин, восшествия Берке на царский престол и утверждения его власти. Когда до Берке дошло известие о Хулаку и о приближении его к владениям, то он двинулся войсками своими навстречу ему. Между обоими находилась река, называемая рекою Терек, вода которой, вследствие сильной стужи, успела замерзнуть. Хулаку переправился через нее с войсками своими в земли Берке. Когда они сошлись и сразились, то Хулаку потерпел поражение. Прибыв к этой реке, сподвижники его (Хулаку) хлынули на нее; она (ледяная поверхность) проломилась под ними и множество народу из них утонуло. Хулаку вернулся с оставшимися у него людьми в свои земли. С этого года началась война между ними. В числе лиц, принявших участие в этом сражении вместе с Берке, был сын дяди его²², Ногай, сын Татара, сына Могола, сына Чингиз-хана. Ударом копья он был ранен в глаз и стал одноглазым²³.

¹⁹ Там же. – С. 121.

²⁰ Имя этого государя пишется различно: в арабских рукописях: Абага (ابغا), в персидских: Абака (ابقا).

²¹ Сборник. – С. 121.

²² В действительности Ногай был сыном племянника Беркая.

²³ Сборник. – С. 151–152.

О второй битве, особенно прославившей Ногая, тот же историк сообщил: в 663г. (1264–1265) была война между войсками Берке и войсками Абаги, сына Хулаку, вследствие того, что когда Хулаку умер в этом году и после него вступил (на престол) сын его Абага, то он снарядил войско для войны с Берке. Узнав об этом, он (Берке) снарядил войско и поставил над ним Ису (читай: Йесу) Ногай²⁴, сына Татара, сына Могола, который двинулся в авангард. Потом он послал вслед за ним другого начальника, по имени Сунтая²⁵ (вар. Ясунтая) с 50,000 всадников. Ногай успел уйти вперед с теми, которые были при нем, и предстал перед войском Абаги; Сунтай же шел по пятам его. Когда войска Абаги увидели Сунтая, приближавшегося с огромною ратью, то они скучились и собрались бежать. Сунтай, вообразив, что они окружили Ногай и бывших с ним (людей), обратился в бегство, без всякого боя. Ногай же погнался за войсками Абаги, напал на них, разогнал их, убил из них множество и вернулся к Берке. Усилилось (с тех пор) значение его у него (Берке) и возвысилось положение его. Он (Берке) поставил его над несколькими тьмами, вина же Сунтая в глазах Берке была велика²⁶.

Эль-Муфаддаль, ссылаясь на летопись шейха Шихаб эд-Дина Абу-Шаме, повествовал, что в 660 г., 27 го дзуль-каада (13 окт. 1262 г.) прибыло в Дамаск из войска татарского 200 конных и пеших, с женами и детьми, бежавших к мусульманам. Они рассказали, что

²⁴ В.Г.Тизенгаузен читал Ису-Ногай, но арабское начертание не допускает такого чтения, оно дает نوغای т.е. Йесу, Ейсу или Иесу. Откуда взялось это прибавление у арабских писателей, неизвестно; но едва ли оно ими выдуманно. Неизвестно так же, что оно значит. Марков А.К. читал Иесун Нохай и переводил «железная собака» (О моментах хана Ногай); но железо называется у монголов тэмур, слово же иесун можно сближать с езу (или джезу), что означает «желтая медь», или с jīcūn – «девять». Может быть последнее предпочтительнее, потому что у народов северо-восточной Азии мы часто встречаем числительные имена прибавленные к именам народов (Найманы значит «восемь», в Орхонских надписях: Токуз-огуз – «Девять-Огузов», үч-курукан – «Три курыкана», Отуз-татар – «Тридцать татар» и т.д.) и к именам людей: жена Гулагу хана так и называлась Токуз-хатун, что в переводе значит: «Госпожа Девять». Владимирцев Б.Я. указал мне на имя былинного героя Бум-Ердени, что значит: «сто тысяч драгоценностей»; на монгольское собственное имя Мингган-Бу, в переводе: «тысяча ружей»; на монголо-калмыцкое собственное имя Йесте, т.е. «с девятью».

²⁵ Сунтай, как увидим из дальнейшего изложения, был внуком Джагатай.

²⁶ Сборник. – С. 152–153.

войско Хулавуна разбито сыном дяди его, Берке²⁷, что полчища Хулавуна бежали и разбрелись в разные стороны, а эта толпа (в 200 чел.) направилась в земли мусульманские²⁸. Далее приводится и причина войны со слов этих пришельцев. Когда Великий царь Татарский Менгу хан умер, и на его место вступил меньший брат его Арик-буга; старший же брат его, по имени Кубилай хан, отсутствовавший (в то время), обиделся и с войском своим двинулся на брата; Берке оказал помощь Арик-буге и они (сообща) поразили войско Кубилая²⁹. Когда это дошло до Хулавуна, то он огорчился этим и не признал султанства Арик-буги, собрал войско и выступил против Берке. Берке двинулся против него и расположился на земле Грузинской. Хулавун же остановился на степи Сельмасской. Потом произошла между ними битва в окрестностях Ширвана. С обеих сторон было убито много людей. Поражение выпало на долю Хулавуна, и меч работал в войске его 12 дней. Хулавун бежал в крепость Телу, которая находится среди озера Азербайджанского, вошел в нее, отрезал доступ к ней и оставался в ней вроде заключенного.

Эль-Муфаддаль, со слов Алаэддина Ибн-Абдаллаха Эль-Багдади, добавил к этому рассказу еще о другой причине раздора между татарами. Тут и сообщается о делении доходов с завоеванных земель на 5 частей. Когда Бату умер – продолжает Эль-Муфаддаль – и на престол вступил Берке, то Хулавун удержал долю его. Тогда Берке послал к Хулауну послов своих и отправил с ними волшебников, (которые должны были) погубить волшебников Хулавуна. У Хулавуна был волшебник, по имени Якша. Они (послы) наделили его подарками, которые прислал ему Берке, и просили его содействовать им в достижении их цели. Он сошелся с ними. Хулавун приставил к этим посланникам людей для прислуживания им и, в том числе, приставил волшебницу

²⁷ Проще сказать: Берке приходил Хулаку двоюродным братом.

²⁸ Сборник. – С. 187.

²⁹ Какое-то участие хан Беркай проявил в домогательствах младшего брата Хубилая, царевича Арик буги, овладеть императорским престолом. На это указывает армянский историк Киракос и это видно, между прочим, по монетам, чеканенным Беркаем в Булгаре в период 1260–1264 годов с именем Арик буги *ارغ بكافان الاعظم* – «Арик буга каан величайший» (Френ, Монеты ханов улуса Джучиева, стр.2). Следовательно, во все время борьбы Арик буги с Хубилаем, Беркай признавал ханом не Хубилая, а его соперника. Первые Джучиды не чеканили монеты со своим именем, так Батый помещал на своих монетах имя Мёнке-хана и только Менгу-тимур стал чеканить свою именную монету.

из Хатая, по имени Камша, для извещения его о действиях их (посланников). Узнав в чем дело, она уведомила его (Хулавуна) об этом. Он велел схватить их и засадить в крепость Телу, а потом, через 15 дней после взятия их, умертвил их, убив также волхва своего, который прозывался Якшей³⁰. Когда до Берке дошло (известие) об убийении послов и волшебников его, то в нем пробудилась вражда к Хулавуну, и он отправил послов своих к Эль-мелик эз-Захыру, чтобы пробудить его к совокупному действию против дома Хулавуна³¹.

Под 663 г. Эль-Муфаддаль отметил кратко, что Берке напал на Абагу и разбил его³².

Эд-Дзехеби († 748 = 1348–9 г.) под 661 г. записал: Между Хулаку и Берке произошла, страшная стычка и Хулаку потерпел поражение; из сторонников его было убито множество; другие потонули; сам он спасся. В 663 г. Берке настиг и поразил Абагу³³.

Ибн-Кесир († 1373 г) отнес первую битву к 661 г. Будто бы Берке требовал часть завоеванных стран и доходов. Берке кан и Хулаку сразились, и Хулаку потерпел ужасное поражение. Многие из его сторонников были убиты, а большая часть остальных утонула. Он бежал с небольшим отрядом своих людей. Вторая битва отнесена к 663 году³⁴.

Ибн-Хальдун († 1406 г) время битвы на р. Тереке определил 660-м годом (1261–1262). Причина столкновения между Берке и Гулагу иная, а именно: Берке присвоил себе из владений Кубилая ханские области и поставил над ними Сархада, сына брата своего Баджу, исповавшего христианскую веру. Хулаку убеждал его отречься от дяди своего Берке и присоединиться к брату его Кубилаю, занимавшему (главный) престол, (обещая), что отдаст ему ханские области и все, что он захочет, вместе с ними. Проведав об этом плане и (узнав), что Сархад замышляет извести его ядом, он умертвил его и поставил над хаканскими областями брата своего. Хулаку стал требовать возмездия за Сархада и произошла между ним (Хулаку) и Берке битва на реке Тереке в (6) 60 году (1261–1262). Потом Хулаку умер в (6) 63 году. Вступил на престол сын его Абага, который отправился против него (Берке). Берке отрядил для встречи его Сунтая

³⁰ Это известие о колдовстве приводится и в персидских источниках и притом в более понятном виде, о чем будет изложено дальше.

³¹ Сборник. – С. 188–189.

³² Сборник. – С. 194.

³³ Там же. – С. 203.

³⁴ Там же. – С. 275–276.

– сына Митукана, сына Джагатая³⁵ – и Ногая, сына Татара, сына Могола, сына Душихана. Когда оба войска сошлись, Сунтай оробел и обратился в бегство. Перед Ногаем же бежал Абага, и войскам его было нанесено поражение. Вследствие этого возвысилось значение Ногая у Берке и (усилился) гнев Берке на Сунтая, значение которого у него (Берке) было жалко, пока Берке не погиб в (6) 65 году³⁶.

Эль-Макризи (766–854 = 1364,5–1441,2) сообщил: В 659 г.(1260,1) султан (египетский) написал царю Берке, подстрекая его к войне с Хулаку и возбуждая в нем желание к ней. Причиною этого были постоянно получавшиеся известия о том, что Берке принял ислам. В 660 г. (1261,2) из Дамаска и других мест выступили разведчики и захватили множество татар, намеревавшихся двинуться в Египет, чтобы найти себе (там) убежище. (Дело в том, что) царь Берке посылал их на помощь к Хулаку, но, когда между ними (т.е. между Берке и Хулаку) произошел раздор, написал им, призывая их к себе, и приказал им, в случае если они не в состоянии добраться до него, отправиться к войскам египетским. Причиною вражды Берке с Хулаку было то, что в сражении, которое произошло между ними, был убит сын Хулаку, и было разбито войско его. Они (воины Хулаку) разбрелись по (разным) землям, а Хулаку ушел в крепость посреди моря Азербайджанского, и был там (как бы) осажден. Узнав об этом, султан (египетский) обрадовался ему, да и народ обрадовался, что Хулаку был отвлечен от похода на Сирийские земли³⁷.

Прибывших татар было 200 всадников со своими семьями. «Положение их было прекрасно, и они обратились в мусульманство».

В 661 г.(1262,3) прибыли (в Египет) послы царя Берке, прося помощи против Хулаку. Это были эмир Джелаледдин, сын Эль-кадия, и шейх Нуреддин Али, со свитою. Они сообщили о принятии им (Берке) ислама и об обращении в мусульманство народа его. При них было послание, помеченное 1-м реджебом 661 г. (=11 мая 1263г.)³⁸.

³⁵ Оказывается, следовательно, что Сунтай был внук Джагатая, второго сына Чингиз-хана, и приходился Беркаю племянником. Ср. выше стр. 7 и ниже стр. 11 (так в оригинале, см. сноски 25 и 41 наст. издания. – Прим. ред.).

³⁶ Там же. – С. 380.

³⁷ Сборник. – С. 429.

³⁸ Эта дата показывает, что грамота Берке была написана спустя четыре месяца после битвы на Тереке, но странно, что Макризи не сообщил об одержанной победе Берке ханом, о чем едва ли грамота могла умолчать. Подробности о принятии Беркаем ислама сообщили Эд-Дзехеби (Сборник. – С. 205), Эль-Омари (стр. 245), Ибн-Халдун (стр. 379) и Эль-Айни (стр. 507–

О второй битве Эль-Макризи упомянул чрезвычайно кратко: После Хулаку вступил сын его Абага, который снарядил войско для войны с царем Берке ханом, но потерпел постыдное поражение³⁹.

Наконец, Эль-Айни († 1451 г.) повторил рассказ Эн-Нувеири о битве на Тереке и прибавил из какого-то другого источника следующее: Когда река выбросила утонувших, то упомянутый Ногай сложил их вместе с телами убитых в пирамиды и сказал: «Это тела сыновей, дядей и родичей (наших); мы не оставим их на съедение волкам и собакам в степи». Что касается войны, происшедшей между Берке ханом и Хулавуном, то это была война великая, в которой Хулавун потерпел жестокое поражение; большая часть людей его была перебита, а из остальных множество утонуло; он (сам) бежал с небольшим отрядом своих людей.

Битва с Абагой в следующих выражениях: Утвердившись на царстве после смерти отца своего, Хулавуна, он (Абага) отправил войско на войну с ратями Беркехана. Берке этот был сын Саинхана, сына Душихана⁴⁰, сына Чингиз-хана, и двоюродный брат Хулавуна. Узнав об этом, Берке снарядил войско, поставив над ним Ису (Иесу) Ногая, сына Татара, сына Могола, сына Душихана, сына Чингиз хана. Он отправился в виде авангарда, вслед за которым Берке послал другого воеводу, по имени Ясунтай⁴¹, с 50 000 всадников. Ису Ногай успел уйти вперед с теми, которые были при нем, и предстал перед войско Абаги; Ясунтай же шел за ним по пятам. Когда войска Абаги увидели Ясунтая, приближавшегося с огромною ратью, точно покрывало темной ночи, то они скупились и собрались бежать. Ясунтай, увидев, что они столпились, и вообразив, что они окружили Ногая и тех, кто был при нем, не замедлил уйти назад и поспешно обратиться в бегство. Ногай же погнался за войсками Абаги, настиг их, сразился с ними, разбил их, умертвил часть из них и, одержав победу над ними, вернулся к Берке. Усилилось значение его и возвысилось положение его; Берке поставил

508). Из их рассказов видно, что Беркай принял ислам в Бухаре от Эль-Бахерзи, ученика и последователя шейха Неджм эд-Дина Эль-Кубра. По свидетельству Эль-Омари это случилось на обратном пути Беркай из Монголии, куда он ездил на избрание Мёнкэ императором.

³⁹ Сборник. – С. 433.

⁴⁰ Берке был братом Саинхана (прозвище Батыя) и только при этом условии можно было сказать, что он приходился Гулагу двоюродным братом.

⁴¹ [То же лицо, которое выше (стр. 9) (так в оригинале, см. сноску 35 наст. издания. – Прим. ред.) названо Сунтаем. Ср. генеалогию потомков Джагатай у Рашид-ад-Дина в издании Blochet, стр. 162 и 166. В.Б.].

его над несколькими томанами, и он (Ногай) был причислен к ханам. Что же касается Ясунтая, то его вина перед Берке была велика⁴².

Персидские историки, во главе с Рашид эд-Дином, говорят о столкновении Джучидов с Гулагидами очень подробно и помогают разобраться в нем. Они приводят интересные подробности, еще недостаточно нами использованные и слабо освещенные. Прежде всего, оказывается, что как при походе Батые на Россию в его войске находились представители всех улусов, конечно, со своими отрядами⁴³, так и к войску Гулагу, отправленного в Персию и вообще в западную Азию, были присоединены представители улусов Джагатай и Джучия со своими отрядами. Это значит, что завоевания Монголов совершались всем народом и поэтому все приобретения составляли собственность всего царского рода, а это налагало известные обязанности на владельцев улусов друг к другу и в отношении их к монгольским императорам.

При взятии монголами Багдада в начале 656 г. (=начало 1258 г.) в войске Гулагу находились вспомогательные отряды под начальством джучидских царевичей, а именно Булга (или Балакан بُلغا, بالاقان) сын Шейбана, пятого сына Джучи, Тутар, сын Сенгура, сына Джучи, и Кули, сын Орды, сына Джучи⁴⁴. Следовательно, в это время не было вражды между Джучидами и Гулагидами. Участие Джучидов в военных действиях Гулагу и объясняет нам несколько путанное сообщение египетских историков о третьей части доходов с завоеванных областей в пользу дома Берке⁴⁵. В самом деле, Берке имел право на получение какого либо вознаграждения за свое содействие, тем более, что его войска потерпели значительные потери.

Далее Рашид эд-Дин сообщил, что царевич Тутар был обвинен в попытке причинить вред Гулагу посредством колдовства; подвергнутый допросу, он был признан виновным. Гулагу, из уважения к Беркаю, не хотел сам наказать его родственника, он велел военачальнику Сугунджаку отправить его (к Беркаю). После того как преступление Тутара было доказано, Беркай согласно ясе Чингиз-хана, вернул его к

⁴² Сборник. – С. 509–510.

⁴³ Угэдей, отправляя «старших княжеских сыновей» на завоевание России и соседних с нею владений, заявил: «Повелеваю же я отправится на войну старшим сыновьям их потому, что мой брат Чаадай говорил: коли де пойдут на войну старшие сыновья, то ратников будет много и сила грозна». См. Юань-чао-ми-ши в Трудах Пекинской духовной миссии, т. IV, СПб., 1866. – С. 153.

⁴⁴ Рашид эд-Дин, по изд. Катрмера, стр. 225, 283, 359; по изд. Блоше. – С. 138.

⁴⁵ Только ссылку египетских писателей на постановление Чингиз-хана придется отвергнуть.

Гулагу, чтобы тот распорядился его судьбою; Гулагу приказал его убить. Вскоре умерли Балакан и Кули. Беркай заподозрил, что они были отравлены. Семьи этих трех царевичей бежали из Персии и достигли Дербенда⁴⁶, откуда переплыли на судах в Кипчак⁴⁷. События эти отнесены Рашидом эд-Дином к 658–660 годам (1260–1262).

Этот рассказ помогает понять свидетельство египетских писателей о татарах Золотой орды, пришедших в Египет из Персии. Несомненно, это были те воины, которые составляли вспомогательный отряд, посланный из Джучиева улуса в Персию на подкрепление войска Гулагу. Может быть и сообщение египетских историков об умерщвлении в Персии послов Беркая придется свести к гибели там трех джучидских царевичей.

Гулагу, «которому надоело сносить укоры и выговоры» Беркая, заявил, что хотя государь и старше его, он больше не заслуживает уважения, потому что не соблюдает умеренности. Беркай, осведомленный о досаде Гулагу, провозгласил со своей стороны о намерении отомстить за кровь многих тысяч людей, погибших благодаря его распоряжениям. Он отправил армию в 30 000 человек под начальством двоюродного брата⁴⁸ Тутара, Ногая, который прошел Дербенд и расположился лагерем в виду Ширвана.

Когда отряды трех царевичей Джучидов узнали о войне между их государями, они стремительно вышли из Персии; одна часть вернулась начальством двух полководцев, Негудара и Онгуджия, прошла через Хорасан, преследуемая отрядами Гулагу, и направилась на овладение Газной и другими странами соседними с Индом.

Сколько-нибудь серьезной причины для вражды, возникшей между прежними союзниками, Беркаем и Гулагу, Рашид эд-Дин не привел; нельзя же случай с Тутаром, без существования других осложнений, считать на столько важным, чтобы из за него стоило начать войну. Едва ли убедительно другое свидетельство того же автора, что Беркай, как ревностный мусульманин, был недоволен Гулагу за уничтожение халифата, когда его войска участвовали в разгроме Багдада. По-видимому, истинную причину семейного раздора указал другой персидский писатель, Вассаф. Он сообщил, что Джучиды заявили пре-

⁴⁶ Так в оригинале. – Прим. ред.

⁴⁷ Рашид эд-Дин в изд. Катрмера, стр. 358; в изд. Блоше, стр. 138; во втором месте обвинение в колдовстве отнесено не к Тутару, как в первом, а к Балакану. D'Ohsson, *Hist. des. Mong.*, III, p. 378–379.

⁴⁸ [По-видимому, вместо «двоюродного брата» должно быть: «племянника». – С. 2, пр. 2. В.Б.].

тензию на Арран и Адербиджан. Это действительно важно. Гулагу от- казался удовлетворить это требование. Само собою, разумеется, что Беркай не мог с этим примириться, отсюда разрыв и война.

Вассаф (1257–1327), современник Рашид ад-Дина, в своей «Исто- рии», излагающей владычество Монголов в Персии, написал особую главу, посвященную обострению отношений между Гулагу ханом и Берке Огулом. Рассказ Вассафа не отличается ни полнотой, ни содер- жанием. Он говорит только о сражении 662 г. (1263–1264) и дает по- вод предполагать, что яблоком раздора между Джучидами и Гулагид- ами послужили Арран и Адербиджан. Затем Вассаф так же, как и Рашид эд-Дин, сообщил, что вначале Берке потерпел неудачу и отсту- пил, но потом, собравшись с силами, напал на Гулагу и нанес ему поражение; упомянул он и об избиении купцов с обеих сторон⁴⁹.

Беркай со своей стороны снарядил 30-тысячную армию, которая прошла Дербенд⁵⁰ и расположилась лагерем в виду Ширвана⁵¹. По Ра- шида эд-Дину Ногай был предводителем этого войска Беркай⁵². В де- кабре 1262 г. Гулагу прогнал неприятеля из Дербенда и разбил его на севере от этого города. Ногай обратился в бегство и был, преследуем большим отрядом, который овладел расположенным по ту сторону Те- река брошенным воинами лагерем, где нашел много женщин, детей и скота. Войско Гулагу расположилось в этом лагере и в течение трех дней предавалось пьянству и распутству. Но вдруг Ногай вернулся, войска Гулагу были разбиты у Терека; беглецы хотели перейти через реку по льду, но он ломался под их ногами, и большое число их по- гибло⁵³. Битва на Тереке происходила первого числа месяца реби-пер- вого⁵⁴ 661 г., т.е. 13 января 1263 г. По таблицам Вюстенфельда. Гулагу вернулся в Тебриз и отдал приказ о снаряжении новой армии, он вы- местил свою неудачу на торговцах страны Беркая, находившихся в Тебризе, велел их убить и конфисковать их имущество. Со своей сто- роны Беркай приказал убить гулагидских торговцев, пребывавших в его государстве. Беркай продолжал борьбу и с Абакой, преемником

⁴⁹ Geschichte Wassaf's. Persisch herausgegeben und deutsch übersetzt von Ham- mer-Pergstall. Wien, 1856. S. 92–95. Персидского текста. – С. 96–99.

⁵⁰ Граница их владений была у г. Дербенда.

⁵¹ D'Ohsson, Histoire des Mongols, III, p. 379.

⁵² Сборник летописей в изд. Blochet. – С. 139.

شہزادہ بوقال بغایت بہادر و مبارز و سر لشکر برکای نوقای بود پسر

تاتار پسر بزرگ

⁵³ D'Ohsson, III, p. 381. Сборник летописей, изд. Катрмера. – С. 394, 398.

⁵⁴ Рашид ад-Дин. Катрмера. – С. 398–399.

Гулагу. Рашид ад-Дин довольно подробно излагает эту борьбу в главе
ومنهرم كشتن ایشان حكایت مصاف دادن لشكر ابقا خان
با بوقای (نوقای ت.е. وشکسته).

Сущность персидского рассказа заключается в следующем. Весною 1265 г. Абака, находившийся в Тебризе, получил известие, что Ногай через Дербенд вторгнулся в его владения. Против него был отправлен Царевич Юшмут (третий сын Гулагу), который в шеввале 663 г. (июль – август 1265 г.) переправился через Куру и встретился с неприятелем близ Джеган-Муран, которую называют Аксу. Сражение было кровопролитно и отличалось упорством; Ногай был ранен стрелой в глаз; его войско потерпело поражение и бежало в Ширван. Вслед затем Абака переправился через Куру, но узнав о выступлении Беркая с грозной армией, отступил за реку, приказав разрушить все мосты, и расположился на южном берегу ее. Оба войска стояли 14 дней друг против друга, разделенные рекой и пуская стрелы. Наконец Беркай поднялся по Куру, чтобы перебраться через нее у Тифлиса, но во время пути умер. Тело его было перевезено в сундуке в Сарай для погребения. Избавившись от опасности, Абака в 664 г. (13 окт. 1265 – 2 окт. 1266 г.) приказал возвести по ту сторону Куры вал, защищенный широким рвом, от Валан-наура до степи Кардиан, и поместил здесь стражу из монголов и мусульман⁵⁵.

Важно с этим сообщением Рашид ад-Дина сопоставить повествование другого персидского историка того же времени Вассафа (1257–1327), который в своей «Истории» несколько иначе изложил ход борьбы между Джучидами и Гулагидами. Привожу перевод персидского текста по изданию Гаммера⁵⁶.

«Рассказ о причинах вражды, которая возникла между Хулагу-ханом и Берке-огулом⁵⁷. В то время, как государь, завоевывающий мир, Чингиз-хан, стал властителем и хозяином над государями и государствами мира, он поделил страны и края четырем сыновьям, Туши,

⁵⁵ Рукоп. Акад. Наук, л. 297 восточ. пагинации (281 а-б европ.); D'Ohsson, Hist. Des Mong. III, p. 418–419.

Думаю, к этому побоищу относится сказание Ипатьевской летописи: «В лето 6774 (1266) бысть мятеж велик в самих Татарех избишася сами промежи собою бесчисленное множество, ак песок морьскы». Нов. изд. – С. 863. Теперь это известие получает надлежащий смысл.

⁵⁶ Арабские стихи оставлены без перевода, потому что не заключают в себе ничего существенного и с нашей точки зрения являются лишним балластом.

⁵⁷ Огул – титул чингизидов из не царствовавшей линии. В других источниках этого титула у Берке хана я не встречал. Огул, Оглан сохраняется в названии улан.

Джагатаю, Угетаю, Тулу, и назначил жилища и становища в четырех сторонах мира, как проистекало из дневника прозорливости его и было одобрено его беспредельной проницательностью; подробное же перечисление стран и земель начертано и упоминается в «Тарих-и Джихангушай»: Джагатаю были назначены пространства становищ от границ проходов Уйгурии до пределов Самарканда и Бухары и стали обычным (его) местопребыванием, так что он постоянно находился поблизости к Алмалыгу. Угетай же, так как в благословенную эпоху отца должен был стать наследником престола, имел пребывание в пределах Имиля и Кубака, который был столицей ханства и пупом государства. У Тулуя юрт был соседний и сопредельный с Угнетаевым; а от краев Кыялыка, Харазма и крайних пределов Саксина и Булгара до Дербендского прохода Бакуйе в длину он назвал именем старшего сына Туши. А то, что поту сторону Дербенда, который называют Демур-Кабук, постоянно стало местом зимовок и центральным пунктом, куда сходилась и откуда расходилось его войско. Время от времени они производили набеги до Аррана, и он говорил, что Арран и Азербайджан также входят в состав их владений и поселений. Вследствие этого с обеих сторон воспоследовали основания раздора повод к грубому обращению. В зиму 662 (1263–1264) года, когда золотых дел мастер предопределения сделал Дербендскую реку подобной серебряному слитку и скорняк зимы скроил горностаевую одежду по мерке длины и ширины окраин холмов и долин, а кровля реки на высоту копы отвердела, как камень, по приказу Берке-огула войско монголов, более нечистое, чем ифриты и гули, более много численное, чем дождевые капли: они выступили, производя натиск, какой производят ручьи, падающие на посев, — перешло через ту застывшую воду подобно огню и ветру. От ржания и топота коней и войск плоскость земной равнины наполнилась звуком громовых раскатов и блистания и сверкания молний. Возжегши огонь гнева, они дошли до берега реки Куры; Хулагу-хан, чтобы отразить искры их зла, вышел на встречу с устроенным войском. После стычки сражения он их обратил в бегство и так вслед за (ними) вел (свое) войско.

В Бакинском-Дербенде они вновь устроили место сражения. Он (Хулагу) произвел стремительный натиск, и из войска Берке не осталось ни малого, ни старого, так что весь народ они перебили, а прочие, будучи побеждены, направили поводья бегства в путь. Хулагу-хан не разрешил войску вернуться, пока не перешел через замерзшую реку без (всякого) уклонения.

Таким образом, изо дня в день переходы врагов делались переходами (и) для войска Ильхана⁵⁸. Когда он дошел до площади царства царевича, в Берке-огуле загорелся огонь гнева вследствие численного уменьшения и обращения в бегство его войска и победы царя, попирающего врагов, – он приказал, чтобы восемь десятых всего войска, воссев на коней, принялись бы за бой и соревнование. Внезапно они набросились на войско ильханово и преградили путь для перемирия и согласия. Руку дерзновения они распростерли и площадь страны своей от нечистот завоевания и притеснения чужаками избавили и очистили.

Сбив их, они гнались за ними несколько перегонов. Когда царь, сжигающий врагов, прибыл в свой стан счастья, он отдал приказание, и купцов Берке-огула, которые в Тебризе занимались торговлей и коммерцией и имели беспредельные и неисчисляемые богатства, всех предали ясе (т.е. казнили), а имущество, какое он нашел, взяли в казну. Многие из них имели у тебризских вельмож вклады и товары. После их гибели те богатства остались в руках лиц, которым были доверены. Берке-огул, в целях возмездия, также подверг казни купцов из земель ханского царства и поступил с ними точно также. Пути выезда и въезда и путешествия коммерсантов, как и деятельности людей совершенства (искусников) были разом преграждены, демоны раздоров из склянки времени выскочили.

Около этого времени Кубла хан отправил посла и вновь произвел перепись в Бухаре. Из 16,000, которые были насчитаны в самой Бухаре, 5000 принадлежали Бату, 3000 – Кути-беги, матери Хулагу-хана, а остальные назывались Большая рука (Улуг-кул), т.е. Большая доля (бузург доля), дабы каждый из детей Чингиз-хана, который утвердился на ханском престоле, повелевал специально ими. Этих 5000 (принадлежавших) Бату всех выгнали в степь и на язык белых мечей, у которых весть судьбы красна, прочли им конец земного предела (= объявили смертный приговор).

И не было оставлено ни имущество их, ни жены, ни дети. И так как догмат: «Любовь переходит по наследству, и вражда переходит по наследству» запечатлен в умах, после кончины Берке-огула сын его, Менгу-Тимур⁵⁹, стал его заместителем и с Абака-ханом разослал ковер старой вражды. И между ними несколько раз возникали нападения и

⁵⁸ Ильхан, в смысле командир отдельного войска, был титул первых Гулагуидов.

⁵⁹ Хан Берке не оставил потомства, это известно некоторым мусульманским историкам (см. Энциклопедию Эн-Нувеири в Сборнике *Тизенгаузена В.Г.* – С. 153). Менгу Тимур был сыном Тогана, сына Батия.

отступления. Однажды 30,000 всадников меченосцев и копьеносцев Абака-хана во время возвращения переходили через реку, лед (под ними) проломился, и все они утонули и итог дней жизни их (Аллах?) начертал на ледяной доске. Когда после этого Абака хан узнал о многочисленности (их) войска и дерзости их, возвели по эту сторону Дербенда стену, а называют ее Сибя, так что вторжение и надменность того войска, волнующего мир, стали затруднены. И эта вражда была стойка и постоянна, и отчуждение и осторожность между обеими сторонами пребывали до времени царствования Кейхату хана. Когда Тактай унаследовал царство Менгу-Тимура, путем обмена посольствами и посланиями открылись дороги для купцов и торговцев и были уготовлены условия благоденствия и безопасности превыше всего. Государство Арранское от изобилия повозок, шатров, коней и баранов всколыхнулось, а редкостные товары тех краев, после застоя нескольких лет, получили широкое распространение».

Эти два писателя, взятые в отдельности, не разъясняют наших недоразумений о вражде джучидов с гулагидами, но поставленные вместе они дают нам возможность понять смысл изложенного столкновения между двумя отраслями чингизидов. Джучиды, равно как и Джатаиды, по повелению монгольского императора Мönкэ должны были вместе со своими войсками содействовать походу Гулагу, а такое участие обыкновенно, в случае успеха, вознаграждалось земельным участком из завоеванных государств. Очевидно, на этом основании Берке-хан и стал претендовать на Аррань и Азербайджан; но обе эти провинции остались за Гулагу, почему золотоордынский хан и счел себя обиженным. Оба писателя одинаково говорят, что вначале Гулагу имел успех; но на реке Терек Берке нанес ему сильное поражение. Вассаф говорит только о походе Гулагу против Берке и умалчивает о выступлении Абаги.

Труднее догадаться, о каких Батыевых войнах в Бухаре говорит Вассаф и за что они были обречены на истребление? Не отразилась на них попытка Беркая поддержать Арик-бугу против хана Хубилая и не составляли ли эти воины тот отряд, который Берке мог послать в распоряжение Арик-буги?

Персидские историки, как видим, не сходятся с египетскими, ни в отношении успехов Ногая при столкновении с гулагидами, ни относительно времени утраты им одного глаза в битве. Первое разногласие объяснить нетрудно. Египетские писатели получали сведения в Золотой Орде, где естественно было стремление преувеличить достигнутые Беркаем результаты; а персидские, стоявшие к событиям войны

непосредственно, по патриотическим соображениям, старались смягчить неудачи своих государей. Ведь, за действительные же заслуги Ногай был возвышен ханом Беркаем, а не за поражения. Что же касается момента, когда Ногай лишился глаза, то преимущество в этом отношении надо отдать персидским историкам, хотя по существу это разногласие в два года не так важно.

О войнах Гулагидов с Джучидами говорят и армянские историки: Магакий, Вардан, Стефан Сюнийский и Киракос Гандзакечи. Их сведения чрезвычайно важны. С одной стороны они подтверждают сообщения мусульманских писателей, с другой – дают новые подробности. Инок Магакий упоминает среди семи полководцев – царевичей, бывших вместе с Гулагу: Хули (= Кули), Балаха⁶⁰ и Тутара⁶¹, известных уже нам из рассказа Рашид ад-Дина. Он же сообщает новую причину раздора между Гулагу и Беркаем, которая осталась неизвестной другим историкам, а именно: вследствие повеления императора Мönке аргучиям (судьям) возвести Гулагу на ханство в завоеванных им землях, некоторые царевичи возмутились против Гулагу. «Как только ханские сыновья узнали о том, что Гулагу намерен воссесть на ханский престол, то четверо из них пришли в ярость и не захотели повиноваться Гулагу. Такудар и Бора-хан подчинились, а Балаха, Тутар, Гатаган и Миган не согласились признать его ханом⁶². Когда аргучи Мангу-хана убедились в том, что эти четверо не только не желают повиноваться, но еще намерены сопротивляться Гулагу, то приказали: подвергнуть их ясаку, т.е. задушить тетивой лука: по их обыкновению, только этим способом можно было предавать смерти лиц ханского происхождения. Мигана, сын Хулиеве, по причине его малых годов, заключили в темницу на острове Соленого моря⁶³, находящегося между областями Гер и Зареванд. После того аргучи приказали армянским и грузинским войскам идти на войска мятежников и перебить их,

⁶⁰ Быть может инок Магакий дает нам правильное произношение имени этого царевича, который в издании Катрмера пишется بلغا (Балга или Булга), а в издании Блоше (стр. 138) بالاقان (Балакан), последнее начертание будет более правильным.

⁶¹ Ясно, что и у Рашид эд-Дина должно быть Тутар, а не Тумар, как передано у Доссона.

⁶² В этом перечне нет Хули, потому что по Магакию, он умер от какой-то болезни раньше других царевичей; его заменил сын его Миган. [По Рашид эд-Дину Кули был сыном Орды, старшего сына Джучи; среди сыновей Кули упоминается Минг-кан (изд. Blochet, стр. 99). В.Б.]

⁶³ Озеро Урмия.

что и было исполнено. Народу было истреблено столько, что от убитых татарских трупов зловоние распространилось по горам и полям. Только двое из предводителей, Нуха-куун и Аратамур, проведав заблаговременно об опасности, взяли с собой сокровища, золото, превосходных лошадей, сколько могли, и бежали с 12 всадниками. Переправившись через великую реку Кур, они восстановили против Гулаву Берке, брата Саин-хана, и в течение 10 лет производили страшное кровопролитие»⁶⁴. О битвах Магакий ничего не сообщает.

Нельзя сомневаться, что под Нуха-кууном надо разумеать известного Ногаю, которому придан титул куун. По объяснению К.П.Патканова этот титул означал ханских детей, что подходило к Ногаю, происходившему от Джучи в побочной линии. Однако, из текста видно, что Ногай не был сравнен с настоящими царевичами.

В хронике Вардана под 715 годом армянского летоисчисления = 1266 г. по Р. Х. кратко описывается битва Абаки и брата его Исмуда с властителем Севера Барка на реке Куре⁶⁵. О Ногае здесь не упоминается.

Стефан Сюнийский мимоходом, говоря об Аланских воротах, заметил: «Этим путем проходили Хазары, Аланы, Осы, Кипчаки и войска северного царства преемников Беркая, где, в настоящее время, царствуют ханы Тота-Мангу⁶⁶ и Нуха, внуки Батыя и Сартаха»⁶⁷.

Киракос, в главе «Кровопролитная война между Гулаву и Беркай-ем», сообщил, что два брата умершего Мангу-хана, Арик-буга и Хубилай, оспаривали друг у друга престол. Гулагу помогал Хубилаю, а Беркай, владетель севера, поддерживал Арик-бугу. «Один из родственников их, также военачальник, сын Чагата-хана, старшего⁶⁸ сына Чингиз-хана, Алгу, также враждовал с Беркаем, потому что вследствие его доносов Мангу-хан истребил род его. Он обратился к Гулаву с просьбой помочь ему со стороны Дербенда. Между тем великий Гулаву, при котором находились великие и знатные князья равного с ним происхождения, родственники Бату и Беркай-Кули, Балаха, Тутар, Меган, сын Кули, Хатаган и многие другие, истребил их всех вместе со всеми их войсками, не щадя ни стариков, ни детей, потому что они

⁶⁴ История Монголов инока Магакий, XIII века. Перевод и объяснения *Патканова К.П.* СПб., 1871. – С 31–32.

⁶⁵ История Монголов по армянским источникам. Перевод и объяснение *Патканова К.П.* СПб., 1873, вып. I. – С. 26–26. Исмут = Яшмут в Истории Рашид эд-Дина. В наших летописях упоминается посол Ешимут.

⁶⁶ О хане Туда (или Тудан) – Менгу см. Известия II отд. И. Академия Наук, т. XXI.

⁶⁷ История Монголов по арм. источн., I, 62–63.

⁶⁸ Джагатай был вторым сыном Чингиз-хан.

вмешивались в его распоряжения. Только немногие из них и то лишенные жен, детей и имущества, успели бегством спастись к Беркаю и к другим своим родственникам. Узнав об этом, Беркай собрал многочисленное войско и приготовился к походу против Гулаву, чтобы отомстить ему за смерть родственников». Затем Киракос описывает столкновение обеих армий не на Тереке, а почему-то на р. Этиле, т.е. Волге. «С обеих сторон пали многие, но более со стороны Гулаву, потому что часть его войска изнемогала от стужи и снега, другая потонула в реке. Тогда Гулаву принужден был возвратиться за дербенские ворота.... Эта война с обеих сторон продолжалась пять лет, начиная от 710 г. (1261–1262) и по 715 г.(1266–1267) армянской эры. Ежегодно собирались войска и происходили битвы в течение зимних месяцев, потому что летом жары и выступавшие из берегов реки удерживали их на месте»⁶⁹. О Ногае ничего не говорится.

Войны Джучидов с Гулагидами повели к оживленным сношениям между Египтом и Золотой ордой, так как египетские султаны очень боялись нашествия персидских монголов на свои владения. О первой попытке со стороны султана Эль-мелик Эз-Захыра завязать сношения интересные сведения дал секретарь его Ибн-абде-з-Захыр (†692 г. = 1293): В 660 г. (1261, 2) он (султан) написал к Берке, великому царю татарскому, письмо, которое я писал со слов его (и в котором) он подстрекал его против Хулавуна, возбуждал между ними вражду и ненависть, да разбирал довод тому, что для него обязательна священная война с татарами⁷⁰, так как получают одно за другим известия о принятии им ислама и что этим вменяется ему в долг воевать с неверными, хотя бы они были его родичи. Ведь и пророк – над ним благословение Аллаха и мир – сражался с своими соплеменниками родичами и воевал против Курейшитов; ему было велено (Аллахом) биться с людьми до тех пор, пока они скажут: нет божества кроме Аллаха! Ислам не состоит только в одних словах; священная война есть одна из (главных) опор его⁷¹, и проч. Письмо это отправил с одним доверенным лицом из Алланских купцов.

Султан обратил (также) внимание на благо всего мусульманства, назначив послов к царю Берке – да возвеличится могущество его. Посланы были правовед Меджд эд-Дин и Эмир Сейф эд-Динь Кушарбек, да вместе с ними два человека из прибывших (в Египет) татар, спод-

⁶⁹ Там же, вып. II. – С. 104–108.

⁷⁰ Т.е. татарами войска Гулагу.

⁷¹ Сборник. – С. 55.

вижников Сурагана⁷². При содействии их он написал (ему) письма о положении дел ислама и (известие) об избрании халифа – да будет над ним мир – и приказал изготовить родословную его (халифа Эль-Хаким-биамрилляха), восходящую до пророка – над которым благословение Аллаха и мир! Она была написана и раззолочена. Он (султан) отправил ее к царю Берке, послал и свое родословное дерево, засвидетельствованное главою кадиев Тадж эд-Дином⁷³.

Дальше Ибнь-абде-з-Захыр еще раз вернулся к этому событию:

Когда прибыл отряд татар, впервые явившихся к султану, и он расспросил их о положении дела, да узнал (от них) обстоятельства царя Берке, местопребывание его и путь к нему, то он снарядил послов к нему, как мы сказали выше. Вместе с ними он отправил двух человек из упомянутых татар, принадлежавших к слугам и сторонникам царя (Берке) и знавших земли. При посредстве этих послов он написал письмо, в котором было много по части расположения и возбуждения к священной войне, описание войск мусульманских, многочисленности и разноплеменности их, (с указанием) сколько в них конницы, туркмен, курдских родов и арабских племен, какие владыки мусульманские и франкские повинуются им, кто противодействует им и кто с ними в ладу, кто посылает им дары и кто с ними в перемирии, да как все они в повиновении у него (султана) и послушны указаниям его. Кроме того (письмо содержало) возбуждение против Хулавуна – да посрамит его Аллах! – объяснение ничтожности его дела, (т.е. легкости справиться с Хулавуном), подстрекательство против него, порицание беспечного отношения к нему, и внушение делать все, что будет делать во вред ему (Хулавуну). Он (султан) извещал в нем о прибытии отряда татар, пришедших в (Египет) и заявивших ему, что они подданные его (Берке), да о том, что им оказан почет и что все это (сделано) ради него (Берке)⁷⁴.

Итак, дипломатические, а вместе с тем и культурные сношения Египта с Золотой ордой начались со стороны египетских Мамлюков, для которых борьба, возникшая между Гулагидами и Джучидами, была в высшей степени полезна. Действительно она дала возможность

⁷² Другие историки объяснили, что прибывшие в Египет татары, в количестве 200 человек, принадлежали к отряду хана Берке, который послал Гулагу вспомогательное войско; но когда между этими родственниками произошел разрыв, Берке приказал своим татарам вернуться к нему, а если это окажется невозможным, то уйти в Египет.

⁷³ Сборник. – С. 56.

⁷⁴ Сборник. – С. 56–57.

султанам, владевшими Сирией, удержать эту страну за собой и тем обезопасить Египет от монгольского нашествия. Понятно, что египетские султаны дорожили дружбой с Джучидами, не скупились на богатые дары, и даже, при хане Узбеке состоялся между друзьями родственный союз, который, однако, не был счастливым.

По-видимому, Ногай увлекся примером хана Беркая, обратившегося в ислам, и тоже сделался мусульманином. В 669 г. (1270–1271) прибыло в Египет послание от Йесу-Ногая, «родственника царя Берке и главного предводителя войск его», в этом послании Ногай сообщал: «Хвалю Аллаха всевышнего за то, что он включил меня в число правоверных и сделал меня (одним) из тех, которые следуют вере очевидной», и далее: «мы идем по пути отца нашего Берке хана⁷⁵, следуем за истиной и уклоняемся ото лжи»⁷⁶. Султан ответил Ногаю письмом, в котором заключалась «обильная доля признательности и прекрасное благовоение похвалы»⁷⁷. С тех пор Ногай постоянно упоминался в египетских летописях, когда там шла речь о сношениях с ханами Золотой орды в XIII столетии.

Посмотрим, какую роль играл Ногай в Орде. Во время ханствования Берке едва ли Ногай мог решиться на проявление своей власти в делах высшего управления улусом: очень суров был этот хан, как видно из русских летописей; незаметно сколько-нибудь решительных выступлений Ногая и при Менгутемире; но после смерти этого хана Ногай прибрал к рукам Чингизидов Золотой орды. Рукн эд-Дин Бейбарс заметил, что Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами⁷⁸, смещал тех из царей их, кто ему не нравился, и ставил (тех), кого сам выбирал⁷⁹. У Ибн-Хальдуна читаем: Ногай был правителем орды в стране Севера и имел полную власть над царями из дома Душихана (т.е. Джучи)⁸⁰.

Владения Ногая были обширны. Мусульманские писатели не определяют точно области, подчиненные Ногаю; по некоторым указаниям все-таки мы у них находим. Так, Рукн эд-Дин Бейбарс сообщил, что после смерти Ногая хан Токта отправил во владения Ногая своих

⁷⁵ Ногай назвал Беркая отцом, конечно в знак почтительности.

⁷⁶ Сборник. – С. 101–102, 434.

⁷⁷ Там же. – С. 122.

⁷⁸ [Так в переводе Тизенгаузена; в тексте بيت بركة «дом Берке». «Берковичей» в буквальном смысле, т.е. потомков Берке, в Золотой Орде не было. Ср. выше стр. 17, прим. 1. В.Б.] (см. сноску 59 наст. издания. – Прим. ред.).

⁷⁹ Там же. – С. 110–111.

⁸⁰ Там же. – С. 381.

сыновей Тукулбугу и Ильбасара, причем первый утвердился в Исакии, на реке Дунае и на местах, прилегающих к Железным Воротам, где находились становища Ногая, а Ильбасар устроился на реке Янке. Так перешли Северные области вполне к царю Токте⁸¹. Затем, в тех же источниках сообщается, что Ногай в 698 г. (=1298–1299) дал в удел своему внуку Карадже, сыну Таштемира, город Крым⁸². Архимандрит Леонид пишет: «Отложившись от Золотой или Большой орды он (Ногай) около 1270 года перекочевал к северным берегам Черного моря и, расположившись здесь, стал искусно расширять свое влияние на соседние страны, вмешиваясь то в междоусобные, то в домашние их распри»⁸³. Арх. Леонид полагал, что Ногай утвердился в низовьях Дуная, в Молдавии⁸⁴. Высказанный в такой решительной форме взгляд архимандрита Леонида на Ногаю я не могу разделить. Не только в 1270 г., но и позже⁸⁵ не видно, чтобы Ногай вполне отложился от Орды и был бы самостоятельным государем.

И русские летописи называют Ногаю царем. В Воскресенской летописи ему отведено совершенно определенное место: «А се цари Большие Орды, Батый Сеин, по нем сын его Сартак, Берка, Менгутемир, Ногой, Телебуга, Тохта, Озбяк, Занебек, Кулпа, Наурусь, Хындырь, Темир-Хозя, у Мамаю Авдула, Амурась в Сарай, Азиз у Мамаю ж, Мамак салтан, по нем сын его Тахтамыш, Темир Аксак, Темир Кутлуй, Адибек, Булат салтан, Зеди салтан»⁸⁶.

В первый раз имя Ногая встречается у нас в Густинской летописи под 6767 (1259) годом: «Третье приидоша Татары в наши страны в безчисленном множестве, со Бурундаем царем своим и Ногаем, с ними же и неволею поиди Василко, Данилов брат, иже паки создания грады раздрушиша в Русской земле; такожде и в Литве и в Полци огнем и мечем пленяху, и вьяша Завихость, Судомир, Краков, и прочие грады, и села огнем и мечем погубиша»⁸⁷. В Ипатьевской же летописи, при описании похода Бурундая, имя Ногая не упоминается и конец изложен иначе: «Василькови же едоущоу по Борундаи одному по Литов-

⁸¹ Там же. – С. 111, 117, 161. Северными областями египетские писатели называли владения ханов Золотой Орды.

⁸² Там же. – С. 382.

⁸³ Хан Нагай. – С. 32.

⁸⁴ Там же. – С. 37.

⁸⁵ Сборник. – С. 67–69, 105.

⁸⁶ П.С.Р.Л., т. VIII. – С. 241. Зеди салтан назван неправильно, должно быть Зеледи салтан; так называли у нас Джелал эд-Дина, сына Тохтомыша.

⁸⁷ Ипатьевская лет., 1-е издание. – С. 342.

ской земле, обреет, негде Литовоу. избив ю и приведе сайгать»⁸⁸. Здесь Бурундай не назван царем и совершенно правильно, потому что хана с таким именем в Орде не было; воевода Бурундай мог быть самое большее темником. Затем поход отнесен к 6768 (1260) году⁸⁹.

Чтобы выяснить участников похода в Польшу и его время, обратимся к польским источникам. В Хронике Мартина Бельского, при описании правления короля Болеслава Стыдливового (Boleslaw Wstydlivy, Boleslaus Pudicus, Boleslaw Pudyk) и событий, предшествовавших набегу, говорится: «Чего тогда внутренние войны в Польше не уничтожили, то татары остаток сожгли. Они снова пришли с большою силою через русские земли в Польшу с вождами своими, называемыми Ногаем и Телебугой. С ними были и русские князья и, вероятно, в угоду Казимира⁹⁰. А было то уже в декабре месяце, поэтому они прошли, где хотели. И миновав Люблин, шли они в землю Сандомирскую, где, вторгшись без вести, забрали много людей. Они взяли Завихост, ограбили и сожгли; там Пудик построил недавно девичий монастырь св. Клары и наделил его 25-ю деревнями, которые татары разграбили, а также (монастырь?) у св. Креста. Они пришли к Сандомиру, а так как

⁸⁸ Слово «сайгат» турецкого происхождения и было занесено к нам турками еще до появления в России монголов, у которых такого слово не встречается. В Ипатьевской летописи под 6682 (1174) г. говорится о победе Игоря Святославовича над половцами, после чего Игорь «поча даяти сайгат князем и мужем» (изд. 1908 г. – С. 569). Академик Срезневский И.И. в своем Словаре объяснил сайгат, как «военная добыча, трофея» (т. III. – С. 244). Это не совсем верно. Глагол саургмак значит «сделать подарок», «наградить». Это слово достаточно подробно объяснено Мелиоранским П.М. в статье «Заимствованные восточные слова в русской письменности до монгольского времени» (Известия отд. Русск. яз. и словесн. И. Акад. Н., т. X, СПб., 1905, кн. 4-я. – С. 125–127), поэтому я на нем останавливаться не буду, замечу только, что у крымских татар под названием «гостиница» (савга) существовала подать, состоявшая из определенной доли захваченных в набеге пленных в пользу хана (десятая часть).

⁸⁹ Густинская летопись расходится с Ипатьевской на один год. Разница в хронологии летописей, смущавшая еще Карамзина, в последнее время несколько разъяснилось благодаря разысканиям Степанова Н.В. показавшего, что летописное времяисчисление сложилось из соединения собственно русской системы счета времени и систем, принесенных в Русь вместе с византийской хронологией. В разных местах счет времени велся различно. См. его «Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям» (в Чтениях Ист. и Др. за 1909 г., кн. 4).

⁹⁰ Из русских летописей вполне ясно видно, что подобное участие наших князей в татарских походах происходило не по доброй воле, а по требованию ханов.

в городе не было никого, они сожгли его; затем обложили замок, осаждая его и днем и ночью, не давая отдыха; а когда они были в состоянии что-либо с ним поделать, то Лев и Роман Даниловичи вступили в переговоры с Петром из Кремпы, старостой этого замка, и другими, говоря им: если вы желаете быть в целости и невредимости своего здоровья и имущества, то ступайте вы, главари, в палатки князей татарских, с дарами, просить милости, чтобы откупить себя и замок, а мы обещаем и ручаемся за свободный ваш проход и возвращение. Поверили наши Руси, полагая, что они делают из любви християнской. Итак, Петр с братом своим Збигневом и с выдающеюся шляхтой пошли к вождям татарским, унизились перед ними, как были научены изменнической Русью. Татары, как народ вероломный и хитрый, бросились на них, связали и обезглавели. Затем, сильным натиском бросились к замку, который в то время никто не охранял, полагаясь на данное Русью обещание; тут татары проявили такую жесткость, больше которой никогда не могло быть, так как туда сбежались со всего края люди с женами и детьми. Татары, отобрав из них более им пригодных, остальных перерезали, так что в замке кровь повсюду лилась потоками. А когда они уже утомились с ними, то других, как скот, загнали в Вислу и утопили. Потом они обратились на Краков, который нашли обезлюденным, только в замке заперся краковский воевода Климент и оборонял его; а Болеслав Стыдливый, с женою, бежал в Венгрию (мать же его только что перед тем умерла), простой же народ скрылся в леса, а другие в горы. И таким образом, опустошали в то время татары всю страну вплоть до Бытомя или до самого Ополя. Спустя три месяца вернулись они в целости домой с большою добычей. Происходило это летом Господня 1260, хотя Длугош относит это событие на один год раньше, кроме того Длугош говорит, что татары были тут два раза; в первом году в декабре, а потом – летом. Действительно, существует на это большая вероятность, так как и теперь в июне месяце совершаются в Сандомире, церковной торжества за упокой душ погибших мучениками. На это немало отпущений грехов дал папа Александр IV»⁹¹.

Тот же рассказ, с незначительным изменением в подробностях, но только под 1259 годом, приведен у Длугоша и озаглавлен так: Thartari

⁹¹ Marcin Beilski, «Kronica Polska», Warsz. 1830, II, p. 179–181. Переводом приведенного отрывка я обязан Б.И.Эпимах-Шепилло.

Не будет ли соответствовать второму, т.е. летнему походу татар в Польшу, тот, который описан в Ипатьевской летописи под 1261-м годом, когда Бурундай разгромил Сандомир?

Poloniam per tres menses populantur, Sandomiriam cum castro acquirunt et comburunt, Boleslao in Hungariam fugiente, Cracoviam capiunt; tandem nullo resistere audente, cum maxima praeda ad revertuntur⁹².

Оказывается, следовательно, что у польских писателей поход также отнесен и к 1259 г., и к 1260-му. Как будто Густинская летопись имела один источник с Длугошом, а Ипатьевская – с М.Бельским. Что наши летописцы пользовались в данном случае польскими источниками, кажется вполне возможным; отмечу, что в Густинской летописи Пудик назван по-польски: Встыдливый⁹³. Полною для нас неожиданностью является в числе вождей имя Телебуги. Мы не знаем, существовал ли в Орде другой Телебуга, кроме хана, царствовавшего в 80-х годах 13-го ст.; но обыкновенно с Ногаем соединяется хан Телебуга. Однако, участие этого хана в поход 1260 г. Надо признать сомнительным, во-первых, потому, что в то время и отец и его, Менгу-темир, еще не выступал на политическую арену, а во-вторых, потому, что на тридцать лет позже Рукн эд-Дин Бейбарс представлял Телебугу; как хана молодого, нуждавшегося в советах опытного Ногая⁹⁴. Мог ли Телебуга быть молодым в 1291г., если он принимал участие в походе 1260 г.? Я думаю, что имя Телебуге приведено в польском рассказе по недоразумению; то же, кажется мне, надо сказать и про Ногая. Оба они могли попасть в польскую хронику под 1259–60 г. после того, как Ногай и Телебуга действительно совершили в 1286 г. набег в Польшу. Я не отвергаю сам поход, только думаю, что он был предпринят Бурундаем. Странно, что польские летописи не упомянули Бурундая, который по свидетельству русских летописцев, произвел страшный погром в Польше⁹⁵. К этому походу мы еще вернемся. Теперь же я остановлюсь на предполагаемом коварстве русских князей, которые будто бы ручались за безопасность Сандомирских депутатов. Если было здесь коварство, то не со стороны русских, а татар, у которых коварство входило в систему военных действий. Князья наши посоветовали сделать то, что делали сами, т.е. откупиться дарами или смягчить гнев татарский; другого исхода не было. И такой прием не всегда помогал избыть беду. Как раз в тоже время, когда Бурундай в 1261 г. Предпринял поход в Польшу, Галицкие князья для спасения

⁹² Ioannis Dlugossii, Historiae Polonicae libri XII. T. II, Cracoviae, 1873, p. 373–375.

⁹³ У.М.Бельского: Pudicus, to iest wstydlivy. Стр. 132. В Густинской летописи: 6786 (1278) «Болеслав Встыдливый, король Польский умре, и наста по нем Лешко Черный, брать его» (стр. 343).

⁹⁴ Сборник. – С. 107–108.

⁹⁵ Ипатьевская лет., изд. 1908. г. – С. 852–855.

своей Земли прибегли к подобной же мере: «и преде Василко со Лвом. И со владыкою (он заменял князя Даниила). Передо нь с дары. Ономоу же великоу опалоу створшоу на Василка князя и на Лва. Владыка стоявшее во ужаси величе. И потом реч(е) Боуранда Василькови. Оже есте мои мирници. Розмечете ж города свое все»⁹⁶. Князья смирились и исполнили повеление Бурундая. Значит, на этот раз дары помогли. Подобных примеров наши летописи дают не мало.

С конца 70-х годов 13-ого ст. имя Ногай встречается в русских летописях часто. Густинская под 6785 г. (1277) сообщает: «все лето в Татарех царь Ногай»⁹⁷. Какое влияние имел Ногай в судьбе Руси, можно видеть из показаний летописцев. В 6785 г. «присла оканный и незаконный Ногаи послы своя с грамотами Тегичага. Коутлоубоугу. и Ешимоута. ко Лволи и Мьсиславоу. и Володимерю. тако река. всегда мь жалоуете на Литвоу. осе же вы дал есмь рать. и воеводу с ними Мамышея. поидете же с ним. на вороги свое. зиме же приспевше. и тако поидоша. князи Роусции на Литвоу»⁹⁸. В 6788 г. (1280) Лев Данилович, «восхоте собе части в земле Лядьской. города на Вькраини. еха к Ногаеви оканьномуу проклятому. помочи собе оу него на Ляхы. он же да емоу помочь оканьнаго Кончака. и Козья. и Коубатана»⁹⁹. В 6789 г. (1281) Андрей Александрович «упроси себе княжение Московское, под рожоным братом Димитрием, у царя Татарского Ногай, и тако пришед с Татары на брата на самое Рождество Христово»¹⁰⁰. «А князь велики Дмитрей Александрович с дружинною своею, и со княгинею, и с детьми и со всем двором своим бежа в Орду, ко царю Ногою, и сказа ему все порядку, извествуая ему со слезами, и многие дары даде ему и всем князем его. Царь же Ногой послуша его и држаше его в чти»¹⁰¹. История Курского княжества хорошо характеризует порядки в Орде при Ногае. Хан Телебуга, по просьбе курских князей, поддержал их против баскака Ахмата, слободы которого в Курске были разорены; Ногай же энергично поддержал Ахмата, и он бояр «изби и по древию извеша», а землю пусту сотворил¹⁰². Интересно, как упрекал курский князь Олег Святослава Липовичского за ограбление бесерменов: «Не идешь ни к своему цезарю (т.е. к хану Телебуге) ни к Ногою на испра-

⁹⁶ Ипатьевская лет. – С. 849.

⁹⁷ Ипатьевская лет. – С. 345.

⁹⁸ Ипатьевская лет. – С. 867.

⁹⁹ Там же. – С. 881.

¹⁰⁰ Густинская лет. – С. 346. Новгородская 4-я лет. – С. 245.

¹⁰¹ Никоновская лет. – С. 161.

¹⁰² Там же. – С. 162–164.

ву»¹⁰³. Здесь прямое указание на разделение власти в Орде: можно было идти к своему хану, но и Ногай был настолько силен, что равнялся с ханом своим значением и мог оказать защиту в случае надобности.

У византийских писателей сохранилось много сведений о Ногае и особенно у Георгия Пахимера, описавшего главным образом царствования Михаила Палеолога и Андроника Старшего. Он привел о появлении Ногая в южной России такие подробности, которые у других авторов не встречаются. Привожу этот отрывок в переводе В.В.Латышева:

Этот Нога был могущественнейший муж из Тохаров (т.е. Татар), искусный в предводительстве войсками и опытный в делах. Он с огромнейшими силами из соплеменных Тохаров, которых они называют Мугулиями, будучи выслан (правившими) у каспийских (ворот) начальниками племени, которых называют Канидами (ханами), нападает на северные народы по Евксинскому (понту), которые в старину были подвластны Римлянам (т.е. Византии), а (потом), когда город был взят и дела у Римлян стали в стесненное положение, сделались самостоятельными, оставшись без повелителей. Явившись (туда), он без всякого труда присоединил и подчинил их. Увидев, что (эти) земли плодородны и народы сами по себе достаточны для (образования) государства, он отлагается от пославших и присоединяет народы к себе. С течением времени имевшие с ними сношения жители средиземных областей, я говорю – Аланы, Зикхи, Готфы, Росы и разные соседние с ними народы, узнают их нравы, перенимают по привычке язык и одежду и делаются их союзниками. И немного спустя напавший на них народ тохарский увеличивается до бесчисленного множества, и они, куда бы ни пошли, делаются несокрушимыми по своим силам, так что некоторые из прежних господ, по закону войны пошедши на них походом, как на отступников, не только не одолели их, но и потерпели сильное поражение, павши (в бою)¹⁰⁴.

Возможно, что продвижение Ногая к Дунаю произошло так, как изложил Пахимер, т.е. вследствие приказа какого-то хана: проверить это свидетельство другими источниками мы не можем. Но о какой попытке ханов смирить Ногая сообщил Пахимер, очень скупой на хронологию, нам неизвестно. Не скрывается ли здесь столкновение Ногая с ханом Телебугой? Едва ли основательно Пахимер причислил Русских к числу добровольных союзников Ногая, хотя возможно, что

¹⁰³ Лаврентьевская лет. – С. 459. Никоновская лет. – С. 165.

¹⁰⁴ Georgii Pashymeris, De Michaelae et Andronico Palaeologis Bonnae, 1835. V. I, L. V, 4, p. 344.

некоторые русские князья по собственному почину подчинились Ногаю, чтобы найти у него поддержку в своих личных интересах. В таком случае объяснилось бы выражение наших летописей – ехать к своему хану Ногаю. Интересно указание Пахимера на принятие «союзниками», в том числе и Русскими, обычаев и одежды татар. До реформ Петра Великого наша одежда имела татарский характер, теперь ее напоминают лишь незначительные пережитки; так, четырехугольный верх кучерских шапок есть особенность монгольская, такую же монгольской особенностью является квадратная верхушка уланских киверов, удержавшаяся, несмотря на все изменения в этом уборе. Да и самое название улан происходит от татарского слова оглан. Думаю, что и павлинье перо у кучеров, встречающееся изредка и теперь, тоже идет с Востока¹⁰⁵.

К 1273-му году Пахимер относит женитьбу Ногай на побочной дочери императора Михаила Палеолога, Ефросинии. После такого события сношение между обеими сторонами сделались оживленными. У Пахимера поэтому поводу отмечены любопытные подробности касательно Ногай. Это изложение приводится здесь в переводе В.В.Латышева:

Но в это время царь, ухаживая за начальником их Ногаем, не переставал посылать ему в огромном количестве как одежды (дословно: то, что относилось к пользованию одеждой), так и разнообразные съестные припасы, а сверх того щедро посылал целые бочки ароматных вин. Ногай с удовольствием брал съестные припасы и напитки, а также принимал и золото и серебро в кубках, а разнообразные вещи, служившие для накрывания головы¹⁰⁶ или для одевания (ибо царь щедро посылал и такие вещи), трогал руками и спрашивал у доставившего, полезен ли головной убор для того, чтобы голова не испытывала ничего дурного и не болела, может ли жемчуг, которым он усыпан, защищать ее от молний, отвращает ли камень удары грома, так чтобы носящий его не был, поражаем громом, наконец, способствуют ли драгоценные одежды здоровью (*ἀλγία* – отсутствие труда, легкость) членов (тела). Если они отрицали, то он отбрасывал их или, поносив немного, на столько, чтобы соблюсти приличие дружбы, снимал и тотчас надевал обычную собачину или овчину, ношением которой чванился больше, чем драгоценными одеждой. Точно так же поступал он и с головными уборами, предпочитая необходимый для употребле-

¹⁰⁵ У китайцев до последнего времени пожалование павлиньего пера на шапку соответствовало награде орденом в Европе.

¹⁰⁶ Καλύπτρα дословно значит: покрывало, покрывало.

ния ненужным, хотя бы и драгоценным. Если же тот (т.е. принесший дар) умышленно говорил, что данная одежда приносит носящему какую бы то ни было и где бы, то ни было пользу, то он тотчас верил и носил ее, обращая внимание не на камни и не на жемчуг, а на пользу¹⁰⁷.

В другом месте Пахимер сообщил: дерзость Тохарцев мы еще удерживали – не мужеством войск, а дружественными, или лучше сказать, рабскими пожертвованиями, – вступали с ними в родственные связи и посылали им подарки, иногда превосходные и величайшие¹⁰⁸.

Перейдем к рассмотрению походов Ногай вместе с ханом Телебугой в Венгрию и в Польшу. Ипатьевская летопись передает дело так:

«В лето 6790. Пришедшоу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебоузе с ним на Оугры в силе тяжьце во бецисленом множестве. Велеша же с собою поити. Роуским князем. Лвови Мьстиславоу. Володимероу. Юрьи Лвович... бысть идоушоу оканьному и безаконьному Ногаеви и Телебоузе с ним воевавшима землю Оугорьскоую. Нога поиде. На Брашев. А Телебоуга поиде. Поперек Гору. Что бьашеть перейти. Треими дньми и ходи. По 30 днии блоудя в горах. Водим гневом Божиим и бысть в них голод велик. И начаша людие. Ести. Потом же начаша и сами измирати и оумре их бецисленое множество. Самовидчи же тако рекоша. Оумерших бысть сто тысяч. Оканьный же и безаконьный Телебоуга выиде пешь. Со своею женоу. Об одной кобыле. Посрамлен от Бога»¹⁰⁹. Поход отнесен к 1282-му году. Но Густинская летопись относит его на два года позже: «В лето 6792 (1284). Прийде паки царь татарский Ногай и Телебуга, со безчисленным множеством Татар, на Угров и Греков¹¹⁰, и повелеша со собою ити Лву Даниловичу со Юрием сыном своим, и Мстиславу, и прочии Русским князем, а Володымар за немощ не иде; идеже многа

¹⁰⁷ Georg. Pashymer, L. V, 4, p. 347–348.

¹⁰⁸ Там же. – С. 180.

¹⁰⁹ Ипатьевская летопись, изд. 1908. – С. 888–891.

Ироническое выражение летописца «об одной кобыле» надо понимать так, сто у хана осталась всего одна лошадь, почему Тулабуга принужден поместить свою жену на той же лошади сзади себя, как и теперь в Туркестанском крае зачастую ездят туземцы, не обладающие большими средствами, и как никогда не решиться проехать местный аристократ или человек с видным общественным положением, а тем более владетельная особа. Даже простые Татары имели во время похода по две лошади, а то и больше, иногда до пяти.

¹¹⁰ Курсив принадлежит издателю, что он хотел этим подчеркнуть, я не знаю. Длугош, описывая этот поход, заканчивает так: *Invaserunt et eo anno Thartari Imperium Constantinopolitanum, multasque terras Imperii, caede ingenti in hominibus facta, occuparunt.* – С. 482.

зла сотвориша беззаконнии Татаре христианом. Попусти же Бог казнь свою и на татар: поблудившие бо Татаре межи горами, в пустынях, яко нетокмо кони ядоша, но и людей ядеху от глада, и умре их тамо от глада около ста тысячей, Телебуг же едва в мале дружине выблудися» (стр. 346)

Под 6791 (1282) г. описывается поход Телабуги с Ногаем в Польшу. «Хотяшоу поити. Оканьному и безаконьному Телебоузе на Ляхи. И собравшоу емоу силоу многоу. Забывшоу емоу казни Божие, еже сбься над ним. Во Оугрех. О немже переде сказахом. И приде к Ногаеви. Бяше же межи има нелюбовье велико... Телебоуга же хотяше ити. Ко Кракову. И не дошед его воротися во Торжькоу. Весть бо приде к нему. Оже Ногаи передил его. Ко Кракову прити. И про се бысть межю има болше нелюбие. И тако не снемашас с Ногаем, и поезде назад. На Лвовоу землю. На город на Лвов...Ногаи же оканьнии не иде с Телебоугою в Ляхи. Одиною дорогою. Ване бысть межи има нелюбие велико. Но иде своею дорогою. На Перемышль. Пришедшоу жетемоу к городу. Кракову. И не оуспев оу него ничтоже. Яко же. И Телебоуга оу Соуди-мирья. Но воеваше землю Лядскоую. А с Телебоугою не снимася. Зане боястася оба. Сии сего а сеи сего. И тако поидоша назад свое веже. Телебоуга поиде своею дорогою опять. А Ногаи своею дорогою»¹¹¹.

Густинская летопись описывает этот поход под 1286 г. И гораздо короче:

«В лето 6794 (1286). Паки, попущением Божиим, прииде Ногай и Телебуга со множеством Татар, аки пружи, на Польскую землю, повеле же со собою пойти и Русским князем и Волынским, Лву, Мстиславу Даниловичом, и Володымеру Василковичу и проч., иже неволею пойдоша с ними, и плениша около Люблина и Мазоше; потом, прешедше Вислу реку, приидоша к Судомиру и не могоша его взятии, токмо окрест поплениша землю огнем и мечем. Ногай же иною дорогою поиде ку Кракову и прииде на самое Рождество, и не може взятии града, токмо поплени окрестныя страны огнем и мечем; король же Лешко Чорный со женою и бояры избеже во Угры. Татаре же сотворившее Лядзкую землю пусту, возвратишася со великою користию и полоном многим; егда бо деляхуся, самых безмужных девиц оберетеся в плене двадесать тысяч и една. Многа же зла тогди сотвориша и Русской земли, возвратившися, аще не мечем и не огнем, понеже Русь помагаху им, но чарами своими: иземше бо сердце человеческое мочаху во яде аспидном и полагаху в водах, и от сего воды вся в ядь обратишася, и

¹¹¹ Там же. – С. 891–895.

аще кто от них пияше, абие умираше; и от сего великий мор бысть по всей Русской земле»¹¹². Не прошел этот поход незамеченным и у мусульманских писателей. У Рукн эд-Дин Бейбарса сообщается о нем следующее:

В 686 г. (1287,8). Тулабуга стал царствовать вместо дяди своего Туданменгу, снарядился в поход и отправился с войсками своими в землю Краковскую (*к-р-к*) для опустошения ее и войны с жителями ее. Он послал к Нагаю, приказал ему двинуться с находящимися у него войсками, теми десятками тысяч, которые были у него. Сошлись они оба в предположенном месте, разлили повсюду опустошение, грабили что хотели, убивали, кого хотели и вернулись. Между тем уже настала зима, выпало множество снега и стали затруднительны пути. Ногай с бывшими при нем (войсками) отделился от него (Тулабуги), отправился в свои зимовья и невредимо добрался со всеми своими. Тулабуга же пошел по бесприютным пустыням и непроходимым степям и сбился с главной дороги. Его и войско его постигли чрезвычайное затруднение и бедствие; большая часть их погибла от сильной стужи и недостатка сил. Уцелели лишь немногие из них. Это крайне огорчило Тулабугу, и он заподозрил Ногаю в том, что все случилось по его козням и интригам, из-за того, чтобы погубить войско его и извести род его. В него закралась вражда и вселилась злоба за то, что его и войска его постигла сильнейшая беда, которая довела их до того, что они ели мясо животных, служивших им для верховой езды, и собак, которых они взяли с собой, да мясо тех из них, которые умирали от голода¹¹³. Эн-Нувеири, повторяя рассказ Рукн эд-Дина о Тулабуге, отметил: «Положение (критическое) довело его до того, что люди его ели выючный скот свой, охотничьих собак и мясо тех из них (людей), которые умирали от сильной степени постигшего их голода. Он (Тулабуга) заподозрил, что Ногай с умыслом устроил ему (эту) западню, и задумал против него недоброе»¹¹⁴.

Если сопоставить рассказ Ипатьевской летописи с мусульманской версией, то получим общую картину злосчастного похода Тулабуги на запад поразительно сходно нарисованной обоими повествователями; но в подробностях встречаем серьезные противоречия. Во-первых, русский летописец говорит о двух отдельных походах: в Венгрию в одном году и в Польшу в следующем году. Мусульманский же писа-

¹¹² Густ. лет. – С. 347.

¹¹³ Сборник. – С. 106.

¹¹⁴ Там же. – С. 156. Изложение этого похода у Ибн-Хальдуна см. там же. – С. 381.

тель слил оба похода в один под названием Краковского. Наша летопись имеет перед египетским повествованием преимущество, так как русский летописец стоял к событиям ближе египетского историка; в первом походе принимали участие русские князья, конечно, с русскими отрядами¹¹⁵, следовательно, очевидцев событий было много, и на «самовидцев» указал летописец. Египетский автор, находившийся очень далеко от военных действий, легко мог соединить оба похода потому еще, что они следовали один за другим. Во-вторых, время военных походов указывается различно. По Ипатьевской летописи венгерский поход был предпринят в 1282 г., а польский в 1283-м, у Рукн эд-Дин Бейбарса указан год краковского похода 686-й (с 16 февр. 1287 по 5 февр. 1288). Разница очень значительная, которую можно было бы, пожалуй, объяснить тем, что сведение о походе татар на Краков дошло в Египет спустя несколько лет после этого события; но ошибка, как увидим, сделана в русской летописи. Наконец, третье разногласие касается пути Тулабуги. Рукн эд-Дин Бейбарс говорит о бесприютных и не проходимых степях, в которых заблудился Тулабуга; а русский летописец указал на горы, что и соответствует действительности¹¹⁶. Кочевник в степи не заблудится, это его родная стихия, крымские татары нередко делали зимние набеги на Польшу, чтобы обойтись без бродов через реки¹¹⁷; иное дело горы зимою для кочевников, обыкновенно не берущих в поход, сколько-нибудь значительных запасов, тут катастрофа вполне возможна.

¹¹⁵ Участие русских воинов в татарских походах не может подлежать сомнению, хотя наши летописи об этом говорят очень редко. Помимо прямых указаний летописцев на требование вспомогательного войска, отмечу одно интересное свидетельство Новгородской 4-й летописи под 6781 г. (1273): «Бысть число 2-е из Орды от царя» (стр. 243). Это значит, что в указанном году хан вторично потребовал число, т.е. определенное количество русских ратников для какого-то похода. По основному требованию монголов, покоренные народы должны были выставлять десятую часть мужского населения для монгольских войск, с какою целью и приезжали к нам численники, обязанность которых состояла в переписи мужского населения. Архимандрит Палладий нашел указание в китайской литературе на присутствие русских отрядов даже в войске Хубилая во время завоевание южного Китая во второй половине XIII в.

¹¹⁶ Надо, однако, заметить, что арабский текст допускает несколько иной перевод, чем дал В.Г.Тизенгаузен; слова البيد المتوعدة والفتافى المتعسرة могут относиться и к горами к ущельям; выражение даже по преимуществу относится к неровностям почвы, и корень وعر противопоставляется корню سهل.

¹¹⁷ Пахимер выразился про татар, что они привыкли воевать зимою (I, 525).

Чтобы выяснить разногласие русских и мусульманских летописей о времени переходов Ногай с Телебугой в Венгрию и Польшу, надо обратиться к источникам венгерским и польским. Так как венгерский поход предшествовал польскому, то рассмотрим сперва первый. В венгерской хронике за XIII ст. упомянуты два нашествия татар в Венгрию: первое под начальством Батыя в 1241 г. и второе в 1285 г. Последнее описано кратко, говорится только, что татары безжалостно все жгли до самого Пешта: *Secunda vice intrant Tarttari anno Domini Milesimo Ducentesimo octuagesimo quinto secunda vice intraverunt in Hungariam, et usque Pesth universa misarabiliter combusserunt*¹¹⁸. Ни раньше, ни позже о набеге татар в Венгрию не говорится. У Длугоша читаем: *Maiori autem pernicie Hungaria a Thartaris, quam Prussia a vermibus afflicta est*¹¹⁹. *Hi siquidem a Comanis, quos Hungari vicerant, instigati, Hungariam infra octavas Epiphaniae adveniunt, et caedibus spoliisque eam usque ad Pest et Budam pervastant, tanta freti multitudine, ut Wladislaus Hungariae Rex congredi cum illis timuerit. Diutius autem Thartari in Pannoniis usque post festa Paschae commorati, tantum illis intulerant dispendium, ut pecoribus et iumentis deficientibus, homines bigas trahendo et aratra, vicem pecorum supplerent. Grandis tandem mortalitas, quae multa eorum millia extinxit, secedere illos ex Pannoniis coëgit*¹²⁰.

В разработанной истории Венгрии о татарах в 1285 г. сообщается также скупое: «Состояние страны было до того бедственно и беспомощно, что Ольдамур 1285 с шайкой куманов (половцев) и ногайских татар напали на страну, причинили большое опустошение, проникли до Пешта и могли беспрепятственно вернуться обратно»¹²¹. Эта заметка, по своей краткости и неопределенности, не дает даже основания отождествлять набеги Ольдамура с набегом Телабуги и Ногай. Только О.Вольф в своей «Истории Монголов или Татар» говорит о зимнем (1285–1286) походе Ногай и Телабуги в Венгрию вполне определенно¹²².

Поход в Польшу в польских источниках, именно у Б.Бельского, описан следующим образом: «В этом же году (1286 г.) в декабре ме-

¹¹⁸ Marci Chronica de Gestis Hangarorum ab origine Gentis ad annum m. ccc. xxx. producta. Recensuit ect. Franciscus Toldy. Pestini, 1867. P. 103.

¹¹⁹ О нашествии ядоносных червей на Пруссию Длугош сообщил в предшествующей статье.

¹²⁰ Ioannis Dlugossii «Historia Polonica». Т. II, Cracoviae, 1873, p. 481–2. Статья озаглавлена: *Thartari Hungariam longe lateque pervastant, et multis occisis, quasdam terras Imperii Constantinopolitani occupant.*

¹²¹ Ignaz Aurelius Fessler, «Geschichte von Ungarn». Leipzig, 1867. S. 439.

¹²² O. Wolff, «Geschichte der Mongolen oder Tataren». Breslau, 1872. S. 412–413.

сяще огромное сборище татар пришло с вождями своими, Ногаем и Телебугой, а также с Русью в землю Люблинскую и в Мазовию, а затем в землю Сандомирскую; но от Сандомира их прогнали; затем прошли в землю Краковскую, где они разграбили и сожгли много костелов, монастырей и замков, только не затронули монастырь на Лысой горе по совету Руси. В Краков они пришли накануне Рождества Христова; обложили город, потеряв около него несколько знатных лиц своих, они удалились, причиняя повсюду в окрестностях большие убытки и дошли до Татр (горы). Лешек, будучи слабым, уехал в Венгрию со своею женой Грифиной. В то время Кунегунда, жена Болеслава Стыдливого, с двумя сестрами, Иолантой и Констанцией, женою Даниила, короля русского и с 70-ю девицами бежала из Сондецкого монастыря в горы Пенинские и жила там все время войны татарской. Монастырь, где она жила, татары все-таки не сожгли из-за заслуг св. Кунегунды, как пишут. Летом 1287 вернулись отсюда татары, завоевав много стран, где одних только девиц насчитали 20 000, когда они делились добычей у Владимира; много, стало быть, народу должны были они взять в плен. Проходя через Русь, не причиняли они никакого вреда Руси, потому что с ними вместе ходили на Польшу. Все-таки, как говорится, зло хотя не укусит, однако отзовется. Так поступили и они, ибо в Руси они отравили все воды в реках, набросав туда напитанные ядом сердца человеческие, так что очень много начало болеть от этих вод и умирать и был на Руси мор великий на следующий год; особенно потому, что не скоро обратили на это внимание»¹²³.

У Длугоша под 1287 г. сообщается:

Ferocissima et immanis gens Thartarorum, Pseudo-Mahomethi spurcissimos et de-testabiles ritus professa, tam actione quam nomine Christiano nomini inimica, dum in sedibus suis fame et enedia vexaretur, in gravi multitudine in terras Polonorum, famen sedatura, ducibus Nogay et Thelebuga, processit. Et Ruthenorum quidem terris, per quas iter agebat, tributa illi iam tunc reddentibus, aliquantisper victualium receptione, ut famem excluderet, vexatis, primum in Lublinensem et Masoviae, exposit in Sandomiriae, Siradiae et Cracoviae oras et terras, in locustarum numerum et morem pluribus agminibus dispartita, undecima Decembirs die, quamvis fortissimis frigoribus et densis-simis nivibus oras omnes Polonicas prementibus, pervenit. Et pluribus monasteriis, ecclesiis et munitionibus, in quas se homines abdiderant, conquisitis et incensis, a castro et civitate Sando-

¹²³ Zbior pisarzoów polskich. – С. 219–220. I. Длогуш. – С. 493. Перевод принадлежит Б.И.Эпимах-Шипилло.

miriensi, in cuius conquisitione dies aliquot immorabantur, cum ignominia et strage repulsa est, militibus qui in praesidio erant, arcema et civitatem strenue protegentibus. A monasterio insuper Sanctae Crucis Calvi montis exercitus Thartaricus se continuit, neque illum locum, suadentibus Ruthenis, qui in eorum comitatu erant, violare, sed nec attingere, ultionem divinam, si secus facerent, non evasuri, praesumpist. Applicaverunt posthaec in vigilia Nativitatis Christi Cracoviam, et illam expugnare orsi, dum aliquot insignes pugnatores amisissent, magno ululatu edito ad ea discedunt et populationem ac spoliū latius per vicos et rura, neminem credentes suae multitudini posse aut audere resistere, extendunt. Potuisset Lestko Niger Craco-viēsis Dux palantes per agros Thartaros aequo loco, visa opportunitate, invadere: sed et multitudo nivium, et militum imbecillis, factusque animus, obstabant. Metu itaque nimio correptus et de viribus suis et militum suorum diffidens, in Hungariam secessionem cum conigue Grip-hina nonnullis baronibus fecit: propter quod Thartari, ex captivis Ducem Lestkonem in Hungariam secessisse docti, omnem Cracoviensis terrae oram versus Sandecz sitam, et usque ad Alpes Pannonicas licentus vastabant. Sub quo quidem tam miserabili tempore, felix Ducissa Kinga, Boleslai olim Cracoviensis Ducis vocati Pudici relicta, cum septuaginta sanctimonialium Sandecensium coetu, nec non et duabus germanis suis, Iolentha Boleslai Pii Calissiēsis Ducis et Constantia Danielis Russiae Regis relictis, quae et ipsae scam religionem et habitum induerant, multisque sacerdotibus, et militibus, in castrum Pyenini, quod supra fluvium Dunayecz et prope oppidum Kroszczenko consistens, situm habet natura minutissimum et arte, uno tantum angusto transitu adibile, contulit se, et illic per tempus vastationis Thartaricae secūra mansit. Ad quod licet Thartari cum exercitu appilicuisent, non tamen illud audebant nedum impugnare, sed nec contingere, Divinitate illis immittente pavorem. Sed nec monasterium suum, quod deseruerat, fuit a barbaris aut incensum aut violatum, efferatam barbariem prece et merito felicitis Ducissae Kingae restringente. Terris itaque nominatis, populo christiano et pecor enormiter spoliatis, senibus, sacerdotibus trucidatis et lactantibus, tam ingentem hominum utrisque sexus, generis Polonici, praedam cepisse comperti sunt, ut praeda apud Wladimiriam partita, viginti unum millia de virginibus iuvenclis, nondum nuptis, fuere numerata. Ex quo uno magnitudo caetirorum virorum, feminarum et parvulorum in captivitatem abductorum, poterit, habita iustiori aestimatione, conferri. Genus autem pugnae, quo Thartari in bellis utuntur, a caeteris

nationibus diversum est¹²⁴. Далее описывается способ ведения татарами войны. Относительно эпидемии Длугош говорит 1288 г. следующее:

Ingens pestis et mortalitas in plerisque Russiae terris invalescens, plurimos mortales in sexu utroque extinxit: quae non ex coelestium influentia, neque contagione aut aerae afflatu causata, sed ex aquis malignitate Thartarum, quos Rutheni superiori anno in vastandis Polonorum regionibus adiuverant, seque illis associaverant, infectis, scita, est iustissimo Dei iudicio provenisse, ut Rutheni pessimi obsequii Thartaris in debellationem Polonorum praestiti, condignam exciperent mercedem, pessimo genere exitii ab his conficiendi, quibus contra Catholicos, quae et ipsi Catholici aestimari volunt, praesidium tulerant. Thartari siquidem post partitam et in varias nationes venundatam ex captivis Polonis sexus permiscui preadam, terris Russiae excessuri, et Ruthenis clandestinam, dum apertem, prohibentibus suis Ducibus, nequirent, perniciem irrogaturi, undas eorum et flumina hoc modo inficiunt. Corda siquidem Christianorum Polonorum ex captivorum grege, quos pro sortilegiorum, divinationum, incantationum et auguriorum officiis, quibus gens illa magnopere dedita est, peragendis, plus quam centum numero occiderant, de cadaveribus occisorum extracta, fortissimis venenis imbriant et inficiunt, et tam in profluentes quam stagnantes aquas, veribus et lignis in longum porrectis, ut diutius durarent, imposita, immergunt: a quibus aquae infectae adeo in Ruthenos, qui aquas illas quicumque usu contingebant, venenum et morbos vulgaverant, ut subito procumbentes, nullis profectum offerentibus relevati, occiderint. Sero tandem et plurimis per tabem in corpora ingestam consumpisti, latens malum depre hensum est, et aquarum usus velut fatalis et pestifer a Ruthenis fastiditus¹²⁵.

Оказывается, следовательно, что венгерская и польская хроники близко подходят к хронологии мусульманских летописей.

Не может не показаться странным, что татары в 1259 г. (или в 1286-м) делают набеги на Польшу одинаково под предводительством вождей Ногай и Телебуги, и оба раза в декабрь и с русскими князьями. Как раньше Болеслав Стыдливый бежал с женою своею в Венгрию, так во втором случае Лешек со своею женою уехал в Венгрию же. И почему, если упоминается Ногай, то с ним должен быть и Телебуга? Все это дает предполагать, что поход Ногай и Телебугой в Польшу в 1259 или 1260 году в действительности не происходил, а было нечто

¹²⁴ Historia Polonica, II, p. 489–490.

¹²⁵ Historia Polonica, II, p. 493.

иное¹²⁶. Нельзя не отметить совпадения Густинской летописи с показаниями Длугоша. Оба источника о 21 тысяче пленных девушек, тогда как у М.Бельского показано 20 тысяч. Затем, Бельский упоминает о монастыре св. Креста в первом походе; а Длугош – во втором. Все это побуждает меня относиться к первому походу с недоверием.

После того отношения между Тулабугой и Ногаем обострились настолько, что оба они стали думать как бы извести своего недруга.

Ногай, однако, перехитрил Тулабугу. Он вошел в сношения с его матерью и сказал ей: «сын твой еще царь молодой, я хочу наставить его и научить приемам, полезным для установления порядков и определения внешних и внутренних дел его, но мне нельзя взяться за это иначе, как в уединенном месте, куда не забрался бы никто кроме него; я желаю встретить его с небольшим числом людей, и чтобы около него не было ни кого из тех войск, которые он собрал вокруг себя». Женщина эта поддалась его словам и обманулась его посланием: она посоветовала сыну своему войти с ним в соглашение и отклонила намерение его от враждебных действий против него. Тулабуга распустила войско, которое уже успел собрать, и послал к Ногаю, пригласить его к себе.... Тогда Ногай бывшее с ним войско и находившихся при нем сыновей Менгутемира, т.е. Тохту и братьев его (Бурлюка, Сарайбугу Тудан), оставил в одном месте в засаде и взяв с собой лишь небольшое количество людей, направился к Тулабуге. Тот выехал к нему на встречу и с полным доверием к нему, взяв с собой Алгуя, Тогрулджу, Малагана, Кадана и Кутугана, сыновей Менгутемира, бежавших к нему и приставших к Тулабуге. Сошлись Тулабуга и Ногай и принялись за беседу и совещание. Заметил Тулабуга (что замышлялось против него) только тогда когда уже подъехали к нему всадники и окружили его. Он растерялся, и его поразило сплетение козней и интриг Ногая. Войско остановилась, выжидая, что ему прикажет делать Ногай, чтобы исполнить его (приказание). Он приказал ему спешить с коней Тулабугу и бывших при нем сыновей Менгутемира, и они спешили их; приказал он связать их и связали их. И сказал он Токти: «вот этот завладел Царством отца твоего и твоим царством, а вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдал их в твои руки; умертви их, как хочешь». Им покрыли головы и переломили спины. Это были Тулабуга, Алгуй, Тогрулджа, Малаган, Кадан,

¹²⁶ Не сбивало ли с толку польских историков имя народа Ногайцев, подданных Ногая, игравших главную роль в набегах на Польшу.

и Кутуган, сыновья Менгугемира. Так передает событие Рукн эд-Дин Бейбарс¹²⁷.

Русские летописи о столкновении хана Тулабуги с Ногаем чересчур кратки. В Никоновской читаем: Того же лета (6799=1291) Ногой царь уби Телебуге царя и Саолгуя (Алгуя)¹²⁸. Не больше говорят и другие летописи¹²⁹, причем некоторые, например Лаврентьевская, Ногаю вовсе не упоминают при этом происшествии. Египетские источники говорят, что убил Тулабугу с другими князьями Тохта, и это вполне правдоподобно: для Ногая все-таки было рискованно.

Мы видели, что могущество Ногая началось при хане Беркае, а еще более усилился Ногай, как сообщил Рукн эд-Дине Бейбарс, при

¹²⁷ Сборник. – С. 107–108. Эн-Нувейри повторил рассказ Рукн эд-Дин Бейбарса. Там же. – С. 156–157. Ибн Халдун несколько сократил его. – С. 382. Способ предания смерти посредством перелома спинного хребта, по-видимому, указывает на древние монгольские установление, воспреещающее проливать кровь Чингизидов. В Юань-чао-ми-ши сообщается, что Чжамуха просил у Чингиз-хана смерти без крови и за это обещал по смерти на вечные времена быть помощником и покровителем его потомков. Архимандрит Палладий, комментируя это известие, заметил, что в крови заключается душа и в случае пролития крови душа не сохранит своей целостности. (Труды Пекинской Духовной Миссии, т. IV, СПб., 1866. – С. 113 и 220). В Юань-чао-ми-ши приведены еще рассказы о насильственной смерти этим способом, а именно: Бурибоко в борьбе с Бельгутаем переломил ему умышленно спинную кость (стр. 69). Волхву Тэбтенгри, сыну Мунлика, сподвижника Чингиз-хана, переломил спину (стр. 137). Подобный же прием умерщвления отмечен в другом китайском сочинении: Есугай, рода Холула, отправил Чаоура уведомить Чингиз-хана о заговоре против него, поручил так: «Когда придешь туда, то повидай Чингиза и императрицу, да моего зятя Хасара, и им только скажи, если ты откроешь это другим, то да переломят тебе поясицу и да лопнет твоя спина!» («Старинное китайское сказание о Чингисхане» перев. Арх. Палладия, в Восточном сборнике, СПб., 1877. – С. 164). См. также у Банзарова, «Черная вера», 2-е изд., стр. 28. Та же цель не проливать крови достигалась и другими способами: когда после смерти Гуюка был избран императором Мёнкэ, против него составил заговор. В числе заговорщиков было до 70 принцев и ноянов. Все они были приговорены смерти: ноянам набили рот камнями, а принцев завернули в шелковые ковры и закатали до смерти. (D’Ohsson, Hist. des Mongols, t. II, p. 267–273).

¹²⁸ П.С.Р.Л., т. X. – С. 168.

¹²⁹ В Новгородской 4-й Алгуй назван правильно (стр. 247); но есть вариант Агуй. Это имя Алгуй устанавливается точно, потому что существует и теперь. См. Бурятские сказки и поверья, собранные Н.М.Хангаловым и др. (Записки Восточно-сиб. Отдела И.Р.Г.О. по отд. Этногр., т. I, вып. 1 Ирк. 1889, стр. 153, примечания Потанина Г.Н.).

содействии Джиджек хатуне, жены Менгутемира хана, который Ногай отплатил, однако, жестокою неблагодарностью. В чем выразилась деятельность Джиджек хатуне в пользу Ногая, этот писатель не указал, он заметил только: «мы уже говорили о том, как он (Ногай) выдвинулся и усилился в этих странах, благодаря жене царя их Менгутемира, по имени Джиджек хатун»¹³⁰; но раньше в тексте ничего об этом не сказали. Джиджек была главною женою Менгутемира и матерью старшего сына хана Алгую¹³¹, возникает вопрос, не была ли она матерью и Тулабуге и не она ли убедила Тулабугу отправиться на роковое свидание с Ногаем, во время которого Тулабуга был убит? Говоря о матери этого хана, Рукн эд-Дин не привел ее имени. Если предположение о том, что Джиджек хатун была матерью Тулабуги, правдоподобно, тогда сделалось бы понятным выражением Рукн эд-Дина: «мы уже говорили о том».

Почему же Ногай, пользовавшийся такою силою, что мог решать участь ханов в орде, не взял власть в свои руки более решительным образом, не объявил ханом себя самого, а возводил на престол потомков Джучия? Ответ ясен: не имея законных прав на престол по-своему происхождению, Ногай не рискнул на полное устранение их, потому что с таким переворотом не примирился бы народ, в глазах которого чингизиды законного происхождения являлись окруженными ореолом величия. По этой же причине другой, неизмеримо более великий деятель знаменитый Тамерлан также не решился упразднить потомков Чингиз-хана, а до конца своей жизни прикрывался подставными, лишенными всякого значения чингизидами.

Однако, действительный виновник, гибели Тулабуги был всем известен¹³².

После того, как Ногай приблизился к Дунаю¹³³, Болгары и Сербы вошли в сферу влияния этого деятеля, которого история признала опытным интриганом. Ногай принял участие в делах Болгарии, сперва как союзник болгарского краля Константина Теха, потом как его противник, когда породнился (в 1273 г.) с византийским императором Михаилом Палеологом. У Пахимера сообщается, что в 1270 г. Татары способствовали кралю Константину захватить сельджукского султана

¹³⁰ Сборник. – С. 109.

¹³¹ Там же. – С. 104.

¹³² Никоновская летопись так и выразилась: «Того же лета (6799) Ногой царь уби Телебугу царя» (стр. 168).

¹³³ Никифор Григора сообщил, что Скиф Нога имел местопребывание по ту (т.е. северную) сторону Истра. Nicephori Gregorae Byzantina Historia. V. I, Bonnæ, 1829. L. V, §7. – С. 149.

Изз эд-Дина, пришедшего из Малой Азии на помощь грекам, и тогда болгарскому кралоу достались большие сокровища, из которых он щедро одарил татарское войско¹³⁴. Но заключение родственного союза с Михаилом Палеологом изменило политику Ногая по отношению к Болгарам. Когда император Михаил выдал за крала Константина свою племянницу Марию, он обещал возвратить своему зятю болгарские города Месемврию и Анхиал, но все откладывал их передачу, тогда Константин задумал силою осуществить условия договора. Ногай привел с собою татар и присоединился к императорскому войску, чем принудил Константина отказаться от своего намерения¹³⁵.

О том, что Константин, правитель Болгарии, пригласил к себе на помощь 20,000 татар, живших по Истру, для борьбы с Византией, и о том, как пострадал при этом султан Изз д-Дин, сообщил также Никифор Григора. По свидетельству этого писателя, Фракия сильно пострадала от татар, которые взятых в плен жителей гнали, как скот, и после того редко можно было видеть там вола или пахаря¹³⁶.

У Никифора Григоры по поводу похода Михаила Палеолога против Иоанна Севастократора, правителя Фессалии, находим некоторые интересные подробности; а именно: Михаил, пользуясь родственными связями со скифом Ногаем, за которого выдал свою побочную дочь Ирину (у Пахимера – Евфросиния) и который жил по ту сторону Истра (Дуная), отправил к нему посольство с просьбою о поддержке. Ногай дал своему тестю 4,000 отборных скифов (т.е. татар); но поход не состоялся, потому что во время смотра этого войска Михаил почувствовал себя дурно и вскоре умер (1283 г.)¹³⁷.

По смерти Константина болгарский престол похитил Лахана, с которым Ногай вел в 1279 г. войну. Когда Лахан находился в походе, терновские бояре воспользовались его отсутствием и возвели на королевство Иоанна Асеня, сына крала Мицы, при поддержке императора; но так как он оказался орудием византийской политики, то болгары избрали в 1280 г. в правители болгарина Тертера. Тогда Лахан и Асень явились к Ногаю, причем каждый просил у него помощи против Тертера¹³⁸. Ногай пригласил их к себе на пир и там по повелению его

¹³⁴ Боннское издание, т. I, гл. III, §25. – С. 229–240.

¹³⁵ Там же, гл. V, §3. – С. 344.

¹³⁶ Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Bonnae, 1829; гл. IV, §6. – С. 100. Григора называет татар просто скифами.

¹³⁷ N. Grigorae Bizant. Hist., V, §7, p. 149.

¹³⁸ Брдовеник (у Пахимера: Лахан), като бе испаден от България удали се в ордия-та Ногаева между Днистор-т и Дон-т за да го проси да му помогне да

Лахан и его протостратор Цисимпакс были заколоты кинжалами, а Асень избежал подобной участи благодаря заступничеству жены Ногай, Евфросинии, которая тотчас же отправила его в Царьград¹³⁹.

Новый с 1283 г. император, Андроник, примирился с Тертером, но это не входило в планы Ногай, который начал опустошать Болгарию. Не помогло Тертеру и родство его с Ногаем, сын которого женился на дочери этого болгарского правителя. Тертер принужден был спасаться бегством, и укрылся в Адриано-польских пределах, откуда просил помощи у императора; но Андроник, опасаясь превлечь Ногай в пределы Фракии, не только не оказал просимой помощи, но даже заключил Тертера в темницу. Ногай же поставил болгарам в крали боярина Смилчу¹⁴⁰.

И на Сербию обратил свои взоры этот энергичный ордынец. В одном сербском хрисовуле, описанном В.И. Григоровичем, находится запись сербского краля Стефана Милутина о его царствовании и о столкновении с Ногаем; в этой записи читаем: «Великий и беззаконный царь татарски Ногей со всеми силами возвигается на ме. Кралество, устроив богатые дары – посылает к нему. Беззаконный царь, спешащий на кралество ми – прием дар – возвратисе вспять. Послал сына Стефана с великоименитыми властелина службу его. Когда отчаивались в его возврате, Стефан невредим, возвратился: тогда бо сему беззаконному царю междуусобная рать бысть»¹⁴¹. Архимандрит Леонид полагает изложенное событие около 1296 г.¹⁴², после похода краля Стефана в Грецию. Тот же исследователь привел небольшую выписку о том же выступлении Ногай против Сербии из сербского историка ар-

се врьне в България. Михаил Палеолог от своя страна обръна се и той да проси Хант да помогне на И. Асень, кого-то испрати в ордия та му с богати дарове за да умилистави шурия си. (Ногай был женат на Евфросинии, а Иоанн Асень на ее сестре Ирине). См. Български Книжици. 1858, №4. «Последните страници от Българската история». – С. 120. О слове брьдоква см. разбор *Срезневского И.И.* «Церковно-славянский словарь Востокова А.Х.» (Русская Беседа, 1857, II, отд. Критики. – С. 16).

¹³⁹ Пахимер, L. VI, §19, 466–468.

¹⁴⁰ Това лице бе боярин Смилча, кой-то бе избран с Ногаево-то согласие, и скоро се довърши сила-та му, зашто-то и сам Ногай, кат обе испаден из Молдавия от ордия – та на Туктай Хана испроводи през Дунава едного от сыновети си да приеме от Смилча властѣта врьз България. (Болг. Книж., 1858, №4, стр. 122). Арх. Леонид, Хан Нагай. – С. 34–35.

¹⁴¹ Донесения Григоровича В.И. о его путешествии по Славянским землям. Казань, 1915. – С. 82. В «Очерке» сказано: кралевствыми. (Изд. 2. – С. 39).

¹⁴² «Хан Нагай». – С. 36–37.

хиепископа Даниила: «ненавидя добра дьявол, иже искони человекоубийца бысть, тойже и сему беззаконному и нечестивому царю Татарам, глаголему Ногай, вложи во ум, и наusti его на сего христолюбивого краля и на все отечество его, и начать готовитися, яко да воздвигнется с силам пагубными...¹⁴³.

Перед этим в хризовуле повествуется, как татары помогали болгарско-видинскому деспоту Шишману в борьбе со Стефаном Милутиным: «Посемже веста князь некто Шишман в земли българцеи, живы в граде бдины, подръже-окрестные страны многы земли българские. Той, присовокупив прокляту ересь языка татарска, дошел до места Хвостна и хотел внити в место ждрело. Тут великое знамение случилось; стлпъ огнь и моужии, огньные образы имоуще, кои прогнали болгар. Тогда идохом до града Бдыня. Сей же прием древа переходит рекоу глаголемую дунав. Сего же всю дръжавою прием восхоте краlestво ми вся жилища разорити и град, в немъже двор его беше, в конец съкрушити. Сей же рабски молится яко един от меньших моих, общая, во всем послушании бытии краlestву ми»¹⁴⁴.

После смерти Тулабуги Ногай в том же 690 г. (1291), как сообщил Рукн эд-Дин Бейбарс, вручил царство Тохте и утвердил его на нем, и тогда же Ногай пристроил у Тохты братьев его: Бурлюка, Сарай-бугу и Тудана, сказав: «эти братья твои будут к услугам твоим, благоволи к ним». Потом Ногай вернулся восвояси. Остались у него в памяти эмиры, соединившиеся с Тулабугой против него, когда тот послал пригласить его к себе¹⁴⁵.

Может быть к этому времени относится указание, сделанное в приписке на полях рукописи Рукн эд-Дина Бейбарса, что Тохта подарил Ногаю Крым¹⁴⁶. Если Тохта действительно сделал такой подарок, то, конечно, только за услугу, оказанную Ногаем при возведении Тохты на ханский престол¹⁴⁷.

¹⁴³ «Хан Нагай». – С. 36

¹⁴⁴ Донесения Григоровича В.И. – С. 81–82.

¹⁴⁵ Сборник. – С. 108.

¹⁴⁶ Сборник. – С. 111, примечание.

¹⁴⁷ Если бы Ногай имел основание претендовать на звание хана, как полагал Марков А.К. то более благоприятного для того момента, когда был убит Тулабуга и его приверженцы, трудно себе представить; а между тем Ногай избрал ханом Тохту. Значит, дело обстояло не так просто, и никаких прав на ханствование Ногай не имел, происходя от побочной линии Джучи.

Об участии Ногая в возведении Тохты на золотоордынский престол русские летописи ничего не говорят и воцарение этого хана в Орде они относят к 6802 (1294) году¹⁴⁸, что мы принять не можем.

Интриги Ногая в Орде продолжались и при хане Тохте. По рассказу Рукн эд-Дин Бейбарса, в 1293 Ногай отправил к Тохте жену свою Байлак хатунь с особым поручением. Когда она прибыла в орду, то он встретил ее с почетом и ублажал ее пирами и подарками. Так она пропировала несколько дней. Потом он спросил ее о причине ее прибытия. Она ответила ему: «отец твой говорил тебе, что на пути твоим осталось еще несколько терну, так ты очисти его. А что это за терн? – спросил он. Тогда она назвала эмиров, которых ей указал Ногай, как то: Кильтикая, Ютука, Каракуюка, Маджара, Баринтоку, Юку, Куби, Туратемира, Алтемира, Туку, Байтару, Баймеликтемира, Байтуктемира, Байгурактаджи, Баруха, Малджуку, Бурулги, Кунджука, Судука, Караджина, Хаджари, Ишку, и Баянджи¹⁴⁹. Это те, которые соединились с Тулабугой против Ногая. Когда она передала ему это послание и сообщила ему это словесное поручение, то он потребовал к себе этих эмиров одного за другим и умертвил их всех. Байлак хатунь вернулась к Ногаю и сообщила ему об умерщвлении их. Тогда улеглось беспокойство его и прекратилось опасение его. Получили (тогда же) силу дети и внуки его, а было у него детей мужского пола трое: Джека, Тека – оба сына были от одной матери – и Турай от другой жены, да дочь, по имени Тугулджа, и сын дочери, который назывался Актаджи. Дочь эта была замужем за неким Тазом, сыном Мунджука. Усилилось могущество их и окрепли власть и значение их¹⁵⁰.

Я думаю, что к этому кровавому событию в Орде следует отнести выражение Никоновской летописи под 6799 (=1291) годом: «Того же лета в Татарех быстрое размирие, и велиа брань и убийство, а на Руси тишина» (стр. 168). Следовательно, свидетельство нашей летописи, благодаря египетскому историку, приобретает надлежащий смысл и яркое освещение.

Под 693 г. (с 2 дек. 1293 г. по 20 ноября 1294) Рукн эд-Дин Бейбарс отметил, что Ногай, «правитель в Северных областях», казнил

¹⁴⁸ Никонов. лет. – С. 167.

¹⁴⁹ Должности эмира в Золотой орде не было по крайней мере до Эдигея, там эмирам соответствовали темники, т.е. начальники отряда или народа в 10,000 человек; но были ли эти лица десятитысячниками или тысячниками, или иным чем, сказать с уверенностью нельзя.

¹⁵⁰ Сборник. – С. 109.

множество татар¹⁵¹. В это время погибла и Джиджек хатунь, вдова хана Менгутемира. «Она правила (государством) во времена мужа своего и в царствование Туданменгу, севшего на престол после него. Стал им в тягость гнет ее, и они пожаловались на нее Ногаю, который приказал задушить ее. Она и была задушена; вместе с нею был убит эмир, который находился под ее защитой и выполнял приказания ее. Имя его Байтара»¹⁵².

Дружественные отношения, установившиеся между Ногаем и ханом Тохтой, держались не долго. Как и Тулабуга, хан Тохта стал тяготиться могуществом и интригами временщика и решил избавиться от него¹⁵³. Причины вражды указаны следующие: Байлак, жена Ногай, стала бояться двух сыновей его (Ногай), Джеки и Теки, которые выказывали ей непочтение и презрение; она настроила против них Токту и послала к нему подстрекать его против них. Другая причина та, что некоторые эмиры Токты почувствовали страх вследствие одного дела, дошедшего до них о нем, покинули его и ушли к Ногаю, который принял их (у себя), обласкал, отвел им места на своей земле и одного из них, Таза, сына Манджука, женил на дочери своей. Токта послал (к Ногаю) требовать их от него, но тот не выдал их ему. Это разгневало его (Токту) и раздражило. Он отправил к Ногаю посла, и с ним послал соху, пук стрел и горсть земли. Прибыв к нему (Ногаю) и представив ему то, что было с ним, посол сказал: «вот это послание (служит) уведомлением, а вот эти знаки – указкою и намеком». Собрал он (Ногай) старейшин своего народа и советников своих и сказал: «что по-вашему означают эти указки и чего хочет Токта присылкою земли, стрел и сохи»? Каждый из них высказывал свое мнение и приискивал способ толкования ее (загадка). Тогда он (Ногай) сказал: «вы не угадали цели и не отыскиали настоящего смысла. Я поведаю вам намерения его и объясню вам сокровенность его сердца. Что касается сохи, то он хочет сказать: если бы вы ушли в самую глубь земли, все-таки я выкопаю вас (оттуда) этою сохою; что касается стрелы, то он хочет сказать: «если бы вы поднялись до самого поднебесья, то я все-таки этою стрелою заставлю вас спуститься (оттуда); что же касается земли, то он говорит: выбирайте себе землю, на которой произойдет

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. Удушение Чингизидов совершалось тетивою от лука. См. Историю монголов инока Могакии. – С. 32.

¹⁵³ Рукн эд-Дин Бейбарс сообщил, что Ногай и сыновья его выказали Токте сопротивление и выступили против него врагами. Сборник. – С. 110.

встреча (наша)»¹⁵⁴. Они поняли, что он угадал значение этого намека и понял смысл послания Токты и посла его. Он отпустил посла и сказал (ему): «Скажи Токте, что наши кони хотят пить и мы хотим напоить их водою из Дона». Эта река близь сарая и на ней находятся становища Токты. Вернулся посол с этим ответом и стал снаряжаться Токта, собрал рати свои, приготовил отряды свои (к бою), и двинулся навстречу ему (Ногаю)¹⁵⁵.

Приступая к изложению первого столкновения хана Токты с Ногаем в 697 г. (1297–1298), Рукн эд-Дин Бейсбарс еще раз коснулся значения Ногай в Орде: «Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся в доме Берке, смешал тех из царей их, кто ему не нравился и ставил (тех), кого сам выбирал... да хотел, чтобы это так продолжалось (и впредь) и чтобы он (Ногай) оставался правителем этих стран. Но Токте не понравилось быть подвластным ему; он старался сразиться с ним и хлопотал о войне с ним. Дошло до Ногай и сыновей его известие о приближении его (Токты) к нему и о намерении воевать с ним (Ногаем) и собрал он войска бывшие при нем, да тьмы, находившаяся под его начальством, и предводителей, присоединившихся к нему и подчинившихся ему, как то: Таза, сына Мунджука, которого он женил на своей дочери, Тунгуза, сына Каджана, Абаджи, сына Курмыши, и двух братьев его Каранджина и Янджи, Маджи, Судуна, Аладжа, Сангая, Кушуба, Салгая, Ашика, Кунджука, Шубуткая, Теркерия, Кутлубугу, Могултая и с ними более 200,000 всадников... Они сразились при реке Яса, лежащей между владениями Токты и владениями Ногай. Токта и войска его потерпели поражение и обратились в бегство. Добежали они до реки Дона; часть из них переправилась через нее и спаслась, а часть бросилась в нее и утонула. Ногай приказал своим войскам не преследовать бегущих и не бросаться на раненых, захватил добычу, пленных и багаж (неприятельский) и вернулся восвояси»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Здесь, очевидно отразился ходячий восточный рассказ о нападении на врага, куда бы он не скрылся. Чингиз-хан, отправляя Субугеда на преследование детей Тахтао, говорил ему: «Коли они на крыльях улетят на небо, ты будь соколом и поймай их; коли они, как мыши, зароятся в землю, ты будь железной мотыгой и откопай их; коли они, как рыбы, скроются в море, ты будь сетью и выгони их». (Юань-чао-ми-ши, в Труд. Пек. Дух. Мисс., IV. – С. 111).

¹⁵⁵ Сборник. – С. 109–110.

¹⁵⁶ Сборник. – С. 110–111. Эн-Нувейри. – С. 158–159. У Ибн-Хальдуна вместо Дона стоит Итиль, т.е. Волга. – С. 382. Эль-Макризи. – С. 435–436.

Здесь интересно указание на количество войска Ногая – 200,000 всадников, что доводило бы число его подданных до миллиона душ в том случае, если он поднял свой народ. Но можно думать, что эта цифра для того времени преувеличена, так как татары и в более серьезные войны, например с Гулагидами, не выставляли столь сильного войска. Во всяком случае все подобные показания должны быть отмечены, во-первых, для сопоставления цифр между собою, тогда они взаимно подтвердят друг друга, во-вторых, для того, чтобы составить сколько-нибудь надежное представление о численности населения Золотой орды. Без этого все наши расчеты о количестве татар и слившихся с ними турецких народов будут гадательными.

После этого первого столкновения с ханом Ногай овладел областями его и послал в 698 г. (1298–1299) Актаджи, сына дочери своей, в земли крымские, что бы собрать подати, наложенные на жителей его. Тот пришел в Кафу, а этот город (принадлежащий) генуэзским Франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от ее жителей денег. Они угостили его, поднесли ему кое-что для еды и вино для питья. Он поел, да выпил вино и одолело его опьянение. Тогда они напали на него и убили его. Известие об умерщвлении его дошло до Ногая, который отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его (город Кафу), сожгло его, убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, алланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сару-керман, Кырк-Иери (=Чуфут-кале), Керчь и др.¹⁵⁷

Ибн-Муфаддаль под тем же 698 г. рассказал, что в месяце рамазан (в июне) прибыли купцы из Судака и сообщили, что царь Ногай, сидевший на престоле царства Берке, в реби-эль-эввел этого года (с 7 дек. 1298 по 5 января 1299) пришел в Судак с большим войском и приказал жителям Судака, чтобы все, которые были за него, вышли за город со своими людьми и со своим имуществом. Вышли все приверженцы его, а их было более $\frac{1}{3}$ (населения). Потом он приказал войскам (своим) окружить его (город) и стал требовать к себе одного за другим, истязал его и отбирал все его имущество, а затем убивал его, так что (наконец) умертвил всех, кто (оставался) в городе. После этого он поджег его (город) и уничтожил его дотла. Причиною этому было то, что пошлины и другие доходы с Судака делились между четырьмя татарскими царями; одним из них был этот Токтай, тот самый, который находился в дружбе с властителем Египта, посылал к нему послов

¹⁵⁷ Сборник. – С. 112.

и подарки. Говорили, что цари, которые были соправителями его, обижали наместников его при (дележе) приходившихся на его долю доходов. Это и понудило его к тому, что он сделал¹⁵⁸.

Надо полагать, что именно после этого разрушения Судака он утратил свое прежнее торговое значение, и купцы перебрались в другие города.

Рукн эд-Дин Бейсбарс сообщил, что в 698 г. были убиты Абаджи, сын Курмыши, и брат его Караджин. Их было всего 3 брата, принадлежащие к числу старших военачальников и командовавшие тьмами в Северных областях. Они были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска, согласились с ним воевать против Токты, тревожили (?) его вместе с ним (Ногаем) и помогали ему против него (Токты). Когда дело Ногай уладилось, то получили власть и сыновья его, т.е. Джека, Тека и Турай, а на долю сыновей Курмыши не выпало то, чего они ожидали от них. Произошел между ними раздор и они, т.е. Абаджи, Караджин и Янджи, решились отделиться от них, и перешли на сторону Токты. Дошло это до Ногай и сыновей его. Тогда он (Ногай) отрядил сыновей своих; Джеку, Теку и Тураю, чтобы вернуть их и удержать их от перехода к Токте. Сошлись оба отряда, бились целый день, пока их разделила ночь, и улеглись в полном вооружении. Когда настала ночь, то из войска сыновей Курмыши убежал эмир, по имени Кутугу, начальник тысячи всадников, и отправился к сыновьям Ногай. Встали утром и заметили отсутствие его и отряда его, но ни одна из обеих сторон выступила вперед для боя с другой. Когда настал вечер, сыновья Курмыши развели огонь и решили вернуться. Сыновья Ногай подослали к ним (людей), обратились к ним с ласковыми речами, обманули их и сказали: «нет надобности враждовать и воевать; мы родственники и близкие друг другу люди. Лучше всего прекратить ненависть и заключить мир, как было (прежде)». Они успели уговорить Янджи, младшего (из братьев), и он перешел на их сторону. Тогда они стали просить его, чтобы он уговорил братьев своих и склонил их к перемирию и соглашению. Он (Янджи) вернулся к

¹⁵⁸ Сборник. – С. 195. Несколько сбивчивый текст подал В.Г.Тизенгаузену повод высказать предположение, что тут Ногай смешан с Токтой, потому что под 700-м г. сказано: «Царем Кипчака и Судака до реки Итиля Тохта-кан, сын брата Берке». Но уже А.К.Марков возразил, что речь идет именно о Ногае. И действительно, по ходу событий Тохта не мог осаждать Судак, когда Ногай владел Крымом. И дальше Муфаддаль повторил, что в 700-м г. (1300–1301) между упомянутом выше, и между царем Токтой произошло больше сражений, что он (Токта) одержал верх над ним (Ногаем) и стал властвовать над всем царством Кипчацким. – С. 196.

брату своему Абаджи, передал ему слова их и просил его соединиться с ними. Тот поверил словам его и лично отправился к ним. Караджин же, брат их, который внушал им быть осторожными (?) и управлял войском их, остался на месте и не отправился с братом своим. Тогда они вступили в переговоры с матерью его относительно отправки его; она посоветовала ему отправиться и заключить мир. Он и отправился, но когда оба брата, Абаджи и Караджин, собрались у сыновей Ногая, то они (последние) убили обоих. Узнав об этом, Янджи не вернулся к ним, а спасся сам. Сыновья Ногая, ограбив тьмы Абаджи и брата его, большую часть их перебили и увели в плен неволею. Могущество их усилилось, войска их умножились, и власть их расширилась. Они превзошли отца своего¹⁵⁹.

Этот небольшой эпизод прекрасно показывает, какое растлевающее влияние проявил Ногай в Орде. Военачальники переходили то на сторону его, то на сторону хана; последних Ногай преследовал и истреблял или открытою силою, или коварством. Так же стали поступать и его сыновья.

Второе выступление Тохты против Ногая было успешно. «В 699 г. (с 28 сен. 1299 по 15 сент. 1300) царь Токта, сын Менгутемира, решил-ся пойти войною на Ногай отомстить ему и затушить огонь гнева своего. Случилось так, что несколько эмиров Ногаевых, на которых он вполне полагался и которые полагались на него, покинули его и ушли к Токте. Благодаря им укрепилась его решимость и усилилось желание отомстить. Это были Маджи, Судунь, Утрадж, Акбуга и Тайта, и с ними 30,000 всадников. Он решился идти на них (т.е. Ногай и его сыновей) и дошло до них (известие), что он направляется к ним, собрав известное количество войск и пригласив к себе вспомогательные полчища. При нем находились ханы и начальники десяти тысяч: отступник¹⁶⁰ Токта, Мунджук, Джехеркес, Янджи, Салджудай, Яблак, Толоктемир, Акбуга, Алтабуга, Качмаз, братья царя: Бурлюк, Сарайбуга, и Тудан, и перешедшие к нему из войска Ногай эмиры, о которых мы говорили уже выше. Отправились Ногай и сыновья его, Джека, Тека и Турай, эмиры его и войско его, и приготовились к встрече. Когда оба войска находились друг от друга на расстоянии одного дня, то он (Ногай) отправил человека по имени Буга, с сотнею всадников, разведать

¹⁵⁹ Сборник. – С. 112–113.

¹⁶⁰ مرتدة значит отступник от религии. Тизенгаузен поставил это слово с вопросительным знаком. Назвать Токту отступником мусульманский историк мог потому, что этот хан не исповедовал ислам.

ему, где находится Токта и какое с ним войско. Тот отправился на разведку их, но когда он выследил их, то они окружили его и перебили всех, бывших с ним. Успел спастись только он сам и, вернувшись, сообщил Ногаю, что они настигли его. Двинулись Ногай, сыновья его и те, которые находились при нем. Оба войска сошлись в местности, называемой Куканлык и сразились. Поражение настигло Ногаю во время заката солнца. Сыновья и войско его обратилось в бегство и разбрелись в разные стороны. Он же оставался на коне; но он уже был в преклонных летах и глаза его были покрыты волосами бровей его (мешавшим ему видеть); старость его одолела и ослабила его силу. Настиг его Русский из войска Токты; он (Ногай) сообщил ему, кто он такой и сказал ему: «не убивай меня, я Ногай, а отведи меня к Токте; мне нужно с ним сойтись и переговорить бы с ним». Но Русский не поддался его словам, а тотчас тут же отрубил ему голову, принес ее царю Токтаю и сказал ему: «вот голова Ногай». Тот спросил его: «Что же надоумило тебя, что это Ногай»? Тот ответил: «Он сам мне поведал об этом и просил меня не убивать его, но я не послушался его и кинулся на него». Токта вознегодовал на это сильным гневом и отдал приказание на счет (казни) Русского. Он был убит за то, что умертвил такого великого по сану человека, а не представил его султану. Он (Токта) сказал: «правосудие требует смерти его, чтобы не явился снова кто-нибудь, который сделал бы подобное этому». Токта вернулся в свою ставку. Сбылось его желание, и освежились глаза его (т.е. он был обрадован) победою над врагами своими¹⁶¹. У Ибн-Хальдуна слова Токты переданы так: «простой народ да не убивает царей»¹⁶².

¹⁶¹ Сборник. – С. 113–114, 122–123, 159.

¹⁶² Там же. – С. 383. Для объяснения значений этих слов приведу рассказ Юань-чао-ми-ши из истории Чингиз-хана. Когда Чжамуха, бывший сперва другом Чингиза, а потом изменивший ему, был схвачен своими пятью спутниками и выдан Чингизу, он поручил человеку передать Чингизу: «Черные галки сумели поймать селезня; рабы осмелились схватить своего господина; царь анда! Ты знаешь что делать». Чингиз сказал: «Возможно ли оставить людей, схватившего собственного своего господина? Предать их, с их детьми и внуками смерти»! Тогда он приказал казнить их в присутствии Чжамухи. (стр. 112). В подобном же роде находим рассказ у Шильт-бергера о столкновении султана Баязида с его шурином Караманом, убийца которого также был казнен. (Путешествия Ивана Шильтбергера) – С. 11). Можно думать, что у кочевых народов северо-восточной Азии существовало в полное определенное представление о недопустимости убийства лиц знатных простыми людьми. В Юань-чао-ми-ши приводится и обратный случай, когда противник Чингиз-хана, Тархута-Кирилту, был захвачен домашним человеком, Ширгуэ-ту и

Что же касается сыновей Ногая и тех, которые уцелели из войск их, то они скрылись под прикрытием ночи и тайком пробрались через массы войск Токты, откликаясь их лозунгом, чтобы они приняли за своих. Лозунг же их, как рассказывал один из очевидцев сражения, был Итиль Яик. Спаслись они в эту самую ночь, ночью же двинулись в путь и вернулись восвояси. Из жен, детей их взято было в плен многое множество и несметное скопище. Они были проданы в разные места и увезены в (чужие) страны. В областях египетских султан и эмиры накопили множество людей, которых привезли туда купцы. Они (пленные) добровольно приняли ислам; старательно и с любовью творили молитвы»¹⁶³.

О гибели Ногая кратко упомянул Рашид ад-Дин в главе о племени Хоирган: «В это продолжение большая часть того войска была в Дешти Кипчак вместе с Ногаем. Так как Ногай и дети замыслили сопротивление, их разорили, и ныне в том государстве их много рассеяно»¹⁶⁴. Кажется, что в этих выражениях Рашид ад-Дин передал дошедший до него слух о намерении Ногая отложиться от Ханов Золотой Орды.

Биография Ногая дает ясное представление о сорокалетней, богатой крупными событиями эпохи в истории Золотой Орды, когда государственный строй выработался уже в определенную форму и когда установились сколько-нибудь сносные отношения между победителями и побежденными. Ногай не только принимал энергичное участие в событиях своего времени, но и сам направлял ход истории в главной части Джучиева Улуса. С одной стороны, будучи опытным, в военном деле, увеличил владения Орды, с другой – содействовал ее расчленению, чем нанес конечно, не намеренно, первый удар ее могуществу. Он стал центром ловкой и вместе с тем кровавой интриги, которая в течении многих лет сеяла смуту в Орде. Неудивительно, поэтому, что

двумя его сыновьями, Алах'ом и Наяя'ем, но отпущен ими на волю, потому что Наяя заявил: «Если мы приведем его к Темучжину, то Темучжин наверно скажет, что мы схватили своего законного господина и не можем быть ему товарищами: он непременно убьет нас». Темучжин одобрил их поступок (стр. 74–75) и впоследствии наградил Наяя, сказав: «Эти люди понимают высокий долг» (стр. 124).

¹⁶³ Сборник. – С. 114–115. У Ибн-Хальдуна: «Лагерь Ногая был отдан на разграбление, а пленники и узники их были распроданы во все страны света. Часть их в Египте была обращена в рабство и зачислена в ряды Египетского войска». – С. 383.

¹⁶⁴ Труды Вост. отд. И.Р.А.О., ч. V. – С. 200.

о Ногае дошло до нас разнообразных письменных известий более чем о каком-либо другом деятеле. Или даже о хане в Золотой Орде.

Перейдем к вопросу: был Ногай действительно ханом? Рассмотрим данные за и против этого. Так как несомненных указаний в пользу отрицательного и положительного решений не имеется. Эль Айни заметил, что Ногай был причислен к ханам¹⁶⁵. Пахимер сообщил, что Ногай, найдя страны, лежащие к северу от Черного моря пригодными для управления, отложился от Золотой Орды¹⁶⁶. Известно, что египетские султаны очень ценили Ногая и, посылая подарки ханам не забывали и временщика и ставили его имя непосредственно за ханским¹⁶⁷. Мало того, что Ногай самостоятельно переписывался с египетскими султанами и получал от них ответы¹⁶⁸, даже отправлял один раз свое посольство в Египет, именно в Реби-эль-эввеле 681 г. (=июнь – июль 1282 г.), в состав трех лиц: эмира Сутуруса, эмира Нургаса, и Сейф эд-Дина Абубекра¹⁶⁹. Читая египетские летописи, мы сможем следить за постепенным усилением Ногая. Византийские историки также передали нам, что Ногай имел дипломатические отношения с Византией. Следовательно, все известия ведутся к тому, что конце концов Ногай приблизился к положению хана; но была ли его власть оформлена торжественным, соответствующим коронаванию обрядом, – это сомнительно. У мусульманских историков нет описания этого обряда в Золотой Орде; но так как наша Орда старалась подражать Большой, то само собой разумеется, что и на Волге ханов подымали на белом войлоке, как в Монголии. За это говорит, во-первых, широкое распространение этого обряда в странах, входящих в состав монгольской Империи; он долго удерживался у казаков-киргизов, в среднеазиатских ханствах и даже в Российском государстве с одобрения царей в царстве Касимовском и у Малых Ногаев. И до сих пор в турецком языке существует выражение хан кутермяк – «поднимать хана»¹⁷⁰. Во-вторых, мы имеем прямое свидетельство европейца, бывшего в Золотой Орде, Шильтбергера, что именно так избирали ханов: «при избрании короля они сажают его на белый войлок и поднимают три раза. Затем носят его вокруг палатки,

¹⁶⁵ Сборник. – С. 510.

¹⁶⁶ См. раньше. – С. 28 (так в оригинале, см. стр. 160 наст. издания. – Прим. ред.).

¹⁶⁷ Посольство султана Калавуна в 681 г. (=1282), посольство 683 г. (= 1284) при хане Тудамengu. Сборник. – С. 104–105.

¹⁶⁸ Сборник. – С. 101–102, 121–122, 434.

¹⁶⁹ Сборник. – С. 362.

¹⁷⁰ Известия Общ. Арх., Ист. и Этн. при И. Казан. Унив., т. XII. – С. 374–380.

сажают на престол и дают ему в руку меч; после чего он должен присягать по их обыкновению»¹⁷¹.

Этот обряд довольно подробно описан у Плано Карпини и немного дополнен Рашидом эд-Дином в рассказе при вступлении на престол Мönке хана. По-видимому, главным действующим лицом при выборе хана в 1251 г. был Батый, и когда избрание хана состоялось, он «по обычаю монголов, поднялся, а все царевичи и нойоны, распустив пояса и скинув шапки, стали на колени. Батый взял чашу: все присутствующие приняли присягу». В другом месте этот автор выразился так: «все присутствующие – упомянутые царевичи, старшие достопочтенные беки, исчисленные, прежде военачальники и бесчисленные собранные там войска сняли с голов шапки и повесили пояса себе на плечи»¹⁷².

Плано Карпини также сообщил, что когда посадили Куюка на императорский престол, вожди преклонили перед ним колено. После этого, то же самое сделал весь народ¹⁷³.

Относительно вступления на престол Гулагидов некоторые сведения дают нам персидские историки. По-видимому, в Персии не существовало обычая подымать ильханов на войлок. Так, Вассаф, описывая вступление на престол Абаки, сообщил, что все принцы, повесив пояса на шею семь раз преклоняли колено перед солнцем; затем пили вино в золотых и серебряных чашах, а певец пел песни (персидский текст стр. 104). При избрании Аргона на царство принцы принцессы пили вино, причем играла музыка (перс. т., стр. 281). Невольно вспоминается «чаша», обязательно упоминаемая в русском посольском церемониале за московский период.

¹⁷¹ «Путешествия Ивана Шильтбергера». – С 55.

¹⁷² И.Н.Березин, О внутреннем у свойстве улуса Джучи. – С. 42. Обряд снятия шапки и пояса имел у монголов какое-то священное значение. Так, когда Чингиз-хан скрылся на горе Бурхань и тем спасся от преследовавших его Мерки, он постановил всегда приносить этой горе жертву; затем он обратился к солнцу, повесил пояс на шею, а шапку на руку, и ударяя себя в грудь, девять раз преклонил колена и сделал возлияние кумысом. (Юань-чао-ми-ши, стр. 52). Другой случай: Чингиз-хан, поверив предсказанию шамана Тебтенгри, что после Чингиза будет царствовать над народами брат его, Хасар, задумал известить его. Прибыв к Хасару, Чингиз-хан связал рукава, и сняв с него шапку и пояс, допрашивал его. Дальнейшему помешала мать их, Хоэлунь, которой удалось пристыдить Чингиза, она развязала Хасара и отдала ему шапку с поясом (стр. 135). По объяснению арх. Палладия, пояс и шапка были принадлежностью личной свободы у монголов (стр. 184). Чингиз и Чжамуха, для скрепления дружбы, подарили друг другу по золотому поясу (стр. 58).

¹⁷³ История Монголов. – С. 55.

Таким образом, обряд при избрании хана имел религиозно-государственное значение, и злоупотреблять этим обрядом было нельзя. Едва ли можно допустить, что при существовании законно избранных ханов народ согласился бы «поднять» еще и Ногаю, какой бы популярностью он не пользовался. Ни при Беркае, ни при Менгу Тимуре, ханах очень могущественных, ничего подобного, безусловно, произойти не могло; но и при слабых ханах, каковыми были Тулан Менгу и Тула-буга, Ногай не рискнул устранить законных Чингизидов. Поэтому приходится высказывать предположение, что Ногай признавался ханом не по праву избрания, а по тому значению какое он приобрел в орде. Маловероятно, что Ногай мог пользоваться всеми прерогативами, присущими ханской власти, чувствуется, что Ногай действует не с тою уверенностью, какую видим у ханов до него и после него. Нет не единого прямого свидетельства в пользу того что Ногай давал ярлыки на княжение, за исключение выражения «не едешь к своему хану Ногаю». Если же Ногай ярлыков не давал, то это обстоятельство является чрезвычайно важным; вспомним знаменательное выражение Дмитрия Донского «К ярлыку не еду». Затем, когда Тулабуга предпринял походы на Польшу, то приказал Ногаю двинуться сообща в землю Краковскую, и Ногай должен был повиноваться¹⁷⁴. По весьма вероятному свидетельству египетских историков, Ногай, овладев Тулабугой, предоставил его Тохте, который и велел умертвить этого хана, следовательно, сам Ногай не решился посягнуть на чингизида. Про город Судак в 698 году (1299) эль Муфаддаль сообщил, что пошлины его делились между четырьмя татарскими царями¹⁷⁵. Значит Ногай, по отношению к этому городу, не был единым хозяином его доходов. Под тем же годом другой историк Руken эд-Дин Бейбарс, сообщил о сыновьях Курмыши, заметил, что они принадлежали к числу старших военачальников и командовали тьмами в Северных областях, и были равны Ногаю по могуществу, значению и численности войска¹⁷⁶. Это характеристика не совсем согласуется с ханским равноправием Ногай.

В последнее время самым сильным доказательством в пользу того, что Ногай был ханом, выступают монеты, которые ранее считались загадочными, а ныне приписываются ученым А.К.Марковым Ногаю¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Сборник. – С. 106.

¹⁷⁵ Там же. – С. 195.

¹⁷⁶ Там же. – С. 112.

¹⁷⁷ «О монетах хана Ногай». (Труды Московского Нумизматического Общества, т. III).

Эти монеты довольно странные. Начать с того, что на них нет имени, а только почетный титул (лякаб) нусрет эд-дунья ве д-дин («помощь мира и веры»), неизвестно кому принадлежащий. Между тем мы знаем, что всякий претендент на ханство, прежде всего, стремиться отметить свое имя на монетах, потому что на Востоке это имеет существенное значение, как одна из прерогатив верховной власти¹⁷⁸. Так предусмотрительно и поступил другой темник Едигей, добивавшийся власти над ханами в Орде. Разобраться в монетах этого темника было, вследствие дурного чекана, нелегко. Они находились еще в руках Френа, но знаменитый нумизмат имел очень ограниченное количество этих монет, надпись не поддавалась чтению, и он отнес их к неизвестным джучидским. Заслуга в установлении легенд принадлежит А.К.Маркову¹⁷⁹. На лицевой стороне помещено имя Дервиш хана с обычным титулом султан и с пожеланием: да продлит Аллах его царствование; иногда помещен год, но не полный. На обратной стороне:

Т.е. эмир	امير
Идику бек	ادكو بيك
чекан Крыма	ضرب قر
	يم .

До некоторой степени подражание тимуридским монетам. Почти ничего подобного не видим на наших анонимных монетах. На них изображена тамга (герб), близко подходящая к тамге джучидов, представляющей стремя, только на джудчидских монетах стремя расположено правильно, кольцом вверх, а на ногайских – в лежащем виде, кольцом влево. Эти монеты биты в Крыму и имеют будто бы 690-й год (1291-й), когда был убит Тулабуга и возведен Ногаем на ханство Тохта. Так как в это время Крымом владел Ногай, то, по мнению Маркова никто другой кроме Ногая, не мог там чеканить монету. Статья отличается стройным изложением, имеет цель доказать ханствование Ногая и может показаться вполне убедительной; но я не могу согласиться с Марковым в самом основном, а именно в годе. По чтению Маркова выходит: سنة تسعين وستماية «года шестьсот девяностого». Я же

¹⁷⁸ Если интересующие нас монеты принадлежат Ногаю, во время которого будто бы ханы Золотой орды не ставили свое имя, то до него помещали свои имена на монетах Менгу-тимур, Тулабуга. Т.е. установилась уже традиция относительно имен.

¹⁷⁹ Четвертое прибавление к Инвентарному Каталогу мусульманских монет Эрмитажа. – С 1028.

вижу нечто другое: سنة ثمانماية (ثمانماية) «года восьмисотого»¹⁸⁰. 800-й год гиджры равен 1397, по Р.Х., Следовательно, монеты вышли из чекана спустя сто мусульманских лет после смерти Ногая. Если мое чтение верно, а на этом я настаиваю, то новый факт, введенный А.К.Марковым в историю Золотой Орды, должен отпасть. В таком случае лишний раз подтвердилось бы мое, давно уже высказанное замечание, что золотоордынская нумизматика очень опасный источник для истории Джучиева улуса.

Какой же вывод получается из этого изложения? Мне кажется, что Ногай был ханом; у нас нет основания отвергать те свидетельства о его ханстве, которые дошли до нас с разных сторон. Но в то же время трудно признать Ногаю таким настоящим и самостоятельным ханом, какими были по существу, хотя не всегда фактически, потомки Батыея. Если бы в Золотой Орде существовали вассальные отношения, то Ногаю можно было бы считать вассальным ханом; но ничего подобного мы не замечаем. Даже русских князей, вопреки мнению доктора Бретшнейдера¹⁸¹, нельзя назвать вассалами ханов, потому что хотя внутренние управление и было оставлено за Рюриковичами, которые обязаны были давать ханам дань и посылать воинов, но и сами князья не пользовались от своих повелителей никакими договорными правами, которые регулировали бы отношения между сюзереном и вассалами. Все зависело от каприза и усмотрения ханов, да не только самих ханов, а иногда от произвола их баскаков.

Проследим судьбу сыновей Ногая. После смерти его – повествовал Рукн эд-Динь Бейбарс – когда оба брата, Джека и Тека, возвратились восвояси и к ним вернулись остатки войска их, уцелевшего от избиения и разграбления, то Джека присвоил себе прежние владения отца своего, заявив исключительное право на них, помимо брата своего; (этим) он раздражил сердце его и испортил душу его, так что он (Тека) решился отпасть от него и перейти к Токте со многими (другими)... Дошло до брата его (известие) о том, что он (Тека) отложился от него и решился уйти от него. Тогда он стал бояться, что он заключит союз с Токтой против него, и послал к нему тайком людей, которые настиг-

¹⁸⁰ В начертании года недостает буквы ن; но мне кажется, что это буква существует, только попала не на свое место, не впереди мима ثمانية, а сзади ثمانية, потому что между م и ث никакого маркяза не требуется. [В рукописи помещено изображение монет (из статьи А.К.Маркова. – С. 9), здесь не воспроизведенное. – В.Б.].

¹⁸¹ Notices of the Mediaeval Geography and History of Central and Western Asia. London, 1876.

ли его в одну из ночей, когда он беззаботно спал в своем шатре, окружили шатер со всех сторон, копьями кололи его, находившегося внутри шатра, до тех пор, пока не сочли его умершим и, бросив его, ушли восвояси. Но в нем осталась искра жизни... Он (Джека) подослал к нему человека, который должен был старательно довершить убийство его. Затем это разгласилось между войсками их и стало известно родственникам и племенами их. Удивились они поступку его и охулили распоряжение его относительно брата его и убийство его. Отчуждались (от него) сердца их, возмутились души их и покинули многие из них¹⁸².

В следующем 700-м году (с 16 сент. 1300 г. по 5 сент. 1301 г.) погиб и Джека, о чем передал нам тот же источник: Джека, при овладении царством, поставил над нами наместника, по имени Тунгуз, из старших эмиров. Когда он приступил к убийству брата своего Теки, то он (Тунгуз) отделился от него и уговорился Тазом, сыном Мунджука, – зятем Ногая, потому что он женил его на дочери своей Тугулдже – отправиться в грабительский поход на земли Валахов и Русских. Отправились они вдвоем со своими людьми и, оставшись наедине один с другим, стали беседовать и рассуждать о поступке Джеки, о его дерзости и дурном характере его сказали: «коли этот не пожалел брата своего, как же он пожалеет нас». Тогда они уговорились вернуться к нему да напасть на него, и возвратились к ставке его. Но один из войска их проведал, что они условились известить его (Джеку). Он сел на коня, поскакал во весь опор и уведомил его о положении (его) бескорыстно и дружески. Когда он (Джека), заметил, что они уже наступают его, то он тотчас же ускакал с 150 всадниками своего отряда и отправился в страну Асов, в которой находился предводитель и десять тысяч войска его. Он приютился у них и остался там. Наместник же его, Тунгуз, и Таз, зять его (Джеки), отправились в ставки его, ограбили их, овладели ими и нашли, что он успел убежать от них. Когда Джека остановился на земле Асов и воины его убедились, что он жив и действительно еще существует, а не погиб, то многие из них тайком пробрались к нему. Благодаря им отряд его увеличился и сила его умножилась. Тогда он вернулся, чтобы воевать с Тунгузом и Тазом. Оба войска встретились. Он (Джека) одержал верх над ними, разбил и рассеял их, забрал в плен и награбил, сколько хотел, и отнял у них опять свои ставки и свои стада. Рассказывал очевидец этого сражения, что сестра его (Джеки), Тугулджа, дочь отца его Ногая, сидя на коне, сражалась против него (мужа своего) вместе с мужчинами. Когда муж ее

¹⁸² Сборник. – С. 115–116.

и бывшие с ними были разбиты, то они обратились к Токте с просьбою о поддержке и умоляли (его) помочь им войском, с которым они могли бы сразиться против Джеки и снова отразить его. Он (Токта) помог им ратью (которую послал им) под начальством своего брата Бурлюка, сына Менгутемира. Когда к ним прибыла помощь от Токты, то они объявили войну и снова вступили в бой. Джека не был в состоянии противиться им. Он бежал и прибыл в землю Валахов, царь и правитель которой был женат на одной из родственниц его¹⁸³. Он (Джека) забрался в одну из крепостей его, и приютился в ней, надеясь, что он безопасен у него. Сторонники его (царя Валахского) сказали ему: «(человек) этот, пришедший к тебе, враг Токте, который всячески старается схватить его. Если он (Токта) узнает о его пребывании у нас, то он придет к нам и погубит нас. Лучше всего схватить его (Джеку) и уведомить его (Токту) об этом». Он (царь) схватил его, засадил в крепость свою, под именем Тырнов, и известил о происшедшем Токту, который приказал убить его. Он и был убит в этом году. Так освободилось царство Токты от противников его и исполнились все его желания относительно гибели его врагов¹⁸⁴.

И болгарская история отметила смерть Джеки (по болгарски Чака или Чакас) в пределах Болгарии, но без указания года, что дало возможность некоторым местным историкам относить это событие ко времени Ногая¹⁸⁵. Чакас прибыл в Болгарию к своему шурину Святославу, сыну Тертера, и предлагал ему поделить между собою болгарские области. Святослав согласился и с помощью Чакаса продолжил путь к престолу, а затем заключил его в темницу, где Чака, по свидетельству Пахимера, был задушен прислуживавшими ему евреями¹⁸⁶. Довольно подробно о делах Болгарии сообщил Пахимер и между прочим коснулся и той роли, какую сыграл там Чака (Τζαχᾱς)¹⁸⁷.

Про третьего сына Ногая, Турая, Рукн эд-Дин Бейбарс сообщил под 701 г. (с 6 сент. 1301 по 25 авг. 1302) следующие подробности. В

¹⁸³ Джека был женат на дочери Тертера. Болгарскы Книжици, 1858, №4. – С. 123. См. выше. – С. 41 (так в оригинале, см. стр. 174 наст. издания. – Прим. ред.).

¹⁸⁴ Сборник. – С. 117, 383–384.

¹⁸⁵ Арх. Леонид, Хан Нагай. – С. 35.

¹⁸⁶ Болгарскы Книжици, стр. 122–123. Арх. Леонид, Хан Нагай. – С. 35.

¹⁸⁷ G.Pachumer., v. II, L. III, p. 264–266. О сыновьях Ногая, привлечших к Дунаю Аланы, которые здесь приняли деятельное участие в военных событиях, см. статью Кулаковского Ю.А. «Аланы по сведениям классических и византийских писателей». (Чтения в Историч. Обществе Нестора-летописца. Кн. XIII, отд. II. – С. 158–159).

этом же году двинулся (в поход) Турай, сын Ногая, чтобы отомстить за отца и двух братьев своих. Он пустился на хитрости и для осуществления своей цели и достижения того, что ему нужно было, начал с (разных) уловок. Так он отправился к сыну Менгутемира, Сарайбуге, которого брат его Токта поставил на место Ногая. Турай подделался к нему, старался его расположить в свою пользу и опутал его, а когда заметил его расположение к нему, то вовлек его в дело брата своего Токты, объяснив ему, что он (Сарайбуга) имеет больше его (Токты) прав на царство и управление государством, и соблазнил его. Тот согласился с ним и поддался лжи его до того, что был проведен им. Он двинулся со своим 10,000-м отрядом¹⁸⁸ и переправился через реку Итиль, которая (в то время) замерзла, на конях, но пришло ему в голову посоветоваться с братом своим Бурлюком и попросить его о помощи. Он оставил войско в стороне, отправился один, прибыл к Бурлюку и посоветовался с ним о своем деле. Тот выразил ему одобрение его плана и готовность содействовать ему в том, чего он желал, но потом тотчас же поспешил известить Токту о том, что против него замыслили брат его Сарайбуга и Турай, сын Ногая, относительно нападения на него. Токта немедленно двинулся (на них) со своими приближенными и приверженцами и против обоих отправил (людей) для приведения их (к нему). Оба они были убиты в его присутствии и войско их разбилось¹⁸⁹.

В том же году бежал Каракисек, сын Джеки, сына Ногая. Вместе с ним убежали два родственника его, Джериктемир и Юлукутлу. Это (произошло) оттого, что когда Токта убил брата своего Сарайбугу и сына Ногая, Турая, то Бурлюк послал требовать (к себе) Каракисека. Тогда последний и оба упомянутых лица бежали. Бегство забросило их в страну Шешимена, в местность, называемую Будуль, поблизости от Кракова. Вместе с ним отправилось до 3,000 всадников. Шешимен и соратники его приняли их у себя, и они остались у них, бродя по (разным) местам и прокармливая себя мечами (своими) до нашего времени¹⁹⁰.

Так не удержалось на высоте положение семьи Ногая, когда этот выдающийся отпрыск чингизидов сошел со сцены.

¹⁸⁸ В тексте стоит: со своим туманом. – С. 94.

¹⁸⁹ Сборник. – С. 118–119.

¹⁹⁰ Там же. – С. 119, 384. Шишман (Стратимир), болгарско-видинский деспот, ведший, при помощи татар, войну с сербским краалем. Арх. Леонид, Хан Нагай. – С. 37.

Веселовский Николай Иванович

Труды по истории Золотой Орды

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева, Л.С.Гиниятуллина*

Компьютерный набор – *Н.Ф.Шайхиев*

Подписано в печать 22.10.2010 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. листов 12,0 Тираж 600 экз.

ISBN 978-5-9690-0135-0



Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09